

Следующий шаг в религии. Очерк грядущего Возрождения

Рой Вуд Селларс

**The Next Step in Religion: An Essay toward
the Coming Renaissance**

Roy Wood Sellars

Электронная книга проекта "Гутенберг" "Следующий шаг в религии: эссе на пути к грядущему Возрождению"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Следующий шаг в религии: Эссе на пути к грядущему Возрождению

Автор: Рой Вуд Селларс

Дата выхода: 8 апреля 2010 г. [Электронная книга № 31920]

Последнее обновление: 6 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер - Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ В РЕЛИГИИ: ЭССЕ На ПУТИ К ГРЯДУЩЕМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ" ***

СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ В РЕЛИГИИ

ОЧЕРК ГРЯДУЩЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

АВТОР РОЙ ВУД СЕЛЛАРС, доктор философии .

Автор книг "Критический реализм", "Следующий шаг к демократии" и др.

Нью-Йорк
THE MACMILLAN COMPANY
1918

Все права защищены

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1918 г.
КОМПАНИЕЙ MACMILLAN,

создана и отпечатана на машинке. Опубликовано в августе 1918 г.

ХЕЛЕН СТАЛКЕР СЕЛЛАРС ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги позитивна и созидательна, хотя на первый взгляд она может и не показаться таковой читателю, чьи унаследованные убеждения свободно оспариваются. Но пусть читатель поразмыслит над тем фактом, что глубочайшая духовная жизнь всегда была связана с признанием и поддержанием ценностей. О том, кто признает человеческие ценности и желает их развивать, нельзя сказать, что он нерелигиозен или недуховен.

Центр тяжести религии уже некоторое время открыто меняется со сверхъестественного на то, что лучше всего можно назвать гуманистическим натурализмом. История этого изменения прослеживается во многих главах книги. В прошлом было сделано много шагов вперед, ибо каждая эпоха должна иметь свою собственную религию, религию, соответствующую ее знаниям и выражающую ее проблемы и цели. Искренность и адекватность, с которыми выполняется эта необходимая задача, измеряют духовное величие конкретной эпохи.

Я назвал эту книгу "*Следующий шаг в религии*", потому что настало время для одного из великих шагов вперед. Религиозные установки должны быть приспособлены к знаниям человека. Пусть не боятся, что это нанесет ущерб духовной жизни человека. Скорее, она станет более разумной, оздоровленной и созидательной.

Первая фаза религии отражала беспомощность и страх человека. Он населил свое окружение сознательными силами, иногда враждебными, иногда дружелюбными, но всегда ревнивыми. Человек стал их рабом. По мере того как человек становился все менее диким, эти боги его фантазии становились благороднее. Но они по-прежнему действовали как магниты, отвлекая его внимание от собственных проблем. Грядущий этап развития религии отразит власть человека над природой и его моральное мужество перед лицом фактов и возможностей жизни. Это будет религия действия и страсти, социальная религия, религия целей и перспектив. Это будет религия свободного человека, религия для взрослого и стремящегося к демократии.

Книга, в основном, должна иметь свои собственные учетные данные. Но могут найтись те, кто захочет продолжить поиски дальше и глубже. Для тех, кого интересует мое участие в этой более масштабной работе, я могу упомянуть о моем *критическом реализме* и *Следующем шаге к демократии*.

Р. У. СЕЛЛАРС.

Энн-Арбор, Мичиган,
5 августа 1918 года.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I ПРЕДЛОЖЕНИЯ	1
II ЭПОХА МИФОВ	13
III ИСТОРИИ СОТВОРЕНИЯ МИРА	30
IV МАГИЯ И РИТУАЛ	44
V ИСТОКИ ХРИСТИАНСТВА	58
VI ПРОРОК ИЗ НАЗАРЕТА	72
VII ЭВОЛЮЦИЯ ХРИСТИАНСТВА	84
VIII КОНФЛИКТ МЕЖДУ НАУКОЙ И ТЕОЛОГИЕЙ	98
IX ПРЕДЕЛЫ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ	110
X СЛУЧАЮТСЯ ЛИ ЧУДЕСА?	123
XI ДУША И БЕССМЕРТИЕ	138
XII ПРОБЛЕМА ЗЛА	153
XIII РЕЛИГИЯ И ЭТИКА	169

XIV	ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ—КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ	187
XV	ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ—ПРОТЕСТАНТИЗМ	198
XVI	РЕЛИГИЯ ГУМАНИСТА	211

СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ В РЕЛИГИИ

ГЛАВА I

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Формируется новый взгляд на вселенную и место человека в ней в большей степени, чем люди осознают. Она формируется в лабораториях ученых, кабинетах мыслителей, конгрессах социальных работников, ассамблеях реформаторов, студиях художников и, что еще более незаметно, в кружках многих семей. Этот новый вид растет под старым, как почка растет под его покровом, и медленно отодвигает его в сторону. В то время как унаследованное мировоззрение, все еще кажущееся таким сильным, теряет эффективность и превращается в предмет условностей и фраз, идеи и цели, которые приходят ему на смену, обладают энергией и импульсом контакта с живыми тенденциями и потребностями настоящего.

Человечество отдаляется от своих традиционных верований так же неизбежно, как мальчик или девочка от детских фантазий, и часто с таким же отсутствием осознания. Но для обоих наверняка придет время, когда перемены станут очевидными и возникнет необходимость в интерпретации и серьезном самообщении. В такое время доброжелательное — но в то же время бескомпромиссное и правдивое — объяснение природы и последствий кризиса является курсом, продиктованным мудростью. Ничто не может быть более жестоким, дезорганизирующим и, в некотором смысле, оскорбительным, чем попытка согласовать то, что в долгосрочной перспективе не может быть согласовано. Тогда агония наверняка затянется надолго, и сила души, даруемая бесстрашием, будет утрачена. Я чувствую, что первый закон личности - это *духовное мужество*. Действия и методы, основанные на сомнении в этом первичном законе, приводят к притуплению тонкой грани "я", травме, большую которой едва ли можно себе представить.

В этот день испытаний, когда столь немногим недостает мужества и способности к самопожертвованию, кажется особенно уместным, чтобы духовные ценности и верования были смело брошены на арену, чтобы проявить себя там. В годы, прошедшие после Великой войны, человечество должно заново строить свою жизнь, и будет мудрее всего убедиться, что фундамент для этого прочный. И, с точки зрения социальной психологии, я сомневаюсь, что народ, который не желает тщательно следить за рамками своего социального и духовного здания, может построить благородный особняк. Механической эффективности и сообразительности будет недостаточно для решения задачи духовного созидания. Мы должны найти непреходящие ценности, вокруг которых можно строить человеческую жизнь. И это тоже своего рода война. Некоторые выражали мне сомнение в том, готова ли Америка к этим усилиям по реконструкции базового, но неосязаемого рода. У меня есть надежды, хотя и не слепые. Я отказываюсь воспринимать вульгарность и невежество популярных евангелистов как абсолютный диагноз души Америки.

На следующих страницах, которые посвящены четкому изложению нового взгляда на человека и природу, который, по сути, остался навсегда, я буду действовать в соответствии с этим законом личности, а именно, духовного мужества. Я объясню одухотворенный натурализм, к которому мы восходим, в том же духе, в каком ученый излагает свои факты — безлично, спокойно и просто. Такова, по крайней мере, моя цель и желание. То, что я пишу здесь, в своем роде является исповеданием веры. Ценности и верность, которые я провозглашу истинными, искупительными и воодушевляющими, — это те, которые были выбраны моей собственной жизнью и конкретными размышлениями. В них я вижу возможность высоких духовных достижений.

Новый взгляд на вселенную основан на точном знании, накопленном различными специальными науками, как ментальными, так и физическими, на него влияют и он является необходимой предпосылкой. Это знание сводится к чему-то подобному целому, интерпретация которого не допускает сомнений. Какими бы неполными ни были его знания в деталях, человек больше не пребывает в неведении относительно основных черт мира, своего собственного происхождения и судьбы. Он знает, что является обитателем маленькой планеты в одной из многих солнечных систем звездной вселенной, что он является продуктом многовековой эволюции, в которой изменчивость и выживание были главными методами продвижения, что его разум, так же как и его тело, имеют естественное происхождение. Хотя всегда будет оставаться, так сказать, чудом, что существует вселенная, в которой мы пробуждаемся, столь же несомненно, что единственное разумное, что можно сделать, — это попытаться выяснить ее характер и законы. Разве это не похоже на исследование комнат и коридоров дома, в котором человек должен жить определенный период?

На самом деле, человеку всегда было любопытно узнать о своем мире. И все же, прежде чем он додумался до надлежащих методов расследования, он мог только догадываться и мечтать об этом, находясь под влиянием надежд и страхов, которые слишком легко возникали перед ним подобно гигантским теням. Огонь его нетренированного разума был слабым и непроницаемым и, таким образом, искажал мир, который он смутно раскрывал. Результатом стало то, что следует назвать более старым религиозным взглядом на мир — взглядом, который видел личную и сверхличностную волю в основе вещей. Эту примитивную интерпретацию мира мы будем вынуждены критиковать, но, поступая таким образом, мы станем слугами истины и более взрослой духовности.

Неудивительно, что терпеливо приобретаемые знания, полученные наукой, философией и зрелой человеческой мудростью, оказались в противоречии с первоначальной интерпретацией мира. Осознание этого конфликта началось несколько столетий назад — война между наукой и религией также имеет свою историю, — но каждое поколение было свидетелем добавления к этому столкновению какого-то нового элемента, который приводит человека к новому взгляду на мир.

Что поражает в нынешней ситуации, так это увеличение количества позитивных элементов в мировоззрении, которое формируется в умах людей. В прошлом у традиционалиста было некоторое оправдание говорить о противоположных идеях как о в значительной степени негативных. Позитивная доктрина, существовавшая в физической науке, с которой теологии приходилось сталкиваться, к ее дискомфорту, имела лишь косвенное отношение к жизни. Но девятнадцатый век стал свидетелем явной революции в этом отношении. Я имею в виду не только тот факт, что идея эволюции была применена к человеку. Это было скорее пророчеством и стратегией, чем революцией. Это символизировало переход науки от периферии к центру, от отдаленных областей Вселенной к самому человеку. Однако все время в интересах и ценностях человека появлялась новая перспектива. Возможности и потребности этой жизни вытесняли мечту о другой жизни в другом мире. Повсюду была очевидна напряженная забота о вещах этого мира. Человек стремился овладеть своим окружением.

На первом этапе этой революции наиболее заметными были промышленные и политические изменения. Изменение инструментов жизни, физических, экономических и политических, занимало мысли людей в большей степени, чем когда-либо прежде. Но по мере того, как девятнадцатый век приближался к двадцатому, стали слышны более глубокие ноты. Гуманизм, конструктивные реформы, социал-демократия стали лозунгами того времени. Я не думаю, что до сих пор было ясно осознано, насколько полно эти новые цели и интересы согласуются с результатами науки и в то же время выходят за их рамки, служа общечеловеческим ценностям. Истина, по-видимому, заключается в том, что в результате незаметного процесса новые ценности и надежды вытесняют традиционные, и что эти ценности и цели находятся в гармонии с новыми знаниями и опираются на них.

Несмотря на конфликт между восходящим взглядом на человека и природу и традиционной религиозной концепцией, я верю, что все же существует глубокая преемственность в подлинно духовных достижениях человечества. Жаль, что новое настолько поглотило нас, что благородство старого забыто. Нежность и любовь, какими бы затемненными порой формализмом и фанатизмом, во многом обязаны своему воспитанию христианством. Следовательно, более глубокая и верная интерпретация всех движений прошлого рассматривает их как различные проявления социального и умственного роста человечества. Другими словами, в истории человечества нет реального разрыва. Единственная разница заключается в том, что динамика социальных условий и интеллектуального наследия изменилась.

Но эта признанная преемственность не исключает присутствия подлинной и эффективной новизны, которая является революционной по своим последствиям. *Перспектива, намерения и элементы религии вот-вот изменятся.* На следующих страницах я буду доказывать, что привязанности к религии прошлого определялись мифологическим и, по сути, магическим

представлением об окружающей человека среде. Такие установки и ожидания, как молитва, ритуал, богослужение, бессмертие, провидение, являются выражением донаучного взгляда на мир. Но по мере того, как человек частично перерастет, частично научится отвергать примитивное представление о мире, эта перспектива и эти элементы исчезнут из религии. О том, что это изменение в удивительно значительной степени уже произошло, можно судить по следующим выдержкам из трудов самого известного американского специалиста по истории Церкви: "Традиционные христианские идеи, по сути, претерпевают обширные преобразования в результате нового социального акцента. Индивидуализм евангелизма с его первостепенной заботой о спасении индивидуальной души широко дискредитирован. Старый аскетический идеал повсюду уступает место социальному. Вместо того, чтобы держаться в стороне от мира, христиане погружаются в него и стремятся реформировать его. Святость в традиционном смысле воздержания от греха ценится менее высоко, чем раньше. Проверка на добродетель все больше становится социальным испытанием. Добродетельный человек - это тот, кто использует свое влияние для улучшения общества. Личная честность и прямота, отделенные от активного служения своим собратьям, сегодня часто рассматриваются евангелистами как "простая мораль". Как добродетель имела для них ценность только в союзе с благочестием и подчинении ему, так и без духа служения личная мораль кажется многим современным социальным реформаторам просто пустой шелухой".^[1] Очевидно, центр религиозной тяжести сильно изменился по сравнению с тем, каким он был в викторианскую эпоху. Мы стоим на пороге нового периода, периода реалистичной и в то же время духовной социальной демократии.

"Но, - спросят меня, - защищаете ли вы религию человечества? Это старая попытка, взвешенная на весах и признанная недостаточной". Реформа Конта была, в некотором смысле, преждевременной. Общество было недостаточно развито, чтобы придать его усилиям конкретную основу. Но, более того, его ошибка заключалась в том, что он не видел, что элементы религии, а также ее перспективы должны быть изменены. Человечество - это не объект для поклонения. Необходимо отказаться от самого отношения к богослужению и его последствий. На их место должна быть поставлена духовно обоснованная добродетель верности тем усилиям и ценностям, которые возвышают людей и придают благородство и значимость нашей человеческой жизни здесь и сейчас.

Положительную ноту настоящей работы теперь можно выразить в нескольких словах: *Религия - это верность жизненным ценностям. Идея духовного должна быть расширена и очеловечена, чтобы включить в себя все те цели, переживания и виды деятельности, которые выражают природу человека. Духовное должно рассматриваться как прекрасный цветок жизни, который не требует никаких других санкций, кроме присущей ему ценности и привлекательности. Мы должны перерасти ложное представление о том, что религия неотделима от сверхъестественных объектов и что духовное - это нечто чуждое человеку, которое должно быть навязано ему извне. Духовный - это человек в его лучших проявлениях, человек любящий, держащий, создающий, преданно и мужественно сражающийся за дорогое ему дело.* Религия должна быть конкретной, а не формальной, и католической по своим ценностям. Где бы ни предпринимались лояльные усилия, присутствие духовного должно быть свободно признано. Из этого, по-видимому, следует, что у религии будут объекты только в смысле целей для достижения. Она больше не будет нуждаться в особом взгляде на мир.

Религии прошлого многое могли сказать о спасении. Спасение слишком часто было чем-то, что происходило с человеком извне. Это было нечто капризное и неконтролируемое, как внезапная

удача. Давайте посмотрим, что современная религия с ее более реалистичным представлением о жизни говорит о спасении. Я написал в книге следующее: "Спасена только та душа, которую стоит спасти, и существо, достойное спасения, - это ее спасение. Спасение - это не магический фокус-покус, зависящий от достигаемости и тембра человека; это верный союз человека с теми жизненными ценностями, которые стали ему известны ". Какой бы смесью магии, страха, ритуалов и обожания религия ни представляла собой в первые дни пребывания человека на этой земле, сейчас она все больше и больше, и отныне должна быть тем, что касается его контакта с обязанностями и возможностями в жизни. Такое спасение - это достижение, для которого есть личные и социальные условия. Это не ярлык и не счастливое число для перехода в другой мир, а нечто купленное и оплаченное усилием. Это похоже на характер и образование, поскольку это всего лишь частные их проявления.

Личными условиями духовной жизни являются здравомыслие, здоровье и способность воспламеняться потребляющими целями. Никто не может быть сильно спасен, у кого нет души, способной быть в какой-то мере тронутой тем, что является чистым и значительным. Но одним из открытий демократии является широкое распространение этой чувствительности. Духовное - это не что-то болезненное, но это то, что касается качества человеческой жизни.

Социальные условия спасения столь же необходимы. Они заключаются в наличии институтов и договоренностей, которые дают возможность индивиду развиваться. У человека должно быть определенное количество свободного времени и шанс получить жизненно важное образование. У него должен быть некоторый контакт с прекрасными вещами и стимул участвовать в великих делах. Здоровое и здравомыслящее общество делает возможными здоровых и здравомыслящих людей. Особенно желательно, чтобы общество делало упор на правильные вещи. Если позволительно говорить о спасении общества, мы бы сказали, что оно заключается в мудром соотношении средств к целям, в подчинении экономической стороны жизни нравственной, интеллектуальной и художественной деятельности. Общество, которое не строит себя таким образом, называется материалистическим; и в таком обществе наверняка найдется бесчисленное множество индивидуумов, живущих на гораздо более низком духовном уровне, чем следовало бы. Сама природа религии заключается в осуждении такого несоответствия высшим ценностям жизни.

Мы говорили, что религия должна быть католической по своим ценностям. Нравственные души все еще могут быть сравнительно изголодавшимися душами. Одной из величайших ошибок, которые религия совершала в прошлом, было именно это отсутствие сочувствия к ценностям всех видов. Именно по этой причине религия часто проявляла определенную ограниченность и жесткость. Его лояльность часто была односторонней лояльностью, которая гордилась своим аскетизмом. Но времена иррационального аскетизма прошли. Интенсивность - это хорошо, но интенсивность и широта еще лучше. Гуманная религия будет проповедовать верность многим ценностям, согласованным вместе работой конкретного разума и живым искусством. Когда религия не считала себя принадлежащей к этому миру, она была пассивной и уступчивой по отношению ко многим аспектам человеческой жизни. Но более истинное представление о природе духовного, объединенное с упадком старых сверхъестественных санкций, изменит все это. Религия станет активной и воинствующей, глубоко озабоченной всем человеческим, с верноподданническим энтузиазмом относящейся ко всем значимым фазам жизни. Это перестанет быть вопросом табу, ритуала, довольно условной рутины и превратится в дух

энергичного поиска всего, что возвышает и облагораживает людей в их повседневной жизни. На службу такой религии с радостью вступят разум и искусство.

Но у такой интерпретации религии есть и обратная сторона. Отчасти это направлено против многовековой сверхъестественной точки зрения, которая так много сделала для того, чтобы превратить религию в препятствие для роста духовности. Развитие моего собственного мышления привело меня к тому, что я стал еще яснее видеть вред, наносимый в наши дни таким акцентом на санкциях за поведение, которые не оправданы жизненно важными и конкретными потребностями человеческой жизни. Апелляция к традиции и авторитету отвлекла религию от того свежего контакта с ходом событий, который делает великие дела истории такими яркими и притягательными. Эта абстракция противопоставила духовную жизнь человека самой себе и привела к неэффективности и замешательству. В чем мир нуждается сегодня, так это в рациональном энтузиазме по отношению к человеческим ценностям. Мысль о другом мире с его мелодраматическим страшным судом поощряла индивидуализм, отвлекала внимание от социальных проблем и устремлений, делала концепцию духовного анемичной и расплывчатой. Официальной духовности Церкви не хватало радостного стимула в виде социальной среды.

Каким бы плохим ни было это противопоставление духовной жизни человека самой себе, это было еще не все. Человека научили презирать разум, едва ли не самое высокое его качество. Следствием этого было то, что разум перешел на службу простым техническим устройствам жизни. Человек рационализировал природу и оставил себя иррациональным, как можно видеть на примере Великой войны. Поскольку религия игнорировала разум и пренебрегала многими сторонами человеческой природы, она поплатилась за это бесплодием. То, что христианство оказалось столь беспомощным в нынешнем кризисе, не просто случайность.

Во времена тьмы для человека естественно искать пути спасения от обрушившегося на него сокрушительного груза. Изучающий историю религии знает, что самым популярным способом спасения был спиритуализм и сверхъестественное. Но мыслитель знает, что это скорее поиск успокоительного, чем лекарства. Более того, рост человеческих знаний сделал такое убежище более натянутым и искусственным, чем оно было раньше. Те немногие авторитетные в физических науках люди, которые наделили престижем своего имени области, в которых они мало компетентны, оказали человечеству серьезную медвежью услугу. Человек должен победить свои проблемы; он не может найти спасение в трусливом бегстве от них. Учение этой книги состоит в том, что сверхъестественное помешало человеку найти себя и что духовной задачей нынешнего поколения является переосмысление духовного, чтобы охватить все значимые черты человеческой жизни. Мы хотим иметь религию, используемую в настоящее время, религию, связанную не с мифологическими объектами и гипотетическими состояниями существования, а с задачами и потребностями людей в обществе. Не будет ли следующим шагом в религии отказа от сверхъестественного и активного признания добродетелей и ценностей? Я надеюсь, что нынешняя искренняя дискуссия в какой-то мере поможет появлению такой религии.

[1] Макгифферт, *Возникновение современных религиозных идей*, стр. 272.

ГЛАВА II

ЭПОХА МИФОВ

Мы волей-неволей должны признать, что наши предки осознали самих себя и свое окружение в то время, когда они практически ничего не знали, как мы понимаем знание. Это был мир зрелищ и звуков, мир лесов и ручьев, движущихся вещей, растущих вещей, вещей, которые можно есть, вещей добрых и злых. Это был движущий, полный страха, завораживающий мир. Бессознательно и неизбежно человек интерпретировал свое окружение в терминах своей собственной нетерпеливой, детской жизни. Сила и желание выглядели из каждого угла.

Небо было не очень высоко над ним, потому что, казалось, касалось горных вершин; и все же он никогда не надеялся взобраться туда. Но он очень хорошо видел, что это место обитаемо. И разве это не было чудесное место, поскольку оттуда исходили тепло и свет солнца и теплый, плодоносящий дождь? И что это были за облака, которые проплывали над ним, как огромные птицы или странные, гигантские существа? Даже сочная весенняя трава казалась полной скрытой жизни. Повсюду были сила и воля — сила для добра и зла.

Возможно, только ребенок с богатым воображением или взрослый, обладающий некоторым поэтическим даром, может живо оценить тип мира, в котором оказались эти ранние люди. Современный горожанин живет в приглушенном и механически контролируемом регионе, где каждый звон и дребезжание говорит о рутине и порядке. Способности уличного мальчишки к мифотворчеству практически нечем питаться — все настолько очевидно и открыто для проверки. Обычный мальчик, опять же, так быстро проникается общепринятыми взглядами старших, что рука воображения вскоре перестает писать в его душе или придавать оттенок удивления знакомым вещам. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что требуется сознательное усилие, прежде чем современный человек сможет хотя бы мимолетно взглянуть на причудливый, волшебный, оживленный и глубоко личный мир своих далеких предков. И все же догадки этих более ранних людей были источником большего количества его убеждений, чем он хотел бы признать. На этих страницах мы увидим, как много мифологии все еще живет с нами.

Мифология - продукт социальной группы, кланов, племен и народов, и развивается медленно. История добавлялась к истории, эта черта к той. Следовательно, это часто было произведение искусства, хотя и бессознательного искусства. Это было выражение жизни групп, у которых были боги и тотемы. Это было неразрывно связано со всем взглядом дикарей на природу; и все же только недавно эта обстановка была должным образом оценена. До середины девятнадцатого века знания о мифологии практически ограничивались поэтизированной мифологией греков и римлян. И вот, поскольку это было найдено у поэтов, о нем думали как об искусственном продукте, как о серии историй, придуманных и украшенных фантазией бардов и рассказчиков.

Но более широкие знания, полученные в результате исследований, изменили этот узкий подход. Открытия путешественников в Америке, Африке и Океании положили конец этой слишком цивилизованной и поверхностной теории мифа. Постепенно возник более реалистичный взгляд. Идея эволюции дала генетический подход и заставила исследователей осознать медлительность человеческого прогресса. Следующие шаги последовали быстро. Социальная психология заменила индивидуалистическую и чрезмерно рационалистическую психологию начала девятнадцатого века. Все явления первобытного общества рассматривались как продукт деятельности относительно нерефлексирующих групп, которые чувствовали и натывались на ритуалы и верования. По мере накопления материала на местах применялись сравнительные методы. Результат был поразительным. На смену романтической концепции первобытной жизни, которая делала дикаря по сути цивилизованным ребенком, пришла более мрачная картина. Фетишизм, шаманизм, магия, человеческие жертвоприношения, тотемизм, ритуализм - все это было обнаружено объединенным и взаимодействующим в схеме жизни, чуждой нашему собственному просвещенному мировоззрению. В такой атмосфере возникла мифология. Она возникла как рассказ о действиях и верованиях, и по мере того, как они очищались и углублялись, она также развивалась в чистоте и глубине. И все же всегда оставался след той дикости, из которой он возник.

Хотя первобытная религия и мифология не тождественны, они тесно связаны друг с другом. Оба основаны на анимизме, тотемизме и магии, поскольку они соотносятся с потребностями и страхами человека. Религия - это в основном сентиментальность и культ, активно направляемый верой в сверхчеловеческие силы, способные помогать человеку и причинять ему боль. Мифология, с другой стороны, состоит из историй, рассказываемых об этих динамичных силах по мере того, как они все больше и больше персонифицируются и получают историю и имя. И такие истории, естественно, строятся вокруг действий, значение которых было забыто, или вокруг драматизированных интерпретаций процессов в природе. Мифы - это объяснения действий, событий и имен, которые вызвали любопытство и, следовательно, требовали некоторого объяснения. Только после того, как современная антропология раскопала характерные верования первобытного человека, многие мифы стали понятными. Несколько примеров проясняют эту взаимосвязь.

Тотемизм - это своего рода культ животных и растений, которые считаются родственными племени. Следует помнить, что первобытный человек далеко не был так убежден в своем превосходстве, как современный человек. Волки, медведи и лисы сильны и хитры, и ему кажется, что они обладают силой и знаниями, даже превосходящими его собственные. Каким бы странным это ни казалось нам сегодня, дикари довольно часто приписывают свое

происхождение какому-нибудь животному и считают это животное обладателем силы, ценной для его сородичей. Этот культ тотемистических животных и растений лежит в основе рассказов о метаморфозах, которые мы читаем в классической литературе или в наших собственных сказках. "Красавица и чудовище" - пример такого превращения, которое наши предки считали вполне естественным; в то время как дикие сказки об оборотне восходят к тому же мировоззрению. Змей в Эдемском саду - еще один пример того же цикла идей. Применение наших нынешних знаний о тотемизме к мифологии было очень поучительным. Изучающие греческую литературу часто задавались вопросом, почему у всех богов были спутники - птицы и животные. На самом деле, эти животные когда-то были священными тотемами. Орел и лебедь были постепенно вытеснены Зевсом, небесным божеством. Но это смещение было настолько постепенным, что животные стали атрибутами младшего божества, в то время как считалось, что он сам временами превращался обратно в тотемное животное. Таким образом, историю Леды и лебедя можно легко понять.

Многие мифы являются объяснениями обрядов, которые больше не были поняты. Такие мифы называются этиологическими. Это ответы на вопросы, которые рано или поздно должны были задать верующие. Миф о Прометее, Титане, который украл огонь с небес, чтобы помочь людям, был связан с использованием орлов на фасаде храмов для отражения молнии. Первоначально история касалась наказания орла, но позже была присоединена к Прометею. По словам Райнаха, это развитие следующего наивного диалога: "Почему этот орел распят? Это его наказание за то, что он украл огонь с небес". Другими примерами этиологических мифов являются легенда о Фаэтоне, история Ипполита и некоторые истории о Геракле.

Другой источник мифа следует искать в принесении в жертву богов-животных, которые, как предполагается, обладают тайной силой. В древние времена такие боги-животные не были очеловечены. Они просто рассматриваются как вместилища жизненной силы или *маны*. Мы должны иметь в виду тот факт, что дикий человек не был бы шокирован дарвинизмом так, как епископ Уилберфорс. В те древние дни не проводилось никакого заслуживающего упоминания различия между людьми и животными. "В английских преданиях, - пишет Эндрю Лэнг, - есть женщина, которая рожала кроликов". В религиях Греции и Малой Азии были обряды и мифы, в которых фигурировал священный бык. В митраизме, религии, которая почти победила христианство, жертвоприношение быка и употребление его крови и плоти на пиру причастия были характерными чертами. Опять же, в обрядах Диониса Загрея быка разрывали на куски и съедали. Из этого возник миф о Дионисе Загрее как сыне Зевса и Персефоны, превратившемся в быка и съеденном титанами. Он рожден свыше под именем Диониса, но носит на лбу рога, явные признаки своего животного происхождения. Таким образом, различные слои религии и верований встречаются и смешиваются, что приводит к возникновению объясняющих мифов.

Но мы не должны позволять новому признанию роли неправильного толкования в развитии мифов заслонять подлинную роль наивных размышлений о явлениях природы. И все же воображение дикаря было ограничено имеющимся в его распоряжении опытом. Гомеровский гимн Гелиосу "смотрит на солнце как на полубога, почти героя, который когда-то жил на земле". Еще более наивны легенды, в которых говорится о звере, однажды попавшем в ловушку. Мифы возникают для объяснения затмений, прибывания и убывания луны, захода солнца и т.д. Объяснение радуги как знака завета между Яхве и Ноем является прекрасным примером природного мифа, представленного как часть легенды.

Существует множество других источников мифов. Вокруг всех ярких событий, таких как первое наказание за убийство, возникают легенды. Беллерофонт и Иксион вынуждены бежать в изгнание. Опять же, факты и ритуал смерти являются плодотворным центром для работы воображения. *Шеол* у евреев - это сначала могила; и только позже он становится даже темным подземным миром, который изображен у Исаяи.

Но наша цель не состоит в том, чтобы представить исчерпывающий анализ типов мифов, которые древний человек создавал о мире, в котором он оказался. Что важно понять, так это медленный переход от почти животного состояния невежества к более просвещенной, нравственной и социально упорядоченной жизни. Эта эволюция требовала времени, и достигнутый прогресс всегда подвергался опасности быть свергнутым затвердеванием мифов и культов, превращением их в смиренную рубашку суеверий и истерического страха. Эта опасность всегда была велика именно потому, что разум не мог прочно опереться на реальность. Жизнь человека была полна постоянного страха. Он чувствовал, что на него нападают злые духи и он окружен табу и законами, нарушение которых означало катастрофу. Окидывая взглядом историю, мы находим только две вещи, которые обещали силу, способную поднять человека из трясины страха, — этический монотеизм и разум. Насколько это подлинная противоположность? Не может ли быть так, что истинная сила и освобождающая сила этического монотеизма обусловлены причиной, которая его создала и говорит через него?

Однако мы едва коснулись одного набора мифов, имеющих чрезвычайное значение для религии. Тем не менее, изучение этой группы и ее объяснение стало знаменательным триумфом науки сравнительного религиоведения. Очень жаль, что широкая публика до сих пор так мало знает об исследованиях ученых, посвященных широко распространенному ритуалу причащения и очищения, посредством которого участник становится единым целым со своим божеством и даже получает уверенность в спасении и бессмертии. Интересным фактом является то, что и здесь мы находим идеи, которые по сути своей примитивны и волшебны в новой обстановке. То, что когда-то было социальным и в значительной степени ритуалом, связанным с возрождением растительности весной, становится личным и символом воскресения верующего в другом мире. В своей первоначальной форме и мотивации этот набор идей направлен на удовлетворение материальных потребностей племени. Только с ростом самосознания он применяется к личности.

Почему возник этот тип ритуала? И почему его праздновали с таким рвением? Эти вопросы ведут нас в самое сердце ранней религии. Религия была выражением самых реальных потребностей человека в свете его взгляда на мир как на средоточие духовных сил.

"Необычайная безопасность нашей современной жизни в мирное время мешает нам осознать, кроме как определенным усилием воображения, постоянную ненадежность, пугающую близость смерти, которые были обычным явлением в этих слабых древних сообществах. Они боялись диких зверей; они были беспомощны перед наводнениями, беспомощны перед эпидемиями. Их пропитание зависело от урожая на одном крошечном клочке земли; и если Спаситель не возродился с наступлением весны, они медленно и прискорбно умирали. И все это время они почти ничего не знали о реальных причинах успеха или неурожая сельскохозяйственных культур. Они были уверены только, что это каким-то образом связано с загрязнением, с неизжитым осквернением. Именно такое положение вещей объясняет странную жестокость ранних сельскохозяйственных работ, человеческие жертвоприношения, козлов отпущения, разрывание на куски живых животных и, возможно, живых людей, заливание

полей кровью ". Для людей на этой стадии религия является наиболее естественным отношением. Это порождение анимизма, магии, невежества и нужды. Но объяснить происхождение отношения - это не значит отказаться от него. Не может ли быть так, что этим чувствам можно придать другую обстановку и другие объекты?

Хотя все расы прошли через эту стадию мифотворчества, некоторые расы были более одаренными или же им больше благоприятствовали обстоятельства их развития. Живое воображение, относительно сложное общество с различными традициями, разнообразный ландшафт, привлекательный климат и неторопливая, но энергичная жизнь были необходимы для наивысшего расцвета этой поэтической силы, чтобы вплести человеческие мотивы в природу и в поведение сверхъестественных сил, созданных по образцу людей. Эти условия были в замечательной степени выполнены греками, чья мифология постоянно удивляет нас своим богатством, разнообразием и изысканностью. Шли годы, и каждый поразительный аспект природы или традиционного ритуала интерпретировался в терминах страсти, плана или каприза какого-то существа, отличного от человека, но ни в коем случае не чуждого ему. Смелость и красота легенд, сотканных этой расой, и необъятность их ареала сделали их предметом восхищения и удивления в другие времена, более склонные к размышлениям, чем к фантазии. Детство расы было продуктивным и запоминающимся, что навеки сделало искусство и литературу ее должниками.

Восхищаясь греческой мифологией, мы не должны забывать, что другие расы и нации создавали истории, рассказывающие о человеческой жизни и интерпретирующие те особенности природы, которые вызывали у них страх, любовь или удивление. Наша собственная северная мифология обладала своей красотой и необузданностью воображения, что делало ее в определенных отношениях достойным соперником мифологии Средиземноморья. История о Бальдере, радостном и добром боге, которого любило все сущее, очевидно, является мифической формой ухода летнего солнечного света и прихода зимы с ее тьмой и мраком. Мы всегда должны помнить, что наши далекие предки интерпретировали свой мир конкретно, и главным образом в терминах человеческой жизни, потому что в их распоряжении не было абстрактных идей. В их сознании смешались психические и физические концепции: проза и поэзия, факт и фигура сочетались вместе без того ощущения дисгармонии, которое так характерно для современного сознания. Природа приветствовала персонификацию, и рассматривать конфликт света и тьмы, тепла и холода в терминах человеческой борьбы и ненависти было неизбежным направлением человеческой мысли. Простое величие многих из этих историй о богах проистекает из остроты самой жизни. Те события в природе, которые сильно повлияли на человека, получили глубокий смысл. Мы, которые в значительной степени покорили природу или можем настолько предсказать ее конвульсии, что избежим первого шока от ее грубых сил; мы, которые думают, что ее процессы управляются безличными законами, не можем оценить прямоту и неприкрытую непосредственность тех древних драм, которые человек видел вокруг себя. Тьма для нас - это отсутствие света, а не таинственное и угрожающее присутствие, которое заполняет небо, пока добрый бог дня спит. Свет состоит из колебаний эфира, испускаемых чрезвычайно горячей материальной субстанцией, вместо того чтобы быть благотворной силой, находящейся под контролем сияющего существа.

Но другие расы, кроме арийской, были менее склонны приукрашивать и очеловечивать природу. Воображение работало менее свободно, дополняя видимый аспект вещей.

Следствием этой слабости реакции было то, что разум останавливался на вещах такими, какими они казались, хотя и не мог удержаться от наделения их сверхчеловеческими способностями и силами. Природа, по крайней мере, обладала волей инстинктивно, даже когда эта смутно шевелящаяся воля не облекалась в определенные формы. Человек верил, что он окружен силами, которые воздействуют на него добром или злом; он чувствовал себя погруженным в океан жизни, но не мог различить никаких форм за тем, что видел своими телесными глазами. Возможно, у этих других рас было меньше драматизма в составе, меньше того искреннего восторга от притянутых за уши аналогий и свободной игры идей.

С течением времени первая стадия мифологии с ее простым натурализмом и относительным отсутствием элементов воображения уступила место более человеческой стадии. Мифы о загробном мире вышли на первый план, и человек все больше и больше заботился о своем спасении в загробной жизни. Сравнительное религиоведение доказало, насколько широко была распространена вера в своего рода бессмертие. Орфические культы в Греции, культ Осириса и Исиды в Египте, поклонение Аттису и Адонису в Сирии, церемонии очищения и причастия митраизма - все это касалось идеи тайного средства спасения. Общий набор идей развился в бассейне Средиземного моря и нашел выражение в литургиях и фразах, имеющих поразительное сходство. Бог умирает и воскресает; богиня-девственница рождает сына; члены религиозной общины вкушают от своего бога и набираются сил от священной трапезы. Отцы Церкви знали об этих сходствах и пытались объяснить их сходство с христианским ритуалом с помощью теории о том, что дьявол богохульно подражал христианским обрядам и доктринам. Исследования показали, что эта теория пародии совершенно неисторична. Дело в том, что христианство позаимствовало свой ритуал у культов, среди которых оно выросло. Например, вера в смерть и воскресение бога-спасителя была очень распространена в Тарсе, родном городе Павла. Мистерии Аттиса праздновались в сезон, который соответствовал окончанию нашего Великого поста и началу Пасхи. Им предшествовал пост, и они начинались с причитаний: "приверженцы собрались в скорби вокруг гроба умершего божества; затем последовало воскресение, и воскресший бог дал надежду на спасение мистическому братству, и вся служба завершилась праздником ликования, Иларией". Не может быть никаких сомнений в том, что весь этот цикл идей представляет собой развитие примитивного ритуала поедания священного животного или растения весной, чтобы способствовать возрождению потребностей человека. Из этого зародыша возникли рефлексивные идеи искупления, причастия и бессмертия.

Вместе с ростом мистерий шло внедрение более этических стандартов поведения. Ритуальная чистота предложила идею духовной чистоты. Эта этизация мифа очень очевидна в Греции. Ко времени драматургов моральные суждения стали более суровыми, и на богов смотрели как на хранителей морального закона; и все же этому взгляду трагически противоречила большая часть старой традиции. Наследие дикарей и более поздний моральный идеализм оказались в конфликте. Следствием этого стало постепенное ослабление старых мифов и появление новых культов.

Этический рост обычно происходит в значительной степени бессознательно. Человек считывает идеи с окружающего мира до того, как осознает, что они его собственные. Таким образом, его собственное развитие отражено в пантеоне, которым он населил природу. Зевс - это сначала громовержец и собиратель туч; наконец, он олицетворяет справедливость и те царственные качества, которые подчеркивает социальный рост. Поэты и философы

отбрасывают более грубые мифы, которые шокируют вкус людей более продвинутого социального уровня. Когда мы сравниваем концепции Еврипида, Платона, Клеанта, Марка Аврелия с поведением гомеровских богов, мы осознаем расстояние, пройденное человеческим разумом в этическом направлении. Человек теперь является строителем идеалов. Однако космическая установка для этих идеалов практически не изменилась; рамки человеческой вселенной остались во многом теми же. По сути, это сфера личных агентов, с которыми человек находится в общении.

У всех народов, достигших высокого уровня цивилизации, эта трансформация в мифологии дает о себе знать. Ормузд, персидский бог, превращается из олицетворения солнечного света в его битве с тьмой в духовное божество, которое является хранителем всех добродетелей. Индра, ведический бог, также сначала является небом, по которому движутся облака, а позже воспринимается как создатель и опора мира. Тот же процесс проявляется в египетской мифологии, когда мы переходим от Ра, божества солнца, к Нефу и Птаху, которые представляют созидательные энергии, и к Осирису, богу истины и добра. Таким образом, в мифологии существует универсальное движение от видимых аспектов природы как персонифицированных к высшим существам, стоящим за природой, защищающим то, что считается высшим и благороднейшим в поведении человека. Температура застывания остается постоянной, пока молодое вино разливается в старые бутылки. *Истина в том, что человек рос быстрее в этическом плане, чем в интеллектуальном.* Достичь философии и науки было гораздо труднее, чем проблесков справедливости и доброты. Сам по себе численный рост общества вынуждал человека приспосабливать свое поведение к социальной жизни и уважать своих соседей. Идеалы, проповедуемые Конфуцием, Буддой, Платоном, Осией и Иисусом, столь же благородны, как и наши собственные. Но прогресс в знаниях и его предпосылках более революционен и экстраординарен, потому что более искусствен и более чужд психологическим предрассудкам массы людей. Этика, как и религия, веками мирно оставалась в рамках мифологической обстановки, которую бессознательно сконструировал первобытный человек.

Мы намеренно опустили предыдущее упоминание о развитии религии у евреев, потому что их религия была очень важна для нашей собственной цивилизации. Мифологический элемент в нем был относительно небольшим по разным причинам; но это верно только в том случае, если мы имеем в виду басни и эстетические сказки. Их мир был миром личной воли, как и для других рас. Но евреи начали все сначала спустя долгое время после того, как они выделили себя из общей семитской массы. Их миграция со своей древней родины не могла не разрушить большинство местных мифов, и эта тенденция была вновь усилена принятием нового бога, Яхве, Бога кенеев. Яхве был богом молнии, который гремел с горы Синай, и он был богом сражений, точно так же, как Тор, бог-громовержец скандинавов. Этот бог войны, естественно, завоевал их преданность за годы конфликта с хананеями и со временем приобрел авторитет. У хананеев были свои местные культы Ваала и мифы, и они были связаны с сельскохозяйственными праздниками и с тем поклонением плодородию, которое было так широко распространено среди древних. Последователи Яхве, с другой стороны, были горцами и пастухами, и их обряды были тесно связаны с соблюдением ритуалов жертвоприношения.

С течением времени две расы смешались, и наметилась тенденция к объединению их соответствующих культов. Но разразилась буря протеста, возглавляемая пророками, и более простая, менее конкретная натуралистическая религия восторжествовала. Сама простота культа Яхве сделала его подходящей основой для того этического развития, которое мы связываем с именами Амоса, Осии, Исаяи и Иеремии. Только незнание этического углубления других религий может оправдать веру в то, что это этическое развитие было абсолютно уникальным. Вероятно, именно аспект национального монотеизма, или генотеизма, как его правильнее было бы назвать, производит впечатление на столь многих, тогда как эта особенность была исторической случайностью. Утверждать, что развитие иврита было уникальным и, следовательно, сверхъестественным, значит предполагать, что относительно уникальное должно быть сверхъестественным. Но такое предположение не основано на опыте, поскольку различия в развитии наций являются скорее правилом, чем исключением. Должны ли мы сказать, что конституционное развитие Англии сверхъестественно, потому что ни одна другая нация не достигла такой формы правления самостоятельно? Должны ли мы утверждать, что греческое искусство было сверхъестественным, потому что оно было уникальным? Разве не очевидно, что в данном случае желание было отцом мысли? Все древние народы смотрели на себя как на избранных, а на другие народы как на язычников и варваров. Мы приняли этот предрассудок евреев, потому что приняли измененную форму их религии с ее расовыми традициями.

Но хотя условия в Палестине не были благоприятны для расцвета богатой и утонченной мифологии, было бы ложью отрицать наличие мифологического мотива в еврейском мировоззрении. Вся история интимных отношений Яхве со своим народом и их предками насквозь мифологична. Эпос Мильтона стал возможным благодаря фольклору, включенному в Библию. В Библии есть много следов общей семитской традиции, несмотря на реакцию, которой она подверглась. Недавние семитские исследования сделали очевидным, что вавилонские верования проникли в этот родственный народ. Существуют мифы о солнце и сказки о полубожественных героях. После изгнания, под влиянием Персии и Вавилонии, возникла вера в демонов и ангелов как силы, действующие в мире во имя добра и зла. Эти мифические существа вошли в мировоззрение западного сознания через христианство и стали плодотворным материалом для искусства и поэзии, а также для постепенного расцвета новых мифов вокруг христианского эпоса о вселенной. Милтон и Данте раскрывают внутренний смысл жизни в терминах, которые невозможно понять отдельно от верований, уходящих своими корнями в примитивные представления о мире.

Христианская мифология, как и греческая, имеет свою эстетическую ценность, но было бы ошибкой предполагать, что эта ценность утрачивается, когда исчезает старое доверие. Чтобы оценить красоту Венеры Боттичелли, не обязательно верить, что Венера возникла из морской пены; точно так же, чтобы наслаждаться христианским искусством, не обязательно принимать буквальную истинность его символов. Действительно, мне кажется очень сомнительным, что многие образованные люди сегодня очень серьезно относятся к второстепенным персонажам христианского пантеона. Мы были бы более чем удивлены, услышав пение ангельских посланников в небесах над нами. Только потому, что они связаны с системой взглядов и ценностей, дорогих людям, этим мистическим существам дана та наполовину вера, которая не позволяет им впасть в ту неопределенность, в которую опустились драконы, грифоны и нимфы. То, что такова будет их окончательная судьба, несомненно. В протестантских странах, где моральные ценности контролируют религию, а чувственные элементы мало привлекают

внимание, эти фигуры уже отошли далеко на задний план. И все же обычному религиозному уму нравится развлекаться с мыслями о них, подобно тому, как ребенок, который больше не верит в фей, все еще хочет предаваться воображению, когда повседневный мир становится слишком голым и упорядоченным.

Таким образом, эпоха мифов соответствует наивному распространению человеческих характеристик на природные явления. Мир становится драмой, ключ к которой находится в руках человека в его собственной жизни. Он чувствует себя окруженным таинственными силами и посредниками, намного превосходящими его собственные ничтожные силы, и неизбежно воспринимает их по аналогии со своей собственной деятельностью. Они отличаются не столько тем, как они работают, сколько тем, что они делают. Таким образом, боги были рождены в мир — и однажды родившись, человек уже не смог освободиться от них. По мере того, как он рос в умственном и моральном развитии, он бессознательно отражал в них эти возросшие знания и эти более высокие идеалы. И этот процесс, однажды начавшись, продолжается по настоящее время. *Только после того, как он перерастет старые страхи и откажется от необоснованных надежд, эти убеждения потеряют свою силу. Тогда, и не раньше, разум сможет вытеснить мифологию знанием.*

ГЛАВА III

ИСТОРИИ ТВОРЕНИЯ

В историях о сотворении мира мы имеем дело с воображением первобытного человека, пытающегося ответить на вопросы, к ответу на которые оно было подготовлено не больше, чем семилетний ребенок в состоянии понять высшую математику. У дикаря есть ответ на каждый вопрос, потому что он понятия не имеет о сложности возникающих проблем. Имя или история полностью удовлетворят его, потому что он не критичен. Истории сотворения мира, или космогонии, как их технически называют, особенно интересны, потому что они дают нам представление о конкретных терминах, которые воображение было вынуждено использовать в своих попытках представить прошлое и происхождение вещей. Более того, мы можем проследить изменения, которым подверглись эти наивные истории по мере того, как расширился опыт человека и он стал способен мыслить более абстрактно. Мы можем познакомиться с материалами, с которыми поэт-священник донаучного прошлого работал над созданием чудесной и радующей душу сказки; и мы можем по мере развития истории наблюдать, как миф постепенно переходит в теологию.

Желание объяснить, как возникла природа и как возник человек, было почти всеобщим. Повсюду мы находим рассказы о далеком прошлом, когда боги ходили по земле. Египтянам, индусам, грекам, японцам, полинезийцам, евреям и американским индейцам было что рассказать о происхождении вещей. Это желание объяснить происхождение нетрудно понять. Та же психологическая тенденция действует и сегодня и придает изюминку теории эволюции. Почему *Нисхождение Человека* вызвало такую бурю во всем Западном мире, если не потому, что оно потрясло историю первого пришествия человека, которая передавалась из поколения в поколение со времен туманной древности? Человек хочет знать о себе, как он сюда попал и куда направляется. Популярность *рубайят* Омара Хайяма во многом обусловлена навязчивым ощущением незнания человеком своего места в мире. Кто подготовил сцену и расставил на ней марионеток? Первообытный человек всегда отвечал на свои вопросы с точки зрения Существ, подобных ему, хотя и более могущественных и более долгоживущих. *Любая свобода действий была для него личной свободой действий*. И даже сейчас существует удивительно большое количество людей, которые не могут мыслить никакими другими категориями. Вселенная для них - игровая площадка духов, которые воздействуют на нее своей волей. Материя, энергия и медленный ход лет - вот идеи, которые поражают их холодом. Их взгляд на вселенную драматичен и даже мелодраматичен; он личный, мифический.

Давайте взглянем на некоторые из этих попыток объяснить мир. Мы не сочтем их очень последовательными или глубокими, но мы всегда будем находить их поучительными в том свете, который они проливают на человека, на него самого и на ограничения, установленные для его теорий о происхождении конкретным органом, к которому он волей-неволей апеллировал. Тогда мы поймем, насколько естественными были вопросы, которые задавал человек и на которые он стремился ответить, и насколько для него было невозможно предложить какие-либо другие решения, кроме тех, которые возникли в народном предании и которые были развиты и переосмыслены в различных религиях.

Ни у одной древней расы не было идеи абсолютного начала. Предпринятая попытка состояла в том, чтобы просто вернуть вещи к другим условиям, к менее развитому состоянию вещей, а затем проследить более крупные шаги, посредством которых возник более поздний мир, каким они его видели. Те расы, которые обладали небольшой способностью к абстрактному мышлению и достигли немногих безличных идей, держались очень близко к конкретным явлениям и объясняли свое собственное происхождение в терминах мифического предка или животного-мага, в то время как они оставили землю и небо почти такими, какими они были. Индейцы ирокезы, например, верили, что их первоначальная прародительница женского пола упала с небес. Не было земли, которая могла бы принять ее, но она внезапно забурлила у нее под ногами и стала больше, так что вскоре стала видна целая страна. Другие ветви племени считали, что выдры и бобры поспешили выкопать из-под воды достаточно земли, чтобы обеспечить ей остров для обитания. Жители Атапасков с северо-запада Канады утверждали, что ворон, чьи глаза были огнем, чей взгляд был молнией, а хлопанье крыльев - громом, спустился к океану. Мгновенно возникла земля и осталась плавать на поверхности вод. Именно от этого Существа племя ведет свое происхождение. Мы должны помнить, насколько близки животные и люди на этой стадии человеческого развития. Стоит только окунуться в атмосферу мифов, и нетрудно понять, как возникли такие истории.

Но нас больше интересует отслеживание развития историй о сотворении мира от примитивных типов к более тонким и абстрактным формам; и поэтому собрание народных преданий дикарей

на эту тему не имело бы большой ценности. Давайте тогда перейдем к рассказам рас, сыгравших определенную роль в истории.

Египетский рассказ таков: Вначале был первобытный океан, дикая пустыня вод. Из этого бушующего хаоса возникли земля и небо, и именно из их объятий возникли другие вещи. Общая идея, присутствующая в этом рассказе, вероятно, была почерпнута из разливов Нила или из проблесков океана. Рассеивание водянистых туманов, которые каждое утро поднимаются с Нила, отделение их от земли и поднятие к небу было работой, которую по-разному приписывали Ра (солнцу) или Шу (атмосфере). Постепенно у египтян сложились представления о различных божествах, каждое из которых происходит от объектов и действий в природе. Затем на них была возложена работа по сотворению мира. Сначала эта работа рассматривалась как придание формы в буквальном смысле этого слова. Птах, Великий Ремесленник, лепит солнечные и лунные яйца на своем гончарном круге; Осирис, бог растительности, создал своей рукой землю, ее воды, ее воздух, ее растения, весь ее скот, всех ее птиц, всех ее крылатых птиц, всех ее рептилий, всех ее четвероногих. Сильно ли отличается эта точка зрения от рассказа, приведенного в так называемой второй истории творения, начинающейся с четвертого стиха Книги Бытия? Там написано: "И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в ноздри его дыхание жизни; и стал человек душой живой".

Несколько позже была разработана более священническая, или теологическая, версия; точно так же, как это было у евреев. Творение тогда воспринималось более мистически как акт воли, выражающийся в слове приказа. Мы должны помнить, что для первобытного мышления слова были не просто словесными знаками, полезными человеку как средство коммуникации, но воспринимались более реалистично и наивно как существенные части вещей, связанные с их существованием. Этот же факт объясняет многое в магических ритуалах. Когда Бог говорит: "Да будет свет", свет выбирается и, так сказать, вызывается к существованию именем. Со временем человек стал размышляющим и критичным. У него не было ничего принципиально нового, что он мог бы предложить, и все же он чувствовал неудовлетворенность грубыми образами традиции. Шаг за шагом, по мере роста общества, мы всегда обнаруживаем переход от мифов о сотворении мира, построенных вокруг идеи спонтанного зарождения, к идее бога, который лепит людей, как гончар лепит свою глину, а затем к указу, в котором находит выражение творческая воля сверхъестественного и трансцендентного божества. Как и следовало ожидать, в историях о сотворении мира есть поразительное сходство. Те же несколько мотивов повторяются с местными вариациями.

Древнейшие из греческих мифов о сотворении мира можно найти у Гомера и Гесиода. Для Гомера Океан - отец богов, в то время как Тефия, называемая кормящей грудью, - мать. Однако за этими величественными, порождающими силами стоит Ночь, которую даже Зевс боится оскорбить. Мы должны помнить, что темнота - это присутствие древнего человека, такое же реальное, как вода или воздух, и что человек боялся ее как таинственной и угрожающей. Мы всегда должны откладывать в сторону знания, которые дала нам наука, и погружаться в этот смутный мир прошлого, наполненный потрясающими формами и силами. Точку зрения Гесиода лучше всего выразить его собственными словами:

"Из хаоса были порождены Эреб и черная Ночь,
И из Ночи снова были порождены Эфир и День,

Которых она произвела на свет, зачав в объятиях Эреба".

Здесь действует тот же сексуальный мотив, что и у египтян; мотив, который, как и следовало ожидать, почти универсален. В шестом веке среди греков наблюдался расцвет мифов о сотворении мира. Они связаны с именем Орфея и обычно классифицируются вместе как орфические космогонии. Вскоре после этого философские рассуждения начали вступать в свои права, и греки "перестали рассказывать сказки". Бернет, известный исследователь греческой культуры, утверждает, что "история учит, что наука никогда не существовала, кроме как среди тех народов, на которые оказали влияние греки". Но мы пока оставим греков; может быть, мы снова встретимся с ними и с их влиянием.

Индусы перешли от грубых взглядов к более абстрактным и утонченным концепциям точно так же, как это сделали египтяне и греки. В ведический период существует множество противоречивых утверждений о сотворении мира и богов. О Небе и земле говорят как о родителях богов, и в то же время говорят, что боги построили, или соткали, весь мир. Когда мы вспоминаем, что поначалу между природой и богами было мало различий, нас не удивляет это противоречие. Более того, как предполагает один автор, это противоречие, по-видимому, только усилило таинственность концепции. Когда приходит религия, логика не всегда желательна.

Другая концепция, которую мы находим в индуистской мысли, - это концепция мирового яйца. Эта аналогия настолько естественна, что мы не удивляемся, обнаруживая ее. Давайте взглянем на одно из описаний, приведенных в "Сатапатха брахмане": "Вначале эта вселенная была водой, ничем иным, как водой. Воды вопрошали: "Как мы можем быть воспроизведены?" Говоря так, они трудились, они совершали аскезу. Пока они совершали аскезу, появилось золотое яйцо. Когда оно было произведено на свет, оно стало годом. Поэтому это золотое яйцо плавало в течение года. Через год из него появился мужчина, которого звали Праджапати.... Он разделил это золотое яйцо.... Через год он пожелал заговорить. Он произнес "бхур", которое стало этой землей; "бхувах", которое стало этим небосводом; и "свар", которое стало этим небом.... Желая иметь потомство, он продолжал поклоняться и трудиться. Он зачал потомство в себе; своими устами он сотворил богов...."

Этот рассказ о сотворении мира характерен для индуистской мысли, поскольку он переходит от откровенного восхищения природой, которое отличает ведический период, к тому, что более приближается к теософским рассуждениям. И все же подлинного разрыва с анимизмом первобытных времен нет. Воды считаются желающими, то есть они считаются живыми и смутно осознающими. Следует еще раз отметить веру в то, что слова неотделимы от вещей. "Бхур" становится землей, а "свар" - небом.

С течением времени индийская мысль стала более абстрактной и изощренной, так и не достигнув какого-либо метода, который привел бы к проверенному знанию. Аналогия может прояснить читателю порочную интеллектуальную ситуацию. Представьте себе утонченные умы средневековых схоластов, лишенных материала, предоставленного им греческой философией, и вынужденных упражняться в магии, мифах и легендах. Сама энергия и тонкость их интеллекта привели бы их ко всевозможным фантазмагориям. Теософия — и большая часть того, что называется теологией, — это просто переработка и утончение мифологии. Чем сложнее и абстрактнее мысль, тем большей значимостью предполагается, что она обладает.

Проникающая и исследующая сила простого непроверенного предположения считается само собой разумеющейся. Слова околдовывают разум, потому что перед ним нет ничего более позитивного, что могло бы противостоять их очарованию. Даже сегодня мы все знаем людей, которые любят использовать такие термины, как сила, единство, дух и воля. Сама расплывчатость слов вызывает восхищение, которое заглушает легкую потребность в объяснении. Точно так же, как евреи Рассеяния говорили о Мудрости как о первородном создании Бога и придавали этой абстракции объективное существование, так и индуистские поэты и теософы объясняли мир в терминах, которые научно подготовленному уму кажутся субъективными и неуместными. При всей своей кажущейся глубине, такой взгляд представляет собой более низкую ступень, чем та, которой достигла наука. Тонкости недостаточно; она должна служить правильным методам исследования. Диалектика и живое воображение не могут придать истинности идеям, не приспособленным для объяснения того, в каком мире мы живем.

Эти истории о сотворении мира, разработанные евреями с помощью вавилонян, оказали наибольшее влияние на западную мысль и, следовательно, заслуживают значительного внимания. Однако действующие мотивы и психические процессы в основном те же, что мы уже рассматривали. К сожалению, в Ветхом Завете у нас есть лишь кое-где намеки на более примитивные традиции, которые были переработаны и основаны священниками и пророками. Более того, религия Яхве, по-видимому, была принята довольно поздно и легко порвала со старыми сказаниями. Вероятно, немногие читатели Библии, которые не занимались систематическим изучением семитской литературы, знают, что в ней разбросаны древние нити фольклорных преданий. В Псалме 74, например, есть хороший пример первобытных взглядов: "Ты разделил море силою Твоею; Ты разбил голову Левиафана на куски.... Ты разбил источник и затопил". В книге Иова также есть упоминания об этих деяниях Яхве в далеком прошлом. Очень немногие случайные читатели задаются вопросом, кем были Раав, Летающий Змей и Левиафан. Теперь исследование показало, что в этих упоминаниях о деяниях Яхве мы имеем дело с фрагментами вавилонского мифа о сотворении мира. Эти существа - монстры, которых Яхве берет в плен, прежде чем он прикажет создать изначальный хаос в космосе. При этом он является двойником Мардука, вавилонского творца. Эти чудовища, как и боги, которые их побеждают, являются всего лишь персонифицированными формами явлений на небесах вверху и на земле внизу. Давайте теперь рассмотрим истории сотворения мира, приведенные в Книге Бытия. Недостаточно широко известно, что существуют два разных рассказа, которые, хотя внешне они объединены, могут быть легко разделены даже в английском переводе. Самая старая версия начинается со второй главы, пятого стиха. Эта версия называется пророческим повествованием. В ней предполагается, что мир уже существует и его интересуют только внешний вид человека, институт брака и общие черты человеческой жизни. Бог создает человека из праха земного, как горшечник лепит свою глину, и вдыхает в него дыхание жизни. Он помещает его в сад, чтобы возделывать и содержать его. Но последующие события настолько знакомы каждому, что нет необходимости их повторять. Ученые отметили, что этот рассказ очень похож на ходячий в Вавилонии. Мотивы аналогичны тем, что встречаются в мифах о Гильгамеше и Адапе. Различия в общем тоне и географических деталях легко можно объяснить более поздней датой — примерно восьмым веком - и характером палестинского ландшафта. Те, кто читает на иврите, заметят разницу в лексике между второй главой книги Бытия и первой, в то время как те, кто ограничен английским переводом, должны особо отметить, что два слова, Господь и Бог, объединены в пророческом повествовании. В этой

истории создания есть много наивных и явно примитивных штрихов, которые придают ей причудливое очарование. Однако только те, кто сам наивен в своем взгляде на мир, могут мечтать о том, чтобы воспринимать его как нечто отличное от фольклора. Должен признаться, для меня остается загадкой, что так много достаточно образованных людей могут воспринимать это как что угодно, кроме того, чем это так очевидно является, - мифа о сотворении мира.

Историю сотворения мира, рассказанную в первой главе, ученые называют рассказом священников. Она написана после изгнания и, следовательно, относительно поздняя. Основа состоит из мифических идей, которые восходят к туманам древности. Из них были выведены определенные термины, которые с трудом поддаются переводу на английский. Читатель был еще больше сбит с толку поэтическим и неточным переводом многих фраз на иврите. "Дух Божий" буквально означает "ветер Бога", идея, которая, вероятно, исторически связана с вавилонской легендой о том, как Мардук использует ветер в качестве своего инструмента в борьбе с Тиамат, чудовищем глубин. Тиамат превратилась в Техом, что переводится как "глубокая".

Несмотря на переход в стихе 26 на язык политеизма, жреческий рассказ представляет собой поздний теологический уровень, на котором творение понимается как воплощение воли и слова в существование. Эффект величественный и чрезвычайно драматичный в своей простоте. Но как еще критическая мысль может изобразить творение? Всемогущий, личностный Бог обязательно понимается как тот, кто обладает силой вызывать вещи к бытию. Спрашивать, как он это делает, бессмысленно, поскольку это игнорирует абсолютную власть, которая предполагается. Таким образом, в соответствии с гениальностью семитов Бог изображался как монарх, сама воля которого проявлялась без усилий. Но небольшое размышление должно убедить нас в том, что эта концепция не делает творение мыслимым в каком-либо подлинном смысле и не доказывает его наличие. Мы просто достигли идеализации мифа о сотворении мира, его наиболее совершенной формы.

Христианская концепция сотворения мира в значительной степени основывается на еврейском рассказе. Некритический способ, которым это изучалось и принималось до появления современной науки и высшей критики, остается чудом для тех, кто не знаком с психологией религии. Санкционированный религией, идеализированный миф, естественно, сохранял свою самостоятельность до тех пор, пока не возникало чего-то позитивного, что могло бы его оспорить. Отцы Церкви, схоласты и лидеры Реформации приняли истории из Книги Бытия как откровения. Они верили, что Бог существует и что он открыл человеку, что он сделал и в чем заключается его план спасения. Эти мифы вписывались в их представление о мире как его неотъемлемая и гармоничная составляющая. Какой мотив мог быть для скептицизма? Лютер утверждает, что "Моисей пишет историю и сообщает о том, что происходило на самом деле". "Богу было угодно, - говорит Кальвин, - чтобы существовала история творения". Конечно, ни один по-настоящему образованный человек наших дней не может согласиться с таким отношением, если только он не желает согрешить против своего разума. К сожалению, не было достаточной открытости ума, чтобы сделать возможным более широкое распространение знаний, которые накапливали ученые. Единственное, что можно сделать откровенно, - это сопоставить эти еврейские истории о сотворении мира с мифами, которые возникли в других частях света. Все они представляют собой попытки представить начало вещей такими, какие они есть, путем обращения к увеличенному и магическому личному посредничеству. Те ранние мыслители сделали все, что могли, с идеями, которые были у них под рукой. Они не были

причастны к нашему современному пониманию природы как места действия безличных причинно-следственных процессов. Пытаться найти науку в мифологии - все равно что смотреть на *"Божественную комедию"* Данте как на рассказ о настоящих приключениях.

Интересно изучить рассуждения, которые развивали христианские мыслители по вопросу сотворения мира. Обычно предпочтение отдавалось идее сотворения физического мира из ничего с помощью указа. "Я Господь, создающий все сущее; который простирает одни небеса; который простирает землю". Такова естественная цель идеи творения. И все же минутное размышление заставляет нас осознать, что эта позиция полностью дедуктивна и не имеет ни малейших доказательств. Наделение гипотетического агента по имени Бог силами, достаточными для создания того, что, как говорит нам опыт, существует, ничего не объясняет. Основное предположение, конечно, состоит в том, что должно было быть сотворение мира. Но концепция эволюции опровергает это предположение в самом его основании.

В последнее время предпринимались попытки пойти на компромисс с идеей эволюции. Разве Бог не может направлять ход естественных изменений? Но такой взгляд на вещи сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, был ли создан физический мир? Если это так, то это, должно быть, был лучший из всех возможных физических миров, иначе Бог либо не всемогущ, либо не всеведущ, либо не идеально добр. И когда поднимаются эти вопросы, мы сразу же переходим в область простых предположений. Столетия были свидетелями споров между сторонниками различных догм. В настоящее время, похоже, наблюдается возрождение интереса к идее ограниченного и юного божества, борющегося вопреки всему, чтобы сделать мир пригодным для жизни. Но Бог становится частью вселенной во всех смыслах этого слова, и поэтому мы приходим к идее, что физический мир не был сотворен, а, скорее, сосуществует с божеством. Конечно, существует множество возможных вариаций на тему, и человеческая изобретательность исчерпает себя, комбинируя эти возможности различными способами.

Правда в том, что эти теологические спекуляции ни к чему нас не приводят. Миф и диалектическая острота, как бы искусно они ни сочетались, не могут дополнить наше подлинное знание о мире. Вместо этого они создают собственные новые проблемы, которые невозможно решить, потому что нет способа протестировать и подтвердить различные решения. Короче говоря, виноваты предпосылки, которые необходимо перерасти и оставить позади. Наш опыт больше не наводит нас на мысль о действии сверхъестественных сил, и мы не так склонны думать об акте творения, произошедшем несколько тысяч лет назад. Мы в значительной степени переросли мифологический контекст, из которого возникла теология, и именно традиция и отсутствие более позитивного взгляда позволяют ей сохранять для нас хоть какое-то подобие правдоподобия. В идее творения нет ничего иррационального по своей сути; она просто свидетельствует о более свободном, более личном мире, в котором уничтожение и возникновение были привычными событиями, потому что человек видел только поверхность вещей и не был способен проследить за непрерывностью, которая связывает вещи воедино под ними. Принцип сохранения, являющийся одним из величайших достижений науки, подобен обоюдоострому мечу: он разрушает не только веру в абсолютное уничтожение, но и веру в абсолютное начало. Медленно, но верно этот новый взгляд на природу возымеет свое действие и подорвет более наивную гипотезу о сотворении мира. Эмоциональный отзвук привычных форм речи, усиленный ментальными привычками, поощряемыми религией, угаснет лишь постепенно. Человек инстинктивно романтичен и склонен драматизировать мир. Его любимые категории - личные, и он испытывает глубокое отвращение к имперсонализму науки. Только

медленное давление действительного знания поднимет его к более истинному взгляду на мир, в котором он находится.

ГЛАВА IV

МАГИЯ И РИТУАЛ

У древнего человека не было той концепции естественного права, которой мы обладаем сейчас. Чтобы хотя бы частично понять свое отношение к вещам, современный человек должен абстрагироваться от идеи закона и регулярности, которую он внедрил в природу, и игнорировать знания о предшествующих событиях, которыми его снабдили пристальное наблюдение и тщательный эксперимент. В случае с магией, точно так же, как и в случае с мифологией, тот, кто желает встретиться лицом к лицу с теми, кто жил давным-давно, должен на время избавиться как от знаний, накопленных наукой, так и от привитых ею ментальных привычек исследования и причинно-следственного объяснения. Эти привычки и эти знания стали такой частью нас, что мы не полностью осознаем их важность. Они подобны одежде, которую мы носим, или формам вежливости, которые мы применяем автоматически. Только после того, как человек двадцатого века углубится в фольклор или прочтет рассказы о верованиях и практиках прошлого, он осознает, что стоит на плечах бесчисленных поколений как наследник длительного процесса ментальной эволюции. Пожалуй, ничто не может заставить его осознать этот факт более ярко, чем изучение магии.

Что такое магия? Лучший ответ - привести примеры магии. "На Малайском полуострове фокусник создает изображение, похожее на труп, длиной в шаг. Если вы хотите вызвать болезнь, вы протыкаете глаз, и в результате слепота; или вы протыкаете поясницу, и заболит живот. Если вы хотите вызвать смерть, вы протыкаете голову пальмовой веточкой; затем вы заворачиваете изображение, как если бы вы были трупом, и молитесь над ним, как если бы вы молились над мертвыми; затем вы закапываете его посреди тропинки, которая ведет к дому человека, которого вы хотите очаровать, чтобы он мог переступить через него". Древнее земледелие полно магических обрядов, призванных отгонять зло. "По сей день трансильванский сеятель думает, что он может отвести птиц от кукурузы, если будет носить замок в мешке с семенами". И по сей день в Румынии, Сербии и некоторых частях Германии крестьяне пытаются вызвать дождь, брызгая водой на молодую девушку. Предполагается, что природа последует этому примеру и пошлет благотворный дождь на измученную жаждой землю. Таким образом, магия - это оригинальный способ заставить природу делать то, что вы хотите, чтобы она делала. Как пишет профессор Мюррей: "Раньше сельское хозяйство было

полностью вопросом религии; теперь это почти полностью вопрос науки. В древности, если поле было бесплодным, его владелец, вероятно, предположил бы, что бесплодие произошло из-за загрязнения окружающей среды или какого-то правонарушения. Он перебирал все свои возможные проступки или, по крайней мере, проступки своих соседей и предков, и когда он в конце концов определял причину неприятностей, все шаги, которые он предпринимал, были рассчитаны не на то, чтобы повлиять на химический состав почвы, а на то, чтобы удовлетворить свои собственные эмоции вины и ужаса или воображаемое существо, которое он оскорбил. Современный человек, оказавшийся в таком же затруднительном положении, вероятно, вообще не подумал бы о религии, во всяком случае, на ранних стадиях; он бы сказал, что это повод для более глубокой вспашки или для основного шлака ".

Магия - это способ контролировать вещи. Имитируйте желаемое действие определенным образом, и оно сбудется. Талисманы и амулеты, опять же, обладают тайной силой творить добро и зло. Древние общества накопили знания такого рода, добавив к материальным объектам силу демонов под контролем магов. Это знание практически осталось в прошлом. Даже белая магия больше не является хорошим тоном, больше не одобряется доминирующим общественным сознанием. Она проникает в отдаленные места, недоступные для посторонних глаз. Однако исследования показывают, что эти, казалось бы, дискредитированные убеждения и точки зрения редко исчезают полностью. Они тлеют под поверхностью и время от времени вспыхивают поразительным образом, напоминая нам о том, что общество в своей эволюции не продвигает всех своих членов с одинаковой скоростью. Историк с удивлением обнаруживает, что обряды, которым отводится особое место в различных религиях, по сути своей магичны и восходят к верованиям, которые давно были дискредитированы в других условиях.

Некоторые, кто специализировался на фольклоре и антропологии, очень пессимистичны относительно степени, в которой научный взгляд на природу заменяет более примитивное отношение, связанное с магией. Один из крупнейших авторитетов в области первобытных верований и обычаев пишет следующее: "Кажется, что мы движемся по тонкой корке, которая в любой момент может быть разорвана подземными силами, дремлющими внизу.... Время от времени вежливый мир поражают статьи в газетах, в которых рассказывается, как в Шотландии нашли статуэтку, утыканную булавами с целью убийства несносного лэрда или священника, как в Ирландии женщину медленно поджарили до смерти как ведьму, или как в России убили и изрубили на куски девушку, чтобы сделать свечи из человеческого жира, при свете которых воры надеются незаметно продолжить свое ночное ремесло ". Опасность для цивилизации, которую предвидит специалист по грубым обычаям, несомненно, преувеличена, но его предупреждение должно напомнить нам, что образование выполняет очень ценную функцию по воспитанию у все большего числа людей научных привычек мышления.

Одним из предположений, лежащих в основе магии, является идея о том, что две вещи связаны в природе, потому что они похожи друг на друга. Пространство не рассматривается как препятствие для этой связи. Насколько можно судить, что угодно может влиять на что угодно другое; и малейший намек на такую связь приводит к вере в ее реальность. Практически полностью отсутствует какая-либо концепция систематического тестирования: любая случайная ассоциация может привести дикаря к уверенности в важном признаке. Таким образом, если бы человек вышел на охоту и увидел кролика, перебежавшего ему дорогу, а затем ему не повезло, он был бы уверен, что кролик - это признак невезения. Более того, поскольку отдельные люди были настороже, они не стали бы искушать PROVIDENCE во второй раз. Этот

пример иллюстрирует скорее психологию, чем социологию процесса. Следует помнить, что социальные группы развили то, что мы называем суевериями, путем социального заражения и внушения. Смеющееся молчаливое согласие присутствующих с худу, талисманами и счастливыми предметами не может быть вызвано доверчивостью какого-либо одного человека. Подобные вещи происходят в процессе накопления точно так же, как и вера в то, что в конкретном доме водятся привидения.

Большинство авторов на эту тему подразделяют магию на два вида: имитационную и заразительную. Затем эти разновидности сводятся к двум принципам, которые, по-видимому, управляют ассоциацией идей. Имитационная магия следует закону ассоциации по сходству, в то время как заразительная магия основана на законе смежности. Для тех, кто изучал психологию, эта классификация не представит трудностей. Для других, возможно, потребуется небольшое пояснение. Наш разум связывает схожие вещи или действия (принцип подобия) и те, которые переживаются или о которых думается вместе (принцип смежности). Таким образом, между вещами устанавливаются связи, и, поскольку принципы настолько либеральны, почти все может быть связано с чем угодно другим. Именно такая либеральность чужда науке. Давайте взглянем на некоторые примеры обоих видов магии.

Наиболее известным примером имитационной магии является прием, с помощью которого индивид надеется ранить или убить врага. Делается фигурка врага, которую затем утыкают булавками или же обжигают на медленном огне. "В древней Вавилонии было обычной практикой делать изображение врага из глины, смолы, меда, жира или другого мягкого материала и ранить или убить его, сжигая, закапывая или иным образом жестоко обращаясь с ним". Эта практика встречается в высокогорье Шотландии и по сей день, а также в Мексике, Италии, Китае и других странах. Стихотворение Россетти "*Сестра Хелен*" сделало этот пример магии подражания довольно знакомым тем, кто, вероятно, никогда бы о нем не услышал.

- Зачем ты растопила своего воскового человечка,
сестра Хелен?
Сегодняшний день - третий с тех пор, как вы начали.
"Время тянулось долго, но время бежало,
Младший брат".
"О, восковой плут был сегодня пухлым,
сестра Хелен;
Теперь, как мертвецы, он исчез!"
"Нет, о мертвых, что ты можешь сказать,
Младший брат?"

Есть много других любопытных примеров подражательной магии. Баварский крестьянин, сеющий пшеницу, иногда надевает золотое кольцо, чтобы зерно приобрело приятный желтый цвет. Точно так же во многих частях Германии и Австрии крестьянин воображает, что он заставляет лен расти высоким, танцуя, или высоко подпрыгивая, или отпрыгивая назад от стола. В телепатические действия, или действия на расстоянии, постоянно верили. Жена охотника воздержалась от прядения, опасаясь, что дичь будет вращаться, как веретено, и охотник не сможет попасть в нее.

В то время как имитационная магия работает через воображаемое сходство, заразительная магия основана на принципе, что то, что когда-то было вместе, должно навсегда остаться в симпатических отношениях, так что то, что делается с одним, влияет на другое. В Сассексе около сорока лет назад горничная решительно протестовала против выбрасывания детских слепков зубов, утверждая, что, если их найдет и прогрызет какое-либо животное, новый зуб ребенка ни в коем случае не будет похож на зубы животного, которое откусило старый. В прежние годы было обычным делом помазывать меч, которым был ранен человек, вместо самой раны. В пьесе Брайдена "*Буря*" Ариэль приказывает Просперо помазать меч, которым был ранен Ипполит, и обернуть его с воздуха. Следы, фрагменты одежды, фотографии, пряди волос - все это связано с человеком, и то, что с ними делается, воздействует на человека независимо от того, где он находится.

Сначала человечество прибегало к магии так же естественно, как мы прибегаем к информации, предоставленной нам наукой. В этом не было ничего порочного. Не использовать все меры предосторожности, которые были в вашей власти, и все средства, которые вы могли придумать, было просто глупо. Однако со временем социально одобряемую магию стали отличать от черной магии или того, к чему было неправильно прибегать. Но магия, как и любая другая деятельность, имела тенденцию к специализации. Некоторые люди, казалось, обладали большей силой, чем другие, и, поскольку никто не мог сказать, что невозможно, выдвигались самые абсурдные, на наш взгляд, утверждения. В такие вещи верили потому, что они были невозможны. Именно благодаря этой "воле к вере" магия процветала до тех пор, пока медленный рост цивилизации и пробуждающийся разум человека не поставили ее под сомнение.

Чрезвычайно интересно изучать более технические достижения магии. Маги как класс выработали знания, которые непосвященные считали оккультными и таинственными. Народная масса не знала никаких границ, которые можно было бы установить для своей власти. Они и их деяния были окутаны тьмой и окружены всеми ужасными ассоциациями, которые могло вызвать пораженное благоговением воображение. Так было, особенно когда магия стала вне закона как тайное средство получения вещей. Но к тому времени для магии настали злые времена. В это еще не перестали верить, а просто осудили, потому что это не вписывалось в господствующий религиозный и социальный порядок. Точное соотношение религии и магии - несколько сложная проблема, которую мы должны отложить на некоторое время.

Восток всегда был благодатной родиной магии: здесь она достигла своего более технического развития. У *Лукиана* мы читаем о предполагаемой силе халдейских мудрецов, которые были способны произносить заклинания, способные тронуть даже богов. Эта эзотерическая наука существовала по всему Востоку. В Египте маги утверждали, что могут заставить высших богов выполнять их приказы. Однако к этому времени магия вышла за рамки своего более примитивного характера. Поскольку речь шла о знаках и действиях, они носили в высшей степени символический характер. Геометрические фигуры сложной конструкции, фразы, состоящие из явно бессмысленных слов или слов, предположительно имеющих особое значение, и имена богов или демонов использовались с соответствующими церемониями. Многие из этих магических формул дошли до нас. Предполагается, что это заклинания, которые сдерживают даже высших богов.

История Фауста очень хорошо отражает представление о магии, существовавшее в Европе в средние века. Читателю вспомнится сцена, в которой Фауст вызывает Духа Земли. Почитатели Виктора Гюго наверняка помнят описание кельи дома Клода в его *Соборе Богоматери* и безуспешные попытки этого епископа использовать молот Иезекииля. Важно было найти волшебное слово, которое произнес этот знаменитый раввин, ударяя молотком по гвоздю.

Мы часто обращали внимание на тесную связь, которая, как предполагается, существует между именем и вещью. Имя является подлинной частью природы вещи. Именно это предположение лежало в основе более сложной магии заклинаний. "Вот почему у каждого древнего египтянина было два имени, - пишет Ф. К. Конигер, - одно, под которым его знали собратья в этом мире, и другое, его истинное или великое имя, под которым он был известен высшим силам и в другом мире". Тот, кто обладал знанием имени другого, до такой степени держал его в своей власти. Страх перед таким поворотом событий побудил многие народы скрывать истинное имя своего бога. Вот почему настоящее имя бога евреев является для нас предметом догадок, и почему у римлян было важное божество, имя которого полностью утрачено. В древнеегипетской легенде богиня Исида задает себе такой вопрос: "Могу ли я, благодаря великому имени Ра, сделать себя богиней и править, подобно ему, на небесах и земле?" Эта концепция напоминает нам отрывок из Евангелия от Матфея: "Многие скажут мне в тот день: Господи, Господи, разве мы не пророчествовали именем Твоим, и именем Твоим изгоняли бесов, и именем Твоим творили чудеса? И тогда я объявлю им: я никогда не знал вас; отойдите от Меня, вы, творящие беззаконие". Опять же, у Марка у нас есть соответствующий отрывок: "Иоанн сказал ему: учитель! мы видели человека, изгоняющего бесов именем Твоим; и мы запретили ему, потому что он не последовал за нами". Таким образом, имена вызывались в буквальном смысле. Как мало тех, кто читает эти стихи, понимают их истинное значение, что они подразумевают веру в магию имен! В Деяниях апостолов Петр совершает чудо, просто называя себя Иисусом Христом из Назарета. Необходимо ли отмечать, что те излечения, которые, возможно, были осуществлены, были вызваны внушением того рода, путь к которому подготавливает экстатическая религиозная вера?

В донаучные времена болезни рассматривались как действие духов или демонов. Смерть сама по себе считается работой злокачественного агента. Это неестественно и волшебно. Дикари часто обращаются к болезням с уважением, называя их "Дедушкиной оспой". Иисус исцеляет женщину и говорит о ней как о "дочери Авраама, которую сатана связал эти восемнадцать лет назад". Это обращение соответствует верованиям того времени повсюду. Неудивительно, что ранние христиане придерживались схожих взглядов. Они были детьми своего возраста.

Религия и магия издавна были связаны друг с другом. Бесполезно спрашивать, что было первым, поскольку изначально они не исключали друг друга. Магический элемент отвергается только по мере развития этического монотеизма с высоким уважением к личности и могуществу божества, которому поклоняются. Даже в наши дни существует мало религий, которые не содержат магических элементов, и чем дальше в прошлое мы углубляемся, тем более заметным становится присутствие заклинаний и ритуальных действий, которым приписывается таинственная действенность. Человек остро нуждался в помощи, и поэтому он воспользовался всеми средствами, которые подсказали случайность, фантазия и невежество. Если определенные действия давали ему *ману* его бога или оказывали давление на сверхъестественного агента, тем лучше. Большая часть ранней литургии представляет собой смесь заклинания и молитвы, и совершенно верно, что большая часть христианской литургии

несет следы этого происхождения. Следующий пример показывает это переплетение высших и низших элементов: при освящении крещенской воды накануне Богоявления, обычая, распространенного в ранней Церкви Рима, священник, молясь Богу освятить воду, трижды окунал в нее распятие, вспоминая в своей молитве чудо, описанное в Книге Исход, - услащение горькой воды деревом; затем следовало антифонное пение, описывающее крещение Христа в Иордане, которое осватило воду. "Похоже, что мы имеем здесь, - пишет Л. Д. Фарнелл, - сочетание великих типичных форм религиозной энергии незапамятных времен, чистой и простой молитвы, мощного использования духовно заряженного предмета, фетиша (в данном случае распятия) и интонированного или скандируемого повествования, которое обладает магической силой внушения".

Некоторыми исследователями было высказано предположение, что магия ближе к науке, чем к религии. Это попытка человека заставить вещи делать то, что он желает. С другой стороны, в религии человек провозглашает свою беспомощность и полную зависимость от духовных сил. Не может быть никаких сомнений в том, что это различие существует и выступает все больше и больше на первый план. Но разделение происходит только после того, как религия эволюционирует в духовную молитву и общение, отходя от ритуальных процессов. Мало событий более интересных, чем постепенный отказ религии от магии. Но не влечет ли за собой этот отказ аналогичный отказ от науки? Здесь мы снова сталкиваемся с неизбежным компромиссом. Белая магия отличается от черной. Позже нам будет что сказать об этих отношениях.

Только после бесчисленных столетий ошибок человеческий интеллект открыл действительные отношения в природе таким образом, чтобы иметь возможность использовать их с уверенностью. Затем субъективные ассоциации были заменены проверенными причинно-следственными связями. Вера в простые подражательные действия была утрачена, и наконец-то было осознано, что исследование пациента является предварительным условием контроля человека над окружающей средой. Только время могло показать, что возможно, а что невозможно.

Мы указывали, что по мере того, как религия становилась все более идеалистичной в своих представлениях о божестве, магия имела тенденцию отходить на задний план. Моральные мотивы считались единственными, способными подвигнуть его на благотворительные действия. Молитва стала рассматриваться как прошение о благе, и было даже признано, что это всеведущее существо лучше просителя знает, что лучше. Мы, воспитанные в христианской вере, были слишком склонны принижать характер и интеллект рас с иным наследием. В таком случае, возможно, было бы неплохо указать на то, что проблемы, которые сегодня обсуждаются в христианских общинах, обсуждались и решались во многом таким же образом другими народами в менее просвещенные времена. Древняя Греция достигла духовного уровня, выраженного в завершении Молитвы Господней: "Да будет воля Твоя". Молитва Сократа гласила: "Даруй мне стать благородным сердцем". Молитва Эпиктета гласила: "Делай со мной, что хочешь: моя воля - это твоя воля; я не оспариваю твоих суждений". Разве это не неизбежный вывод из этического монотеизма? Любой благородный верующий в доброго бога смотрел бы на молитву таким образом. Поэтому неудивительно, что более философски настроенные приверженцы раннего христианства подвергали сомнению обоснованность молитв о милостях. Лишите современного христианина поддержки науки с ее здоровой примесью суеверий, и я

сомневаюсь, что он поднялся бы на более высокий этический уровень, чем кто-либо из его предков.

Но рост морального идеализма в религии не предполагает рационального ниспровержения магии. До тех пор, пока все события в мире не приписываются непосредственно Богу как единственному действующему лицу, основа магии остается. Моральный идеализм осуждает только черную магию, то есть аморальное использование магических сил. Но моральное осуждение не является рациональным отрицанием существования магии. Доведенный до своей логической крайности, этический монотеизм мог дискредитировать магию только путем замены личного на безличное действие, а затем провозглашения монополии личного действия. Таким образом, очевидно, что наука, а не религия, была настоящим врагом магии, потому что она боролась с ней эмпирически и детально, в разгар происходящих здесь и сейчас человеческих событий. Этический монотеизм абстрактен, дедуктивен и догматичен. Необходимо было критическое движение, одновременно конкретное, индуктивное и эмпирическое. Религия развивает только моральный разум и стремится оставить более широкие области разума невозделанным полем. Следовательно, предатель суеверий никогда не был далек от этого, гремя, как проповедник с кафедры. Победа над тьмой требует распространения света во все уголки человеческой души.

Кризис векового конфликта миновал. И все же слишком немногие добровольно отдают свою беззаветную преданность идеалам и методам науки. Борьба вверх от примитивного невежества и суеверий к концепции медленно действующей безличной силы воли была тяжелой и изматывающей, и зародыши угрюмого бунта находятся в большем количестве грудей, чем мы часто предполагаем. Человеческая хватка за добро непрочна; давайте постараемся укрепить ее и расширить охват. Восхваления практических применений науки недостаточно. Все готовы исцелиться и стать хозяевами природы. Слишком немногие готовы принять выводы естествознания и стремиться к философии, противоречащей идеям о вселенной, которые лелеяли их отцы.

ГЛАВА V

ИСТОКИ ХРИСТИАНСТВА

Перейдем теперь от изучения общих черт античного взгляда на природу к изучению христианского взгляда на мир. Неразрывно ли связан христианский взгляд на мир с этим древним мировоззрением, или он может быть очищен от него? Является ли моральный пыл и идеализм христианства его существенным и постоянным вкладом, вкладом в рациональную оценку человеческой жизни? Заглядывая еще глубже, давайте не побоимся спросить себя, не подразумевает ли хирургическая операция, которую подразумевает этот тезис, смелый разрыв с теизмом как всего лишь развитой формой примитивного анимизма? Не может *лимонотеизм* быть в этическом монотеизме защитной оболочкой, из которой бабочка уже вылетела?

Роль, сыгранная христианством в развитии западной цивилизации, и его положение как главного представителя религиозной интерпретации вселенной делают наш выбор его для изучения естественным. отождествлять традиционную религию с низкой стадией ее развития, на которой она неразрывно связана с грубыми мифами и ритуалистической магией, несправедливо. Мы должны взять теологию в ее лучшем виде и противопоставить ее науке и философии, прежде чем сможем правильно судить о ней. Только тогда мы можем быть уверены, соответствует ли она чему-либо жизненному, значимому и истинному. По крайней мере, для западного мира общепризнанно, что христианское богословие представляет собой высший уровень богословия. Если она по своей сути неадекватна и не соответствует современному опыту, единственный путь, открытый для морально и интеллектуально смелого человека, - это отказаться от нее как от переросшей точки зрения. Независимо от того, какая боль может возникнуть из-за разрыва со старыми ассоциациями и отказа от ложных надежд, интеллектуальная мораль допускает только один путь. Может случиться, что общественная мораль обретет новую жизнь, когда будут разрушены старые формы, ибо буква убивает. Я имею в виду, что христианская этика будет действовать в мире более свободно и творчески, когда ей будет придана полностью гуманистическая установка. Мечтая о сверхмиром боге, человек слишком часто забывает о своих ближних. В тоске по пришествию божественного царства он позволил своим рукам и ногам бездействовать или даже не обращал внимания на распростертые тела мужчин и детей, сломленных на рынке. Удалить теологию из христианства - значит создать царство этого мира.

Содержание христианства невозможно отделить от его происхождения. Поступить так - значит открыть дверь для всевозможных частных интерпретаций и способствовать двуличию и самообману. Христианство - это исторический факт, и оно означало различные довольно определенные вещи. Если мы переросли некоторые из этих вещей и фундаментальным образом переосмыслили другие, мы не добиваемся ясности мышления, пытаясь прочесть наш собственный взгляд на прошлое. Преемственность духовного рода там была, но есть и новизна фундаментального значения. Знания и атмосфера, с которыми она сталкивается сегодня, сильно отличаются от той теософии, в которой она родилась и воспитывалась.

Я думаю, мы все чувствуем, что христианство было очень плодотворным этическим стимулом, эффект которого трудно переоценить. И все же, если мы хотим получить надлежащую перспективу, мы не должны пренебрегать другой стороной - склонностью к догматизму и

сопровождаящим ее усердием преследования. Были и другие мученики, помимо христиан. Что-то было не так с движением, в котором было так много мракобесия и фанатизма. В его составе было недостаточно благоразумия и слишком много старых ужасов, сопровождавших примитивное невежество и жестокость. Для этого требовалась более здравая точка зрения и больше доверия к человеческому разуму. Например, различия между различными сектами, которые возникали от периода к периоду с таким шумом и энергией, бросающей вызов смерти, были различиями в акценте и формулировках, важность которых была сильно преувеличена. Для современного студента нет ничего более трагичного и жалкого, чем это рвение невежества. Так много нужно сделать в мире, чтобы сделать его слаще, красивее и более пригодным для жизни, так много нужно здравомыслия и милосердия; и все же так много человеческой энергии потрачено впустую и, более чем впустую, обращено во зло. Единственный способ преодолеть это сектантское подстраивание - знать прошлое таким, каким оно было, и не питать по отношению к нему искажающих и ослепляющих иллюзий. Человек настолько склонен видеть золотой век в прошлом, что необходимо направить на него прожектор. Исторический подход и есть такой прожектор.

У исторического подхода есть еще одно психологическое преимущество. Причина часто бессознательно связана авторитетом предполагаемого прошлого. Для философа с его уверенностью в экспериментальном разуме, возможно, такого сдерживания не существует; но даже люди, которые имеют все основания свободно применять свой совокупный опыт к доктринам и верованиям, ограничены тем, чему их научили, и теряют смелость. Дух согласия всегда действует в мире, и ничто так не укрепляет этот дух, как традиционно принятая книга священных писаний. Сталкиваясь с ними с их решительными утверждениями и претензиями, умы большинства оказываются запуганными, и те размышления, которые они позволяют себе, работают в установленных границах или немного выходят за их пределы. Ничто так не подходит для того, чтобы развязать разум и заставить его мыслить смело, как изучение истоков. Человек обретает перспективу, когда он видит, как идеи и чувства поднимаются и опускаются, уступая место другим. Его больше не может запугать тень компактной и, казалось бы, неприступной традиции. Однако мы должны помнить, что такой исторический и сравнительный подход в лучшем случае может лишь разрушить мифическую простоту сентиментального прошлого и раскрыть сложность действующих многоуровневых сил; он не может доказать какую-либо конкретную доктрину. Творение должно исходить из духа настоящего, поскольку оно несет в себе стимул прошлого и добавляет к нему свою собственную энергию.

У всех развитых религий есть свои священные книги. Пока во второй половине девятнадцатого века не был предпринят перевод Священных книг Востока, мало кто осознавал, как много таких книг существует. И мы, американцы, были невольными свидетелями появления двух других сборников писаний, в которых делались те же заявления: "*Книга Мормона*" и "*Наука и здоровье*". Теперь такие священные книги рассматриваются как откровения, которые не могли быть получены иначе, как путем таинственного соприкосновения с божественными вещами. И религиозная вера, вызванная и направляемая учением, основанным на Священном Писании, возвращает свою теплоту обратно к своему источнику. Нет ничего более естественного, чем это взаимодействие между живой верой и писаниями, которые считаются ее гарантией. Религия, как известно, консервативна и ретроспективна. Особенно это верно в отношении религий, которые приписывают себе полный и окончательный источник откровения в прошлом. Вера и книга связаны в сознании настолько тесно, что теряют свою отделенность. Сомневаться в одном - все равно что сомневаться в другом. Таким образом, вера формирует эмоциональную

оболочку, которая защищает литературу, в то время как конкретные детали литературы воздействуют на разум, укрепляя веру. Поэтому нет ничего странного в том, что культ книги - явление универсальное для развитых религий. Мусульманин верит в словесную богодухновенность Корана так же полно, как еврей верит в божественное происхождение Ветхого Завета, а христианин - в богодухновенность общепринятого канона, называемого Библией. И это не единственные примеры. Но этот психологический круг является порочным. Он включает в себя замену субъективной поддержки утверждений и теорий, которые требуют проверки человеческого опыта в целом. Но именно потому, что наука является координатором всего спектра опыта, неизбежно возникает тот конфликт между наукой и теологией, о котором мы так много слышали в течение последних нескольких десятилетий. Это конфликт между частью опыта, интерпретированной слишком поспешно, и рационализированным целым.

Наука возникла во времена Возрождения как следствие пробудившегося любопытства человека. Ее первые завоевания были в области астрономии и физики. Они были настолько поразительного характера, что придали этому сравнительно новому движению престиж, который сослужил ему хорошую службу в трудные времена. Постепенно была разработана надежная технология, и были проведены индуктивные проверки каждой гипотезы, которая напрашивалась сама собой. В течение значительного времени наука была довольно определенно ограничена физическим миром; но было неизбежно, что поощряемые ментальные привычки рано или поздно распространились бы и на другие области. Хотя в восемнадцатом веке было много предварительных применений методов и идеалов индуктивной науки в области истории, полностью историческая наука была развита только в девятнадцатом веке. Наше представление о прошлом становится все более глубоким и правдивым. Романтизм сменился реализмом, который призывает на помощь антропологию, археологию и современную психологию. Мы хотим видеть людей прошлого такими, какими они были на самом деле; и мы вполне осознаем, что знаем о мире больше, чем они.

В области библейской литературы и сравнительного религиоведения научный метод применялся медленно. Необходимо было преодолеть огромную инерцию и противостоять сильному духу позитивного антагонизма. Вся система надежд и страхов, санкций и табу, которую древний взгляд на мир взрастил в человеческой груди, вопияла против святотатства рационального исследования. Человечество относится к иллюзии с большей любовью, чем к истине, потому что оно лучше знакомо с ней. Какое-то время все, с чем ортодоксии приходилось бороться, - это рационализм скептического толка, в распоряжении которого было едва ли лучшее историческое мировоззрение, чем у его оппонента. Он мог бы утверждать, что эти истории и верования, унаследованные из прошлого, не могли быть правдой, потому что они противоречили нашему опыту; но он не мог бы объяснить, почему у людей возникли эти идеи и почему они верили в них так безоговорочно. Другими словами, он не мог позволить прошлому объяснить себя таким естественным образом, чтобы оно опровергло его собственные убеждения. Именно этим современные исследования занимались настолько тщательно, что вряд ли есть необходимость в обращении к конструктивным наукам, которое делает скептический рационализм. Битва больше не является ничейной в том, что касается интеллекта. Вопрос лишь в том, сколько времени пройдет, прежде чем победа будет признана и провозглашена всеми образованными людьми.

По мере того как эволюционная точка зрения пробивала себе дорогу к признанию, ученые осознали реальную природу мифов и легенд; они поняли, что верования такого рода являются

продуктом творческого группового сознания, пропитанного взглядом на мир, который мы постепенно переросли; они почувствовали сложность ума прошлого и с подозрением отнеслись к наивному предположению, что религии формировались в течение одного поколения исключительно авторитетом одного человека или небольшой группы людей. Первым четким изложением этой изменившейся точки зрения стала работа Давида Фридриха Штрауса в его знаменитой *"Жизни Иисуса"*. Штраус развил идею о том, что большая часть религиозной литературы состоит из мифов и догм, созданных не из цельного материала потенциальными обманщиками, а сотканных стимулированной фантазией групп, работающих в атмосфере традиций и взглядов, которые только самые интенсивные исследования могут сделать живыми для ученого. Не может быть никаких сомнений в том, что эта точка зрения по существу верна. Однако, прежде чем ее можно было бы удовлетворительно применить, необходимо было провести тщательное изучение литературы и зарегистрированных обычаев народов Средиземноморского бассейна. Только к настоящему времени эта задача выполнена настолько, что основные черты греко-сирийско-палестинско-египетского мира открыты для сочувственного изучения. Никто, кто не проделал какую-либо работу в этой области из первых или вторых рук, не может осознать трудностей, с которыми столкнулись следователи. Фрагменты, найденные тут и там в трудах Отцов Церкви, учениях александрийских евреев, апокалиптическая литература, обнаруженная в отдаленных местах, надписи, обнаруженные то тут, то там, - все это было тщательно изучено, сопоставлено и вынуждено предоставить свою долю информации.

Это психологический принцип, с которым всегда следует считаться: чем меньше неподготовленный человек знает о прошлом, тем более уверенным в правильности своих предполагаемых знаний он склонен быть. Например, американец, прочитавший один или несколько чрезмерно упрощенных учебников по истории своей страны, которые используются в школах, имеет четкое представление о различных событиях, точно знает, как они произошли и кто был прав. С другой стороны, университетский преподаватель имеет перед собой множество противоречивых данных, на основе которых он должен мучительно и ориентировочно составить картину тенденций, действовавших в разные периоды. Он должен проверить подлинность своих источников, взвесить предубеждения автора и решить, в состоянии ли он точно знать, что происходит. Следовательно, он будет говорить на квалифицированном языке, на котором среднестатистический гражданин будет делать решительные заявления.

Однако исследователь американской истории располагает огромным количеством материала и имеет дело со временем, когда существовало книгопечатание. Язык, на котором написаны эти документы, является его собственным или же хорошо известным. Изучающий сравнительное религиоведение не имеет ни одного из этих преимуществ. Для древнего мира надписи архаичны и сжаты. В случае с библейской литературой он, возможно, имеет дело с рассказами, отредактированными по более старым рукописям на других языках. Эти повествования противоречат друг другу и содержат на удивление мало информации по важным моментам. Следовательно, исследователь почти подавлен сложностью своей задачи и скудостью определенных результатов. Обычный исповедующий христианин, напротив, пребывает в блаженном неведении относительно этих проблем. Он открывает свой английский перевод и читает знакомые слова в свете унаследованных догм, которые закрывают ему глаза на все противоречия и разночтения. Правда в том, что он ментально не готов сравнивать отрывки и видеть проблемы, которые бросаются в глаза опытному человеку. Он читает субъективно, в назидание. Церковная атмосфера такова, что его духовные наставники либо хотели скрыть от

него современные критические работы, либо боялись вызвать фанатизм своих хранителей, либо им самим не хватало современного образования. Следствием этого является то, что среднестатистический христианин имеет самые наивные представления об авторстве и подлинности Евангелий, а также об истинном значении многих стихов. Палестина задумана с точки зрения цветных гравюр, иллюстрирующих его Библию, в то время как ментальная атмосфера Первого года - это атмосфера сегодняшнего дня в Америке, возможно, с экзотическим оттенком здесь и там.

Давайте взглянем на некоторые факты, которые исследование делает все более ясными и которые не так широко известны, как они того заслуживают. То, что здесь сказано, следует читать, помня о результатах предыдущих глав. Такой взгляд с высоты птичьего полета на силы, действовавшие в поздние эллинистические и римские времена, будет лучшей подготовкой к формированию здоровой концепции происхождения и направления христианства.

В Тарсе, греческом городе в Киликии, родился и получил образование Павел, или Савл. Итак, Тарс был, после Александрии, главным центром позднегреческой философии на ближнем Востоке. Многие из наиболее известных мыслителей-стоиков и учителей того времени были выходцами из Киликии, и в их жилах текла семитская кровь. Афинодор, учитель Цицерона и Августа, был родом из самого Тарса; и говорят, что благодарные и восхищенные им сограждане сделали его героем после его смерти и ежегодно устраивали в его честь поминальный пир - процедура, очень характерная для той эпохи. В посланиях Павла содержится убедительное доказательство того, что он был хорошо знаком с доктринами стоицизма. За этими посланиями стоит более широкий интеллектуальный мир Филона Александрийского и Сенеки из Имперского города. Еврей-эллинист Рассеяния во многом отличался от еврея Палестины, независимо от того, насколько сильно он хотел отождествить себя с богослужением в Храме.

Но греческая философия была не единственным элементом, с которым соприкасался житель Тарса. Когда Павел говорит о мистериях, он имеет в виду различные тайные культы, которые пронизывали римский мир. Как мало христиан осознают, что древний мир в то время находился в состоянии религиозного брожения, почти не имеющего аналогов. *Греческая цивилизация потеряла самообладание.* Она выстрелила и была сокрушена автократической властью и явным варварством. Условия для прогрессивной и широко основанной цивилизации еще не были достигнуты. "Любой, кто обращается от великих писателей классических Афин, скажем, Софокла или Аристотеля, - пишет Гилберт Мюррей, - к писателям христианской эпохи, должен осознавать огромную разницу в тоне. Меняется все отношение писателя к окружающему миру. Новое качество не является специфически христианским: оно столь же заметно у гностиков и митропоклонников, как и в Евангелиях и Апокалипсисе, у Юлиана и Плотина, как и у Григория и Иеронима. Это трудно описать. Это подъем аскетизма, мистицизма, в некотором смысле, пессимизма; *потеря уверенности в себе, надежды в этой жизни и веры в нормальные человеческие усилия*; отчаяние от терпеливого исследования, мольба о непогрешимом откровении; безразличие к благосостоянию государства; обращение души к Богу. Это атмосфера, в которой цель хорошего человека состоит не столько в том, чтобы жить справедливо, помогать обществу, к которому он принадлежит, и пользоваться уважением своих собратьев; скорее, посредством горячей веры, презрения к миру и его стандартам, через экстаз, страдания и мученичество получить прощение за свою невыразимую недостойность, за свои неизмеримые грехи. Происходит усиление определенных духовных эмоций; повышение чувствительности, упадок сил". Именно в таком состоянии общественного сознания зародилось

христианство. Это было, как мы уже указывали ранее, одно из многих сражений за доминирование.

У этих конкурирующих религий было много общего, хотя преимуществом христианства было то, что оно унаследовало этический монотеизм пророков. На Павле, эллинисте и еврее рассеяния, была сосредоточена эта величественная традиция наряду с традициями более мистического характера. Сирия с незапамятных времен была домом определенных мистерий, поскольку в Ветхом Завете мы читаем о женщинах, оплакивающих смерть Таммуза, бога растительности, который умирает и рождается заново. Итак, Адонис или Аттис был соответствующим богом Фригии, и все народы Сирии были хорошо знакомы с культом, в котором изображалась богиня-мать, оплакивающая своего сына. Но эти более примитивные обряды были вытеснены более развитой и этичной формой, называемой митраизмом. Я хорошо помню свое удивление, когда, посетив одну из старых церквей Рима, мне показали более раннюю церковь внизу и сказали, что под ней снова была обнаружена церковь, посвященная Митре. Итак, Тарс был одним из главных центров митраизма, и практически несомненно, что Павел был знаком с его основными ритуалами и верованиями. Давайте попытаемся осознать важность этого факта.

В митраизме было посвященческое служение, во время которого прозелиты принимались в веру. Литургия этого богослужения сохранилась до наших дней, и мы знаем, что она представляла собой мистическое умирание и возрождение, в котором снимается вина за старую жизнь и через дух создается новая бессмертная жизнь. Посвященные говорили о себе как о перерожденных для вечности. "Настолько поразительна, - пишет немецкий критик Пфлейдерер, - связь этих идей с учением Павла о христианском крещении как общности смерти и воскресения со Христом (Римлянам 6), что невозможно избежать мысли об исторической связи между ними.... В митраизме также существовало таинство, соответствующее христианской евхаристии, при котором освященный хлеб и чаша с водой или даже вином служили мистическими символами распространения божественной жизни среди верующих в Митру".

Когда мы вспоминаем, как мало значения Павел придавал реальной жизни и этическому учению Иисуса, нас не удивляет частое высказывание о том, что Павел был настоящим основателем как литургического, так и теологического христианства. Он не создавал эту литургию, но нашел ее под рукой. Ранняя церковь последовала этому естественному импульсу и дополнила более простые унаследованные обряды. Трудно проникнуть в психологию представления Павла о Христе. Вероятно, он был энтузиастом со склонностью к приподнятому настроению, свойственному эпилептикам, и при этом обладал высокими умственными способностями. Он чувствовал вдохновение. Он дает нам понять, что был подвержен видениям, а хорошо известно, что религиозное возбуждение способно соединить воедино мириады внушений, воздействующих на наше "я". Мы можем понять труд Павла, одного из главных основателей христианства, только тогда, когда видим его мистическим толкователем, соединяющим еврейские традиции более трезвого типа, апокалиптическое мировоззрение таких книг, как Даниила и Ездры, мистические культы эллинистического мира и теории философии стоиков в одно целое, преимущественно сверхъестественное. Ученые по-прежнему будут расходиться во мнениях относительно сравнительных пропорций ингредиентов, которые он соединил воедино, но мало кто станет отрицать, что учение Павла является продуктом многих источников. В этой связи следует отметить очень важный факт: хотя послания Павла являются самыми ранними свидетельствами христианства, "кроме распятия, из этих посланий

нельзя почерпнуть ни единого факта из жизни Иисуса, и в них не зафиксировано ни единого высказывания Иисуса".

Далее мы перейдем к краткому изучению Иисуса из синоптических Евангелий, фигуры, которая полюбилась человечеству и с которой западный мир связывает свои самые благородные чувства. Но даже настоящее изучение некоторых наиболее мистических элементов христианства, должно быть, убедило читателя в том, что в этом движении сосредоточена сложная жизнь древних времен. Круг идей, которых страстно придерживались члены церкви, не был создан каким-либо одним человеком или группой людей. Это был расцвет примитивных идей и этических устремлений. Моральный идеализм идет рука об руку с космологическим мифом. Мы, вновь обретшие самообладание, утраченное той эпохой, можем обрести дар и высокое приключение - отделить моральную истину от теологической иллюзии.

ГЛАВА VI

ПРОРОК ИЗ НАЗАРЕТА

В последние годы началась сильная реакция против интерпретации христианства Павлом — или, лучше сказать, против христианства типа Павла? —. Мы настолько полностью переросли примитивные представления о жертве, а еврейская вера в необходимость искупления настолько противоречит нашему представлению о Боге, что раввинская теология Павла не вызывает сочувствия. В конце концов, мы являемся потомками по духу тех язычников, для которых послание Павла было бессмыслицей. Интеллектуально мы сыновья Платона и Аристотеля, Архимеда и Юстиниана. В средние века идеи периода греко-римского упадка смешались с социальными идеями феодализма. Сегодня наука и философия вернули нас к более безмятежным высотам классических времен и претендуют на то, чтобы превзойти тот славный период если не в изысканности вдохновения, то в основательности строительства. В результате общественное сознание отбрасывает из христианства те элементы, которые не гармонируют с нашим моральным и интеллектуальным складом. Итак, синоптические Евангелия по своей природе приспособлены для такого смещения интереса с теологического и жертвенного на более человеческий и этический. Они представляют идеализированную картину Иисуса Христа по плоти, в то время как Павел проповедует только второго Адама, Иисуса Христа по духу. Павел интересовался грядущим миром и небесным миром над облаками, где восседают зоны, начала и державы. Нас интересует главным образом мир здесь и сейчас, социальная справедливость и демократическое братство. Когда гуманизм стал агрессивным, христианство отразило перемены. Есть ли какие-либо основания предполагать, что его теологическая

оболочка сможет установить границу масштабам этого изменения? Действительные действующие силы - это силы сегодняшнего дня, силы нашего собственного духа и разума. Только на какое-то время они будут стремиться вернуться в прошлое. Только набираясь сил и уверенности, они будут маскироваться под простое возрождение более истинного первобытного христианства.

Чрезвычайно показательно, что более демократические движения внутри христианства всегда подчеркивали более добрые, человеческие и домашние аспекты Библии. Последователи святого Франциска Ассизского поначалу были учителями смирения и братской любви; и сам Франциск строил свою жизнь по образцу жизни Иисуса, каким он его представлял. Ученики Уиклифа обосновались среди крестьян и ремесленников средневековой Англии. Джон Болл является для нас хорошим толкователем социальных взглядов, которые они придерживались. Похоже, что они думали об Иисусе как о таком же, как они сами, рассматривали его жизнь с точки зрения своих собственных насущных проблем. Пиетизм и методизм всегда склонялись к евангельскому Иисусу, предпочитая Христа Павла; но их социальное мировоззрение было слишком негативным и пассивным. Демократия должна быть агрессивной, немистической, торжествующей. Она должна возвышать разум, не забывая при этом о нежности. С ростом современной демократии социалистического толка Иисус Плотник с его добрым словом к бедным и угнетенным и его презрением к надменным и богатым стал символом и знаком новой социальной этики. Очевидно, что религия не независима от социальных настроений эпохи. Религия указывает на центр власти, как компас указывает на полюс. Когда в первобытные времена острая нужда человека заставляла его взывать о милосердии и помощи, его невежественная беспомощность неизбежно населяла природу богами плодородия. Иллюзия и нужда создали богов мифов и ритуалов. Устраните эту установку на невежество и иллюзию и поставьте на ее место ощущение силы, и потребность укажет на правильное использование этой силы. Справедливость, милосердие и разум, используемые обществом в общественных целях, несомненно, станут религией разумной демократии. В старых формах религии человек был просителем, протягивающим беспомощные руки в молитве; в грядущей религии человек будет творцом, смело берущим свою судьбу в собственные руки. Какой переворот! И все же это не более чем контраст между первобытным миром, который мы изучали, с его маной, табу и магией, и современным миром с его знаниями химии и электричества и его глубоким проникновением в саму душу человека.

Но мы должны вернуться к объяснению популярной тенденции превозносить человека Иисуса над Христом Павла. Далеко ли нужно искать объяснение? Теология непонятного характера всегда была выражением размышлений и досуга. Религия масс, напротив, всегда была представлена в виде образов и эмоций, связанных с их повседневными потребностями. Раввинские концепции Павла были чужды их опыту, в то время как философский мистицизм Иоанна был оценен лишь немногими, кто почувствовал красоту языка и странное очарование его оборотов речи. Для простых людей Иисус был любящим другом, утешавшим их в их печалях, и свидетелем небес, на которых будут вытерты все слезы. Конечно, мы не должны быть слишком романтичными в нашей интерпретации мировоззрения масс. Эти чувства часто присоединялись к данной теологии с догматической яростью; и на заднем плане слишком часто тлели суеверные страхи. Но в целом не будет ложью сказать, что евангельская история жизни Иисуса с ее простым пафосом и яркой дикцией понравилась массам, а его личность соответствовала их идеалу благородства и нравственного величия. Иисус, человек, который также был Сыном Божиим, который пришел на землю ради них и по какой-то причине умер за

них, повлиял на них так, как ничто другое не могло повлиять. И разве это не чудесная концепция? Да; в правильном окружении не было ничего более грандиозного во всей литературе. Это шедевр лирической мифологии. Но когда мы переживаем его обстановку, оно может воздействовать на нас только так, как это делают великие литературные шедевры, когда мы соглашаемся занять эстетическую позицию.

Прагматические и эстетические качества рассказа не гарантируют его исторической достоверности. Фактически, исследования показали, что практически все самые очаровательные анекдоты, дошедшие до нас, не выдерживают критического анализа. Историк христианства хорошо осведомлен об этой ситуации. Общее движение просвещенной религиозной мысли от более мифического элемента к жизненному пути Иисуса, хотя и свидетельствует о более широко распространенном интересе к его личности, также свидетельствует о растущем сомнении в достоверности теологических построений, которые были сплетены вокруг его фигуры. Мы хотим знать, если возможно, что именно он думал и чему учил. Если бы мы смогли определить это, мы чувствуем, что большая часть искажающей атмосферы была бы устранена. Но разве это само по себе не является одной из тех обманчивых надежд, которые питает позиция компромисса? Разве мы не знаем в глубине души, что верования Иисуса отражали верования его времени, точно так же, как верования Канта или Лютера являются функциями эпох, в которые они жили? Но здесь у нас есть гипотеза, которая может быть проверена историческими данными. Были ли взгляды Иисуса такими же, как у людей его эпохи? Ничто не прояснилось более ясно, чем просто этот факт.

Давайте посмотрим, что получилось в результате такого тщательного изучения источников. Мы должны помнить, что в древности книги публиковались не так, как сейчас. Рукописи переходили из рук в руки, и отдельные люди дополняли их, или изменяли, или комбинировали по своему усмотрению. Плагиат не имел того значения, которое он имеет сейчас, когда авторы живут на доходы от продажи своих книг. Кроме того, было обычным делом ставить имена на рукописи по своему желанию или в соответствии с традицией. Наше современное критическое отношение не возникло — по очевидным причинам. Кроме того, было трудно раздобыть копии рукописей. Например, Папий, епископ Иераполиса во Фригии ближе к середине второго века, верил, что существует Евангелие от Матфея на арамейском, но он не смог даже мельком ознакомиться с ним и был вынужден доверять устному преданию своего времени. Чтобы прояснить эту ситуацию: предположим, нам пришлось бы полагаться на устную традицию, все еще сохраняющуюся в отношении жизни Вашингтона, насколько мы были бы уверены в ее подлинности? Да ведь о жизни Мэри Бейкер Эдди уже ходят мифы! В старину мифы росли как грибы. Только под рукой было слишком много сортов, из которых можно было выбирать.

Ученые почти уверены, что настоящее Евангелие от Матфея не является переводом арамейского оригинала. Более того, настоящее Евангелие от Матфея распадается на отдельные части, довольно сильно противоречащие друг другу, и изобилует вставками сравнительно поздней даты. Только после того, как Евангелие будет радикально пересмотрено, мы, вероятно, приблизимся к старой традиции о жизни и деяниях Иисуса.

Раз уж мы затронули тему подлинности Евангелий, возможно, стоит как можно короче обсудить другие синоптики. Большинство критиков считают Марка старейшим, но это всего лишь догадки, когда все сказано и сделано. В своем нынешнем виде он короче других, и этот факт произвел впечатление на многих студентов. Кроме того, в нем нет описания младенчества

Иисуса. Но сам он, очевидно, является компиляцией других документов, поскольку в нем повторяется одно и то же событие в несколько иных формах. По всей вероятности, она была написана на греческом языке для эллинистической аудитории и подчеркивает те традиции, которые, скорее всего, произведут впечатление на ее читателей. Неизвестно, кто это написал и когда именно это было написано.

Евангелие от Луки изначально не претендовало на то, что было написано Лукой. Ученые, основываясь на внутренних свидетельствах, сходятся во мнении, что это могло быть написано лишь спустя долгое время после падения Иерусалима в 70 году н. э. Автор Евангелия от Луки был знаком с *Древностями* Иосифа Флавия, и это показывает, что он, должно быть, составил свою компиляцию и произвольно переработал традиции во втором веке.

Итак, если наши Евангелия не были написаны очевидцами и представляют собой верования и традиции, существовавшие по крайней мере в следующие полвека после смерти Иисуса, чему мы можем верить? Что такое миф и легенда, а что исторический факт? Можем ли мы найти ключ к разгадке?

Среди исторических критиков принято считать древнейшими те отрывки, которые больше всего противоречат мировоззрению последующих веков. Мы можем понять, почему они оказались там, но не было бы веской причины для их последующего создания и вставки. Давайте попробуем определить, куда приведет нас этот канон.

Все ученые согласны с тем, что истории о рождении являются более поздним дополнением. Они являются продуктом эллинистических верований, возможно, даже индуистских влияний. Миф о Деве-Матери был очень распространен в древние времена, и весь механизм этой истории, несомненно, был заимствован из сказок, широко распространенных в те дни. Например, отец Платона, греческий философ, был предупрежден во сне Аполлоном о том, что Платон был рожден девственницей. Что мы можем думать об интеллектуальном состоянии Церквей, которые отлучают от церкви служителей, у которых хватает порядочности информировать свою паству о том, что определила бескорыстная наука? Поскольку здесь присутствует интеллектуальная нечестность или некомпетентность, это повлечет за собой свое собственное наказание в отношении искренних людей к Церквям. Таким образом, лучшее, что мы можем сказать, это то, что нет очень веских оснований сомневаться в том, что Иисус был сыном плотника по имени Иосиф и его жены Марии. Он был не единственным ребенком, поскольку Марк представляет своих односельчан такими словами: "Разве это не плотник, сын Марии и брат Иакова, Иосифа, Иуды и Симона? И разве его сестры не здесь, с нами? Как видите, довольно хорошая семья. Христиане-эбиониты, которые были христианами Палестины и, вероятно, имели самые надежные традиции на этот счет, верили, что Иисус "был сыном Иосифа и Марии в соответствии с обычным ходом человеческого зарождения". Его родственники были лидерами христианской общины на протяжении нескольких поколений. Но нет смысла вдаваться в подробности, которые и так очевидны.

О его ранней жизни мы практически ничего не знаем. Вероятно, он не получил раввинского образования, но занимался ремеслом своего отца. Мы можем предположить, что он умел читать и писать, поскольку возможность учиться обычно предоставлялась в синагоге. Вполне вероятно, что его чтение в основном ограничивалось религиозной литературой его народа,

особенно псалмами и пророками. Его дух больше соответствовал глубокому этическому уровню этих поборников праведности и любителей справедливости, чем формальным предписаниям Закона. Если мы можем судить по общему тону преданий, он был внимательным исследователем людей и любителем природы, молчаливым, размышляющим человеком, который замечал происходящие вокруг него события. Так прошла его юность, без каких-либо явных шагов; и, возможно, без какого-либо четкого послания, сформировавшегося в его сознании. Он был просто одним из немногих неудовлетворенных, которых всегда можно найти. Время от времени, возможно, он произносил страстные слова против зла, которое было очевидным повсюду, цитировал пророков в их выступлениях против подобного зла и погружался в задумчивое молчание. Сегодня в нашей стране много таких, искренних, страстных и добрых людей, которые разрывают себе сердце, наблюдая за ходом событий.

Евреи того времени лелеяли идею о том, что будет установлено Мессиянское царство. Иисус разделял это ожидание; но несомненно, что он думал об этом не столько как о восстановлении власти еврейского государства, сколько как об изменении положения массы людей. Другими словами, он придавал этой вере более тонкий этический смысл, в большей степени соответствующий его представлению о Боге и его представлению о том, что действительно ценно и важно. Невозможно узнать все его отношение к этой популярной вере в сверхъестественное царство, которое будет установлено Богом на земле, но он, несомненно, сохранил ее основные очертания. Он был ребенком своего возраста, хотя и необыкновенно искренним и возвышенным.

Около 28 года н.э. Иоанн появился и проповедовал в пустыне. Иисус пошел послушать его из-за естественного интереса, который он вызывал. Вполне вероятно, что он был крещен Иоанном. Мы не знаем, связывал ли он себя с Джоном или нет. Во всяком случае, послание Джона сформировало его собственные идеи, и он почувствовал призвание продолжить свою миссию. Он не провозглашал себя Мессией, а просто проповедовал, что царство Божье близко и что люди должны готовиться к нему. Эта подготовка носила этический характер и в значительной степени носила аскетический характер.

В то время Палестина находилась в состоянии брожения, и его появление и проповедь вызвали большой интерес. Как и все пророки, он был призван исцелять больных и, принимая общепринятые взгляды на болезнь, он приступил к изгнанию злых духов, которые вселялись в тех, кого приводили к нему. Я не понимаю, как он мог избежать этого задания. Неизвестно, какую роль случайность сыграла в придании ему уверенности, но, вероятно, она была значительной. Нет причин сомневаться в том, что эти истории об исцелении имеют под собой фактическую основу, хотя они были сильно преувеличены более поздней традицией, когда он считался божественным. Мы всегда должны помнить, насколько запоздалыми и предвзятыми являются наши источники.

С течением времени он обретал все больше уверенности в себе. Поскольку он был человеком, его не могло не тронуть доверие людей. Он чувствовал, что необходимо провести реформы; повсюду царили бедность, болезни и несчастье. Могла ли ему не прийти в голову мысль, что, возможно, именно он откроет королевство? Эта идея постоянно возвращалась к нему, навязанная ему его собственными размышлениями, а также вопросами и предположениями его учеников. Возможно, он так и не принял решения, но ход событий вынудил его отправиться в Иерусалим, где его карьера закончилась слишком рано. Человечество никогда не узнает

подробностей его внутренней жизни; его сомнения, надежды, решения, нерешительность скрыты от нас во мраке, который никогда не будет полностью рассеян.

Его проповедь становилась все более революционной. Все больше и больше он противопоставлял себя механическому соблюдению закона и фанатичному поклонению формам и дням. Ожесточенное сопротивление консервативных представителей священства усилилось. Вскоре началась война на ножах между этим новым пророком, с его пренебрежением к закону, и его избранными представителями. Таким образом, Иисус оказался в положении, которого он, вероятно, не ожидал, приступая к своему служению. Но так бывает всегда. Мухаммед начинал как реформатор, и антагонизм хранителей Каабы привел к его агрессивной кампании; Лютер, Гус и Уиклиф меняли свое отношение и свои идеи в разные моменты своей карьеры. Жизнь ни одного человека не является разработкой фиксированного и готового плана. Во всяком случае, он решил отправиться в Иерусалим — по всей вероятности, как предполагает Пфлейдерер, для того, чтобы одержать победу над иерархией и реализовать пророческий идеал в центре религиозной жизни еврейской нации. Народ принял его с энтузиазмом, но его противники были слишком сильны и умны для него. Он боялся только тайного убийства, пока они не вынудили римские власти вмешаться.

История подходит к концу. В Гефсиманском саду Иисус почувствовал возможность трагического конца своим надеждам на скорое пришествие Царства. Реальная ситуация ясно видна сквозь все легенды, которые более поздняя эпоха соткала вокруг нее. Когда он увидел себя окруженным множеством вооруженных людей, он понял, что сопротивление было напрасным. Он был предан в руки своих врагов. Несмотря на все унижения и боль тех дней, он, кажется, надеялся, что его Бог спасет его. Только на кресте он окончательно потерял надежду. Небеса были немые, какими они всегда были и всегда будут.

Тело Иисуса, вероятно, было брошено в общую яму, предназначенную для злоумышленников, как предполагает аббат Луази, в то время как история о погребении Иосифом Аримафейским разрослась, чтобы спасти его от ужасного бесчестия такого места последнего упокоения. Остальная часть традиционного повествования, несомненно, мифична. Павел говорит о нем как о погребенном и, очевидно, думает о воскресшем Иисусе как о нетленном или духовном человеке. Павел не верил в телесное воскресение. Видения, которые привели к вере в воскресение Иисуса, носили экстатический характер. Мы должны помнить, что древние были гораздо менее критичны, чем мы, в отношении снов и иллюзий и не считали возвращение к жизни в какой-то призрачной форме чем-то очень необычным. У меня лично нет ни малейших затруднений с объяснением веры в воскресение Иисуса совершенно естественным образом. Как только эта вера возникла и стала важной частью новой религии, появление легендарных деталей было просто неизбежно.

Позиция, которую я занял, относительно консервативна. Многие ученые даже стали сомневаться в том, жил ли когда-либо такой человек, как Иисус. Мы не можем быть уверены, но кажется более правдоподобным придавать относительное значение более старым направлениям традиции в Новом Завете. То, что жил такой этический реформатор, который верил в пришествие мессианского царства, что он был поспорен со священническим сословием и был убит ими с помощью римского правителя, который опасался мятежной вспышки, что его ученики после его смерти уверовали в его воскресение и его грядущее мессианство на земле, - все это кажется мне более чем вероятным. Человеческая жизнь -

благодатная почва для трагедии. Чем больше мы избавляем повествования от их сказочного сопровождения и видим Иисуса не как бога, который предвидит свою человеческую жизнь и серьезно разыгрывает ее, как актера, знающего свою роль, а как человека, спешащего к решению проблем, о которых он поначалу и не мечтал, тем понятнее становится его карьера. Его пафос усиливается этой более правдивой перспективой, в то время как моральное величие его жизни усиливается человеческой атмосферой, которая нисходит на нее. Он прожил свою жизнь искренне, как это делали другие люди, и не мечтал о том, как его имя будет использовано в истории.

ГЛАВА VII

ЭВОЛЮЦИЯ ХРИСТИАНСТВА

Христианство возникло не в том виде, в каком мы его ассоциируем. Последователи Иисуса, после того как они убедились, что их распятый лидер воскрес из мертвых и стал духовным проводником, объединились в Иерусалиме и сформировали религиозную общину, отличительным принципом которой была вера в близкое приближение земного царства Божьего, правителем которого станет Иисус. Во имя Его могущественного имени члены общины могли творить чудеса исцеления там, где было достаточно веры. Эта форма христианства не очень сильно отличалась от иудаизма ни в чем, кроме веры в Иисуса как ожидаемого Мессию. Очевидно, что это различие не имеет существенного значения для нас сегодня, тех, кто знает происхождение и значение мессианской надежды евреев. Давайте будем откровенны с самими собой и очистим свой разум от этих мечтаний прошлого. Эти ранние христиане обманывали самих себя; их надежды не оправдались; земное царство Божье не наступило. Иисус не был Мессией по той простой причине, что такой личности не существует. Он был Мессией не больше, чем Мохаммед Ахмед был Махди — и по той же самой причине. Махди, мессии и Будды - это творения религиозного и расового воображения точно так же, как "Король Лир" - продукт поэтического воображения Уильяма Шекспира. Образованный человек современности должен классифицировать эти фигуры как чудовищные вымыслы, сила которых идет на убыль. Когда он смотрит на них прямо и спрашивает себя, какое значение они имеют для его жизни, его ответом должно быть: "Только историческое и художественное". Таким образом, мы можем сказать, что христианство в его первоначальной форме было переросшим.

Но мессианская форма христианства придала ему живость и конкретную впечатляющую, которые сделали его силой среди людей того времени. Иисус был небесным Мессией, который вернется в силе и будет править согласно праведности. С ним была связана надежда на бессмертие, и в его руке была власть над злом, которое окружало человека на пути. Надвигалось великое мировое событие; в любой момент могла протрубить последняя труба, и мертвые и живые будут преданы суду. Более того, Иисус как Христос и Господь даже сейчас действовал среди людей, его Дух был активен, направляя и ободряя тех, кто верил в него. В общине в Иерусалиме эта вера в Иисуса как Мессию была тесно связана с прошлой историей расы и не предполагала разрыва с Законом. Был проведен поиск в Ветхом Завете пророчеств, которые пролили бы свет на это, по-видимому, новое отступление, и вскоре были найдены отрывки за отрывком, которые легко поддавались желаемому истолкованию. Под руководством этих отрывков и нового мировоззрения жизнь пророка из Назарета перестраивалась до тех пор, пока не утратила большую часть своих более человеческих черт.

Такое важное изменение еврейской религии не могло остаться незамеченным. Евреи рассеяния, расширившиеся благодаря контакту с политическими, философскими и религиозными движениями Римской империи, но сохранившие искреннюю веру в традиции своих отцов, услышали о новой секте, возникшей в Палестине. Это пробудило их интерес. Иногда они испытывали симпатию, иногда - антагонизм. Сначала медленно, а затем все быстрее благодаря работе Павла они вступили в более прямой контакт с этим новым движением. К этому времени она уже стала эллинистической по своему духу и мировоззрению. Вокруг ядра жизни Иисуса и его воскресения сформировались бурлящие идеи того времени, имевшие множество форм. Палестинская община осталась позади в своем мирном консерватизме, в то время как движение, которое она положила начало, росло не по дням, а по часам и вырвалось наружу, в бурлящий океан религий и философий, простиравшийся от Индии до Галлии. Предполагать, что это могло остаться неизменным в таком сообществе, значит недооценивать ассимилятивные тенденции в общественном сознании. Греки и римляне, египтяне и сирийцы не могли мыслить как евреи. Они неизбежно интерпретировали это в терминах своих собственных идей и проблем, чтобы понять это.

Мы уже рассматривали толкование, которое Павел дал христианству. В нем, как мы видели, доминировало апокалиптическое представление о небесном, или духовном, человеке, в то время как в нем широко признавалось стремление к спасению от греха и участию в божественной жизни. Таким образом, христианство соприкоснулось с мистериальными культами и откликнулось на стремление к какой-либо гарантии бессмертия, столь широко распространенное в то время. "Но если Дух того, кто воскресил Иисуса из мертвых, обитает в вас, Тот, Кто воскресил Христа Иисуса из мертвых, оживит и ваши смертные тела Духом Своим, который обитает в вас". Нам следует сравнить этот отрывок из Послания к Римлянам с соответствующим рассуждением в Послании к Коринфянам (1, 15): "И если Христос не воскрес, то тщетна наша проповедь, тщетна и наша вера". Послание, которое он принес эллинистическому миру, было в своей основе определенным. Иисус, человек, который недавно жил в Палестине и творил чудеса, был воскрешен Богом и стал небесным человеком, гарантией бессмертия для тех, кто верит в него. Прозвучит последняя труба судного дня, и мертвые воскреснут в духовных или нетленных телах, а те, кто еще жив, будут изменены и получают эти духовные тела, поскольку плоть и кровь не могут войти в грядущее царство Божье. Это послание является естественной интерпретацией христианства ученым евреем-эллинистом.

Но это было только началом эволюции христианства. Следующий этап включает в себя его интерпретацию гностическим движением. Давайте сначала посмотрим, что представляло собой это гностическое движение, прежде чем мы попытаемся определить его прямое и косвенное влияние на христианство.

Насколько можно понять, гностицизм был религиозной философией, выросшей в восточной части Римской империи. К созданию этой теософии пошло множество нитей утонченной мифологии, пришедших из Индии, Персии, Александрии и Палестины. Это была эзотерическая доктрина, представляющая то свободное смешение традиций из всех источников, столь характерное для той эпохи. Эти традиции были переработаны путем размышлений в довольно систематический взгляд на мир, полностью связанный с мифологией, но гораздо более развитый. Гностицизм нельзя назвать философией в техническом смысле этого термина, поскольку его построения не имели критического обоснования. В той мере, в какой она использовала греческую философию, она опиралась на более живописные мифы Платона и концепцию подчиненных сил или демонов, выдвинутую стоицизмом. Однако его интерес носил не философский, а скорее теософский характер. Отношение индивидуальной души к мировым силам и способ, которым можно достичь будущего состояния счастья, привлекли ее внимание в первую очередь; а теология, которую она разработала, представляла собой декорации для этой личной драмы. Я не думаю, что это говорит слишком много, когда я утверждаю, что в гностицизме нет ничего, что современная наука и философия могли бы признать имеющим под собой веское основание. Мы можем понять, почему оно возникло, точно так же, как мы можем понять, почему возникла мифология, но это было ошибочное движение, потому что оно следовало по старому мифологическому пути объяснения. Если направление, выбранное размышлением, неверно, то самые напряженные усилия не смогут привести к истине.

Гностицизм обладал определенными принципами, которые были очень широко распространены в древней цивилизации. Плоть рассматривалась как порождение зла, которое развращает душу. Физический мир фактически был отдан во власть сил тьмы, в то время как духовным миром правил бог света и чистоты. Этот дуализм с сопутствующим ему аскетизмом можно найти в персидской религии, в Индии, в более поздней еврейской мысли, в орфических культах Греции и даже у Платона. Это вошло в христианство так же естественно, как наука в наше сегодняшнее мировоззрение. На протяжении первых лет христианской эры и в средние века этот контраст существовал и контролировал этику. Все это показывает, что христианство было сотворено не одним человеком, а расцветом религиозной мифологии.

Согласно учению гностицизма, душе грозила опасность разрушения или страшных бедствий, если она не была должным образом подготовлена к своему посмертному путешествию. Лучшим средством обеспечения безопасности было участие в жизни какого-нибудь бога-спасителя, победившего силы тьмы и зла. Очевидно, что мировоззрение гностицизма не сильно отличалось от мировоззрения христианства. Они были продуктами одной эпохи, проростками на схожей почве. Преимуществом, которым обладало христианство, была его связь с благородной личностью и этический фон, который это ему давало. Гностицизм был восточным в гораздо большей степени, чем греческим. Если бы это было связано с этическим учением классической греческой традиции, если бы возник миф о воскрешении какого-нибудь

благородного учителя, подобного Платону, чтобы контролировать фантазии восточного разума, результат не сильно отличался бы от христианства.

Было вполне естественно, что гностицизм с его верой в бога-спасителя почувствовал влечение к христианству с его подобным учением. Христианские гностики считали Иисуса божественным, как вечное существо, исторически проявившее себя в выполнении своей функции посредника. Таким образом, христианские общины были вынуждены сделать еще один шаг в обожествлении Иисуса. Для Павла он все еще был человеком, вторым или духовным Адамом, который начал новое устройство. Для ранних христиан он был избранным Богом Мессией. Теперь он стал богом, который также был сыном Божьим. Эволюция была неизбежна в интеллектуальной среде того времени. Но христианские общины, представленные их самыми ясными мыслителями, хотели избежать гностических крайностей и придерживаться исторической основы и этического монотеизма лучшей еврейской традиции. Иисус был Богом, но он также был и человеком. Таким образом, возникло учение о воплощении. Вместо того чтобы быть памятником мистического прозрения, как говорят нам теологи, это было следствием проблемы, навязанной Церковью. Другими словами, доктрина Троицы - это попытка объединить гностический политеизм и монотеизм. Единственный способ, которым трое могут стать одним, - это тайна, поэтому тайной она и стала. Это небольшая словесная гимнастика или формальное решение неразрешимой проблемы, которую под давлением событий поставили перед Церковью.

Христианство теперь находилось на пути к богословию. Войти в эллинистический мир и не быть вынужденным развивать богословие было просто невозможно. Первым плодом этого вхождения в интеллектуальный мир того времени стало Четвертое Евангелие, или так называемое Евангелие от Иоанна. Ученые начали интерпретировать это Евангелие как попытку объединить более древнюю христианскую традицию с богословскими спекуляциями того времени. В начале Евангелия прослеживается новая нота, которая сразу же отличает его от синоптических текстов. "В начале было Слово (Логос), и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Что это за Слово или Логос, с которым отождествлялся исторический Иисус? Для Филона, александрийского еврея, сыгравшего такую важную роль в богословских спекуляциях того времени, Логос был вторым Богом, отражением его славы, единокровным Сыном, действительным творцом мира, его активным действующим лицом в событиях. Не будет преувеличением утверждать, что без размышлений Филона Четвертое Евангелие не могло быть написано. И все же Филон всего лишь развивал и применял к Ветхому Завету труды стоической философии и учение Платона. Не следует ли из этого, что в Четвертом Евангелии мы имеем более теософические разделы древней философии, внешне связанные с жизнью Пророка из Назарета? При таких условиях происхождения, как мы можем начать разделять разум и откровение? Гностицизм, стоицизм, платонизм, Ветхий Завет, истории из жизни Иисуса, распространение христианства - все это объединилось, чтобы сделать возможным мистическое богословие этого Евангелия.

Но чем больше Иисус превращался в бога, тем больше он терял свои человеческие черты. Фигура Иисуса становится неуловимой и призрачной; он живет среди людей, но не принадлежит к ним. Сделать Бога человеком или человека вторым Богом было невыполнимой задачей. В конце концов, Четвертое Евангелие выполняет эту задачу настолько хорошо, насколько это вообще возможно, однако Иисус больше не галилейский крестьянин, а мистическое существо, говорящее загадками.

Это жизненно важное взаимодействие христианства и эллинистической мысли привело к исчезновению старой мессианской идеи с ее явными ограничениями. Результатом стал благородный монотеизм, в то время как конкретный, человеческий элемент, привнесенный в него историческими истоками христианства, не позволил этому монотеизму упустить из виду человеческие проблемы. Ценность христианства заключается в его этике, но сомнительно, что эта этика могла бы стать эффективной, если бы ее не поддерживали более хаотичные верования, которые мы обычно называем религиозными. Не может быть никаких сомнений в том, что какая-то религиозная система покорила бы Римскую империю; уровень образования был слишком низок, чтобы позволить лучшему типу философии доминировать в жизни массы людей. Магия и потусторонний мир были широко распространены, потому что социальная и политическая организация была неудовлетворительной, а ментальная дисциплина не была широко распространена. Короче говоря, мир все еще находился на мифологическом уровне и еще не был подготовлен к переходу на более высокий уровень. *Таким образом, успех христианства был лучшим, что могло произойти.*

Более поздние фазы эволюции христианства вынуждают нас квалифицировать эту позицию так, что его успех был лучшим, что могло произойти. Чтобы избежать опасностей, которые несла с собой свободная теософия, лидеры христианских конгрегаций почувствовали необходимость в более прочной организации. Результатом стала постепенная концентрация моральной и доктринальной власти в руках епископов. Ранняя Церковь была демократической по своему устройству, но времена еще не созрели для такой демократии, и постепенно старейшины были избраны лидерами. Эти старейшины были пастырями или епископами, то есть духовными надзирателями. Вскоре они заявили о своих правах и получили пожизненное пребывание в должности и большую власть. Каждая аналогия из Ветхого Завета и из более крупной политической организации того времени работала в их пользу. Это присвоение власти со стороны епископов хорошо представлено в письме-предупреждении, разосланном епископом Антиохийским Игнатием. "Повинуйтесь епископу как Иисусу Христу Отцу, и пресвитерам как Апостолам, но почитайте Диаконов как закон Господень.... Тот, кто чтит епископа, почитается Богом; тот, кто делает что-либо за спиной епископа, служит дьяволу". Естественным результатом этой изменившейся организации стала доктрина апостольского преемства. С этой доктриной ушла другая, вера в апостольское происхождение символов веры. Гибкий рост христианства подошел к концу. Возник ряд догм, провозглашенных Соборами епископов, и они были навязаны христианству как авторитетные. Свободным исследованиям и спекуляциям пришел конец. Появилась религия с символом веры, вещь, ранее неизвестная в истории древней мысли.

Когда возник протестантизм, он вяло апеллировал к духу свободного исследования. Протестантизм, однако, был сложным движением с решительными ограничениями в действующих мотивах и знаниях, на которых следовало основываться. Старая церковная организация, сформированная по образцу Римской империи, была отброшена, и функции священства были изменены, но интеллектуальное отношение и поддерживаемое вероучение остались практически теми же. Некоторые из наиболее радикальных ответвлений движения, такие как баптисты Северной Италии, были подавлены слишком рано, чтобы дать почувствовать их влияние. В целом, протестантизму препятствовал канон Нового Завета, который он унаследовал от более поздних этапов эволюции христианства. Он редко серьезно отступал от стадии, на которой был обожествлен Иисус. Его реформы были социальными и политическими, а не теологическими. Тенденция заключалась в том, чтобы утвердить Библию в качестве

высшего авторитета без исследования ее происхождения. Последствия такого утверждения Библии в качестве последней инстанции апелляции были определенно вредными, поскольку она противопоставляла разум и опыт предполагаемому откровению. Что касается самого протестантизма, то вследствие этого библиопоклонства в нем не было интеллектуальной жизнеспособности, необходимой для истинной эволюции. Если бы не более масштабное социальное, научное и философское развитие, возникшее в одно и то же время и основанное на разуме и опыте, протестантское восстание зашло бы в тупик. Однако есть все основания полагать, что это помогло сломить тиранию теологического взгляда на мир и освободить человеческий дух для новых начинаний. Протестантизм, только потому, что это был бунт, не смог достичь достаточного единства и силы, чтобы искоренить интеллектуальную свободу. Современный мир был слишком сложным, чтобы в нем доминировала религия. Но мы уже указали на условия, которые вызвали более высокую критику, результаты которой мы суммировали.

Мы должны откровенно спросить себя, какие черты исторического христианства соответствуют нашей современной жизни. Эллинистический мир, которому в основном обязаны догмы и ритуалы, ушел в прошлое, не существуя ни для кого, кроме ученого. Наш мир - новый, с новыми идеями, новыми проблемами и новыми возможностями. Исключает ли признание исторической преемственности признание очень радикальных изменений?

Я уверен, что от обожествления Иисуса будут отказываться шаг за шагом. Он не был рожден чудесным образом и не существовал ранее как Слово или Логос. Эти термины не вписываются в мировоззрение, в котором доминирует наука. Называть его Сыном Божиим в исключительном смысле не подтверждается фактами и не имеет какого-либо четкого значения для нынешнего века. Древним грекам, египтянам и римлянам эта идея была знакома; многие патрицианские семьи вели свое происхождение от Аполлона или Юпитера. Но такое буквальное толкование фразы для нас неприемлемо, и любое иное значение, кроме буквального, по сути, бессмысленно. Иисус был благородным и мягкосердечным человеком с верованиями своего времени. Говорить о нем как об идеально совершенном и безгрешном абсурдно только потому, что эти термины являются абсолютными, где значение имеют только родственники. Как и большинство теологических терминов, они отрываются от своей необходимой основы, которой в данном случае являются природа человека и общество.

Когда необходимая критическая работа будет проделана, что останется от величественного богословия, воспитанного Отцами Церкви, соборами и схоластами? По-видимому, это была всего лишь смягченная религия с универсалистским мировоззрением и сильной этической тенденцией. Эта мягкость и этот универсализм не были качествами, присутствующими в совершенстве с самого начала, хотя мы не можем сказать, что христианство было им враждебно. Для достижения зрелости требуется время. Я не могу не чувствовать, что такие люди, как святой Франциск, Паскаль, Боссюэ, Фенелон, Меланхтон, Уэсли, с церковной стороны, и такие люди, как Платон, Аристотель, Галилей, Ньютон, Фихте, Дарвин и Мадзини, с мирской стороны, внесли свой вклад в эту спелость. С этой точки зрения мы можем лучше всего описать современное христианство как эволюцию еврейского этического монотеизма по более нежным и человеческим линиям под влиянием многих очень благородных личностей.

Во второй половине девятнадцатого века христианство прошло через огонь критики, которая потрясла его до основания. Для тех, кто жил в то время, переход от более старой и догматичной

формы сопровождался духовной и нравственной борьбой, которая кажется нам преувеличенной. Само безразличие нынешнего века показывает, что атмосфера очистилась и что на первый план вышли новые ценности. Вскоре после этого я взял в руки некогда знаменитую книгу Хаттона *"Современные руководства английской мысли в вопросах веры"* и прочитал его анализ жизни кардинала Ньюмана и интересную критику Мэтью Арнольда. Я должен признаться, что дух времени, которому Арнольд придавал такое большое значение, сделал свое дело. Сцена смещается от религии, которая подчеркивает особую форму спасения и карьеры в другом мире, к социальным и экономическим условиям и идеалам. Нет ли чего-то байронического во многих религиозных стихах Арнольда? Не слишком ли много зрелища кровоточащего сердца в его вздохах сожаления и прощания? И все же он понимал, что старая вера умирает и что человек еще не нашел того, что могло бы занять ее место. Требуется время, чтобы внести коррективы в эти вопросы, точно так же, как только время смягчает горечь неразделенной любви или потери дорогих людей. И обычно только следующее поколение, которое смогло по-настоящему начать все с чистого листа, осваивает новый образ жизни.

Перемены - великий врач, потому что они способны привнести в ситуацию новые факторы, и они действуют со времен Арнольда. Тем не менее, в его стихах есть пророчества о другом мире, который вскоре займет место умирающего; и некоторые из нас верят, что в новой демократии, которая пробуждается к жизни по всей земле, рождается этот новый и более творческий мир:

"Миллионы людей все еще страдают и скорбят,
И что могут хелперы исцелить
С помощью лекарств старого света, в которые люди наполовину верят
, От бед, которые они полностью ощущают?

- И все же люди так нуждаются в радости!
Но радость, основания которой истинны;
И радость, которой должны пользоваться все сердца,
Как тогда, когда прошлое было новым ".

В образе Иисуса этическая и эстетическая идеализация, направляемая религиозными эмоциями, создала личность особенно привлекательного типа, вполне пригодную для того, чтобы оставаться идеалом для воспитания и усиления самых благородных тенденций. Но этот идеал стал практически самоокупаемым, если не считать его мифических строительных лесов. Его реальная основа сегодня заключается в его обращении к симпатиям, естественным для социальных существ, которые духовная эволюция человечества развила и наполнила содержанием. Когда человеку удастся применять эти симпатии рационально, социальным образом, он может принести на эту печальную старую землю некоторую долю того царства, к которому стремился Иисус. Но христианство стояло и, в целом, все еще стоит за определенные верования в отношении вселенной в целом и отношения человека к ней, которые могут прояснить только терпеливое размышление и индуктивное исследование. По самой своей природе эти верования не могут иметь исторического обоснования, хотя и имели историческое происхождение. Взяв эти верования в их простейшей форме и отделив их от всякой связи с

фигурой Иисуса и развитой этикой, стимул которой восходит к нему, они становятся принятием этического Бога, особого провидения и бессмертия. Уберите эти постулаты, и сомнительно, что теология тоже не исчезла. Нам надлежит изучить обоснованность этих постулатов в свете современной науки и философии.

ГЛАВА VIII

КОНФЛИКТ МЕЖДУ НАУКОЙ И ТЕОЛОГИЕЙ

Убеждения в том, что существует глубоко укоренившийся конфликт между религиозным взглядом на мир, характерным для прошлого, и мировоззрением, которое формировалось под руководством науки и философии, придерживается все большее число людей. Те, кто отрицает этот конфликт, считаются либо добровольными самообманом, либо откладывающими злополучный день исповеди. Было написано много книг, подробно описывающих войну между поборниками ортодоксии и лидерами авангарда науки. Преследование Галилея, сожжение Бруно, ожесточенные нападки на основателей теории органической эволюции приводятся в качестве примеров неизбежной войны. На данный момент в битве, которую так яростно вели Тиндалл и Хаксли, наступило затишье; но это затишье не означает, что мирный договор был подписан, а лишь то, что сражающиеся изменили свои позиции. Силы ортодоксии угрюмо отступили к другой линии укреплений. Объективный наблюдатель не может сомневаться в том, что интеллектуальные силы ортодоксии потерпели поражение в открытом поле и пришли в уныние из-за растущего числа, силы и упорства работников на службе науке. Престиж науки стремится сравняться, если не превзойти, престиж церкви. Следовательно, желание теолога состоит в том, чтобы избежать возобновления конфликта или же изменить способ ведения боевых действий.

И здесь я рискну высказать пророчество. Новая битва развернется вокруг психологии и философии. Уже проводится грань между защитниками неорганической души и саперами-экспериментаторами в лабораториях биологии и психологии, которые стремятся показать, что разум и тело неразделимы, что на самом деле разум - это всего лишь термин для обозначения определенных способностей контроля, осуществляемых мозгом. Решающий характер этого разрастающегося конфликта, который пока не намного выходит за рамки перестрелки, бросается в глаза, как говорят французы. Неужели даже душа не должна быть избавлена от осады, перед которой пало человеческое тело? Неужели ее нужно положить на стол для вскрытия и разделить на составляющие нити? Даже так. Процесс уже начался, и достигнуто гораздо больше, чем обычно известно. Решение проблемы взаимодействия разума и тела уже

витают в воздухе. И вместе с этим придут теоретические следствия, никоим образом не второстепенные по сравнению с теми, которые связаны с теорией эволюции. Некоторыми из этих следствий мы займемся в следующей главе.

Христианство неразрывно связано с буквой и даже духом священной книги. Естественно, что эта книга отражает взгляд на мир, которого придерживались люди около двух тысяч лет назад. В нем содержатся примитивные представления о происхождении вещей, наивное представление об отношении солнца к земле, вера в то, что демоны являются причиной болезней, убеждение, что души просто временно вселяются в тела, и апокалиптическая идея о конце света на страшном суде. Как мы видели, ни одна часть этого мировоззрения не была особенно уникальной, но оно было принято христианской церковью как богодухновенное, потому что оно было найдено в канонических писаниях, приписываемых пророкам и апостолам. В средние века этот библейский взгляд на мир был объединен с астрономическим и физическим учением Аристотеля и преобразован в систему. Этот союз между этими космологическими элементами и христианством был настолько тесным, что атака на один из них воспринималась как атака на целое. Сомневаться в примитивных представлениях о мире и месте человека в нем означало сомневаться в Библии; а сомневаться в Библии как богодухновенном сборнике информации означало сомневаться в христианстве.

Ради перспективы нам будет полезно отметить порядок, в котором эти примитивные идеи подвергались нападкам и заменялись более адекватными. Следует отметить, что сначала была реконструирована общая космологическая обстановка и что точка роста перешла оттуда к центру, природе и предназначению человека. Как мы указывали выше, замена старых взглядов новыми и более обоснованными происходит наиболее быстро в этот критический момент. Получив другие, более обширные небо и землю, человек обратил микроскоп на самого себя. Подозрение становится все более настойчивым, что он тоже является естественной частью этого процесса.

Когда во времена Возрождения зародилась современная наука, первой областью, в которую с успехом вторглись, была астрономия. Коперник пришел к убеждению, что современная теория, получившая название птолемеевской, несостоятельна, поскольку она приводила к непреодолимым сложностям в интерпретации наблюдаемых траекторий небесных тел. Это привело его к предположению, что солнце было фактическим центром системы и что земля вращалась вокруг него в течение года. Легко можно представить, какой фурор произвела такая смелая гипотеза. Теория Коперника вызывала насмешки как среди ученых, так и среди невежд, поскольку она переворачивала всю картину мира, которая была спокойно принята с древних времен, за исключением такого радикального неконформиста, как Аристарх Самосский. Чтобы оценить угрозу интеллектуальной революции, достаточно прочитать "Божественную комедию" Данте, ибо Данте путешествует с планеты на планету и думает о них как о расположенных внутри кристаллических сфер, медленно вращающихся вокруг земли. Во второй песни "Рая" он говорит о благословенных двигателях, которые заставляют вращаться святые сферы. Этими двигателями являются ангелы различных категорий, обитающие в сферах и передающие им эффективность Божественного Разума. Таким образом, зарождающейся науке пришлось бросить вызов внешнему виду вещей и системе, связанной с религиозным мировоззрением.

Очевидно, что старый геоцентрический взгляд на мир, согласно которому земля считалась центром вселенной, был не чем иным, как констатацией очевидного отношения видимых небес к обширной земле, которая простирается по обе стороны, насколько может видеть глаз. То, что этот естественный взгляд на вещи был перенесен в религиозную картину вселенной, было событием, которого следовало ожидать. Если бы этого не было и если бы священники и пророки провозгласили теорию Коперника, были бы основания подозревать скрытый источник откровения. Излишне говорить, что такого изменения естественной последовательности никогда не происходит.

Только когда мы осознаем наивное мировоззрение первых дней, мы можем осознать все значение многих христианских доктрин. Давайте возьмем статьи символа веры. Нас учат верить, что Иисус спустился в Ад, а затем вознесся на Небеса и восседает одесную Бога. Что это за Ад, в который, как предполагается, спустился Иисус? Это Шеол древних евреев, туманная область под поверхностью земли; это Аид греков, место ушедших теней; это Аверн римлян, нижние области, где порхают и бормочут призраки. Это место мертвых поначалу является могилой и с течением времени погружается все глубже в землю, и на него была направлена фантазия мифотворцев. Но буквально считается, что оно находится в недрах земли. На протяжении всего средневековья придерживались этой наивной точки зрения. Существовал абсолютный низ и подземный ад, и в каждой стране рассказывали о какой-нибудь пещере, которая была одним из его многочисленных входов. С появлением коперниканской точки зрения что происходит с этими вековыми идеями? Чтобы их сохранить, их нужно преобразовать и придать им другое местоположение или просто символическое значение. Но зачем их сохранять? Это такие же чистые мифы, как и любые другие, которые можно было найти в древности. Они являются братьями Тартара, Битвы титанов и убийства Раав. Ранние христиане верили в буквальный Ад под поверхностью земли. Их вера была ошибочной вне всяких сомнений. Мы не можем сделать это правдой, изменив до неузнаваемости.

Большинство ранних христиан воспринимали вознесение на Небеса как буквальное вознесение воскресшего тела. Однако мы видели, что Павел не учил ничему подобному. Но даже для Павла Иисус как Мессия был буквально на небесах, прямо над землей. В этой области Павел охвачен экстазом — вплоть до третьего неба. Именно из этого региона, не очень далеко над нами, прозвучит последняя труба и наступит судный день. Рассказ, приведенный в так называемом "Откровении святого Иоанна Богослова", которое привело к стольким глупым спорам среди некоторых протестантских сект, типичен для апокалиптической литературы того времени. Сегодня ни один ученый не верит, что это было написано апостолом или кем-либо, имеющим прямое отношение к апостолу. Это просто пример современных религиозных фантазий эпохи непосредственно перед и после падения Иерусалима. Какая фактическая основа может быть у таких мифов о конце света? Воспринимать эту старую картину грядущих дней как имеющую что-либо, кроме исторического интереса, - значит жить в тумане. Только ученый может понять сделанные намеки и связать идеи с верованиями этого исчезнувшего мира. Это поэзия, творение поколений мечтателей, погруженных в потрясающую идею грядущего разрушения, которому предшествуют предзнаменования и катастрофы. Мы можем понять, как это возникло в пестрой и хаотичной прессе Римской империи на Востоке с ее воспоминаниями о притеснениях, завоеваниях и смене царств; но рассматривать это серьезно как откровение о разрушении мира, которое следует принимать всерьез, невозможно. Вселенная была маленьким делом для людей того времени, а маленькая планета, которую мы называем землей и на которой живем, была центром всего сущего. Мы, которые мыслят в

терминах световых лет, туманностей, в которых может затеряться наша солнечная система, и огромных созвездий далеко в бездонной пустоте, понимаем, что мы переросли даже образы этой апокалиптической поэмы.

Религия не хотела отказываться от более простых и детских представлений о вселенной и лишать землю ее гордого превосходства как единственного подножия божества. Человек чувствует себя более одиноким в огромных пространствах и звездных системах, которые астрономия открыла его взору и разуму. Но факты, накопленные наукой в ходе ее терпеливого исследования, были слишком убедительны, чтобы их игнорировать, и религии пришлось изменить свое учение, по крайней мере, пассивно приняв новое мировоззрение, которое было бы таким странным для Иисуса и Павла. Очевидно, что это предполагает тихий отказ от истинности истории сотворения мира, а также от доктрины судного дня. Когда мы однажды осознали, что земля - это точка отсчета в физической вселенной, эти истории, сотканные в те дни, когда она считалась стабильным центром вещей, воспринимаются как переросшие мифы.

Но за астрономией последовала биология с ее гипотезой эволюции. Как только религия смирилась с большим миром, ее покой снова был нарушен учением о том, что человек является конечной точкой эволюции животной жизни, уходящей далеко в далекое прошлое. Вместо изящной маленькой сказки, которую еврейская литература передала Церкви, людей просили поверить, что прошли века медленных изменений, в то время как одна форма жизни сменилась более сложной, приспособленной к новым условиям. Вскоре факты посыпались со всех сторон, чтобы сделать эту новую позицию неприступной. Геология изучила различные слои горных пород и обнаружила ископаемые останки, которые могли быть датированы только миллионами лет назад. На свет появились странные существа, непохожие на тех, что можно встретить сейчас на земле. Рептилии чудовищных размеров, рыбы странных форм, огромные деревья, напоминающие наши папоротники, ботанические сорняки, но возвышающиеся до небес, были обнаружены до тех пор, пока воображение не уловило проблески прошлых эпох, изобилующих жизнью. Преподавание геологии было подкреплено сравнительной анатомией, которая показала сходство различных животных, которые раньше считались совершенно разными. Был исследован сам человек, и было обнаружено, что он содержит следы более древнего образа жизни. Только таким образом можно было понять некоторые атрофированные органы, такие как аппендикс. Вскоре возникла сравнительная эмбриология, и было замечено, что эмбрион проходит определенные стадии развития, которые примерно указывают на прошлую жизнь организма. Во всех отношениях исследования привели к одному и тому же выводу. Никто из знавших факты не сомневался в том, что в природе происходила эволюция, так что новые формы жизни развивались, в то время как старые исчезали. Какие факторы действовали, чтобы вызвать эти изменения, было не совсем известно. Новое мировоззрение было установлено на месте старых мифов; но детали эволюционного процесса требовали тщательной проработки путем терпеливых экспериментов и наблюдений.

Таким образом, мифическая основа христианства снова подверглась нападкам. Борьба была жестокой и ожесточенной. Христиане настолько привыкли к примитивному мифу о сотворении человека в Эдемском саду, повествуемому в Ветхом Завете, что долгое время отказывались рассматривать какую-либо другую точку зрения. Епископы и миряне осуждали Хаксли, Дарвина и их сторонников и часто прибегали к пародиям на их позицию, чтобы пробудить предрассудки в массе людей. Утверждалось, что они верили, что человек произошел от обезьяны. Но духовенство вело проигранную борьбу, как это всегда бывает, когда факты неопровержимо

противоречат старой догме. Современные образованные люди принимают ту или иную форму теории эволюции так же естественно, как они принимают автомобиль и электрический трамвай. Они не видят причин полагать, что первобытные люди, которые не изучали животный мир, знали о его происхождении больше, чем те, кто посвятил свое время тщательному и серьезному исследованию. Факты говорят сами за себя и побеждают то, что им противостоит, независимо от того, какие традиции этому способствуют.

Убежище, которое приняло христианство, - это обычное убежище, к которому прибегают религии, оказавшиеся в конфликте со взглядами, более адекватными, чем те, которых они придерживаются. Мифы либо аллегоризируются, либо отодвигаются на задний план. Аллегоризация мифа - всего лишь плод воображения, но она всегда подразумевает склонность к самообману. Пока мы рассматриваем сказки, подобные историям о сотворении мира, с точки зрения здравого исторического смысла, мы понимаем, что эти люди прошлого излагали свои собственные наивные убеждения, а не проповедовали наши собственные взгляды под видом поэтической версии. Единственный способ быть верным себе - это отказаться от любых попыток компромисса и признать, что рассказ о сотворении человека, приведенный в *"Книге Бытия"*, просто перерос.

Таким образом, шаг за шагом представления о природе и месте человека в ней, которым учит христианство, вступили в противоречие с более основательными взглядами и были вынуждены уступить. До возникновения науки человек догадывался о вещах и взывал к богам на каждом шагу. Боги, как сверхчеловеческие силы, способные на все, естественно, были введены для объяснения происхождения и таинственных событий. Такой агент казался достаточным решением любой проблемы. Как возник человек? Бог создал его. Как возникла земля? Бог создал ее. Но наука пришла к пониманию того, что агент, который отвечает на каждый вопрос таким непринужденным образом, на самом деле не отвечает ни на один из них. Это словесный ответ, который не дает нам никакой конкретной информации. Исследования постепенно показывают, как возникли люди и как земля когда-то была частью большего целого, от которого она отделилась.

Единственная обоснованная позиция, которую можно занять в свете такого отступления от библейского взгляда на мир, - это принять очевидный вывод о том, что те, кто написал различные книги Библии, изложили верования своего времени. Некоторые нерешительные новообращенные, пришедшие к такому выводу, пытаются смягчить вину за признание, говоря, что Библия не учит науке. Давайте скажем откровенно, что Библия учит знаниям древности, их науке, но это совсем не согласуется с тем, что мы узнали в результате реального исследования.

В то время как примитивный взгляд на мир обладал силой, которая пришла к нему от искренней веры христиан, он доблестно боролся с новым знанием. К сожалению, христиане по своему воспитанию были догматиками и стремились заглушить нарастающий шепот сомнений преследованиями, а не откровенным обращением к фактам и разуму. Из-за такого отношения сложилась традиция антагонизма между наукой и религией, на которую так часто ссылаются. Примитивный взгляд на мир, вплетенный в историческое христианство, потому что пронизан Библией, был беспомощен перед лицом этого могущественного врага, который питался интеллектуальной зрелостью человека. Его приверженцы были шокированы отрицанием верований, которые казались им связанными с самыми священными и важными фактами. Что может быть естественнее, чем призыв к силе подавить такие нечестивые предположения!

История не из приятных, но ее следует рассматривать как неожиданную. Христианство использовало свою силу, но потерпело поражение. Борьба, по сути, окончена; примитивный взгляд на мир исчез навсегда, и христианство бьется в муках, пытаясь освободиться от него, подобно пловцу, пытающемуся вырваться из объятий тупа, который тянет его ко дну.

Но это не первый случай, когда христианство было вынуждено отказаться от веры, которая не соответствовала бы фактам более широкого опыта. Мы видели, что ранние христиане верили в пришествие царства Божьего на землю в свое время и в своем поколении. Церковь со временем отказалась от этой надежды, и она не оправдалась. Дата великих перемен была просто отложена на неопределенный срок. Но проблему, вызванную развитием современной науки, решить было не так-то просто. Конфликт был суровым, и только после того, как христианство посмотрело ей в лицо, оно попыталось приспособиться к новому взгляду на мир.

Если бы такая адаптация была возможна просто путем отказа от мифических элементов Библии и традиционной теологии, не может быть никаких сомнений в том, что она была бы достигнута. Многие протестантские деноминации практически зашли так далеко. Есть основания полагать, что рано или поздно доктрина непорочного зачатия с ее слишком очевидной зависимостью от классической мифологии и очевидным нарушением биологических фактов будет отвергнута, и Иисус будет признан рожденным таким же, как все люди. Мы, современные люди, не видим ничего постыдного в таких биологических фактах. Поскольку историческая критика и биология указывают в одном направлении, вряд ли можно сомневаться в результате. Христианство, пусть и неохотно, должно уступить знанию.

Даже после того, как христианство сбросило свою мифическую оболочку и смирилось с менее драматичным и живописным описанием начала и конца вещей, которому учит современная наука, оно не чувствует себя в безопасности. Борьба перешла только от внешних проявлений религии к самой ее цитадели. Уступить несущественное, которое было оболочкой его ранней зрелости, этому суровому искателю знаний в надежде на мирный договор приведет только к разочарованию. Из-за ее поклонения книге христианство придавало слишком большое значение верованиям, которые были просто обречены на уничтожение. Следовательно, она не имеет права рассматривать свой отказ от этих верований как акт великой заслуги. Это просто предварительный шаг к основному конфликту между наукой и религией. Вопрос, который стоит перед человеческим разумом в настоящее время, касается проблемы гармонии или дисгармонии взглядов на мир, существенно связанных соответственно с религией и наукой. Перед этой фундаментальной проблемой мелкие конфликты, которым уделялось так много внимания, отступают на второй план. Эта проблема связана с характером действующих во вселенной сил. Может ли наука признать реальность особого провидения, действующего в мире? Давайте посмотрим, к каким проблемам приводит эта проблема.

ГЛАВА IX

ПРЕДЕЛЫ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

Религия родилась из потребности, связанной с невежеством. Но потребности меняются, и иллюзии исчезают, заменяясь знанием. То, что религия отражает эти факторы, функцией которых она является, не подлежит сомнению. Некоторые мыслители, искренне размышлявшие над проблемой, заявляют, что религия будет только трансформироваться. Другие, столь же серьезные, утверждают, что она исчезнет, и говорят о нерелигиозности будущего. Разве вопрос в значительной степени не сводится к определению? Вряд ли можно сомневаться в том, что человек продолжит этически развиваться, но можно с полным правом сомневаться в том, что он будет продолжать стремиться удовлетворять свои потребности с помощью ритуалов, призванных заручиться поддержкой сверхчеловеческих агентов. Разве в этом широко распространенном высказывании нет ничего, кроме нотки скептицизма: "Бог помогает тем, кто помогает себе сам"? Человек уже начинает классифицировать свои потребности и верить, что его материальные потребности, по крайней мере, лучше всего могут быть удовлетворены трудолюбием и знаниями. Он меньше просит и больше работает. Давайте не будем забывать, какие огромные экономические и социальные изменения произошли со времен маленьких, беспомощных общин, которые возносили молящие руки к своим богам, чтобы голод и война не уничтожили их полностью. Сегодня человек наносит больше вреда человеку, чем природе. Лицо вещей изменилось более радикально, чем мы привыкли осознавать. Социальные привычки и верования не могут не отражать это изменение. Очень может быть, что мы будем вынуждены заключить, что то, что было в некотором смысле побочными продуктами религии, стало всем, что обещает выжить, когда человек действительно вкусит от плода с дерева познания.

Мы видели, что первобытный человек воспринимал окружающее в свете своего собственного сознания. Повсюду он видел свидетельства воли и гнева, вождения и каприза. Мир был театром личностных агентов, не так уж непохожих на него самого. Технически, мы должны говорить об этом мировоззрении как об антропоморфном анимизме. Возможно, существовала еще более низкая стадия, на которой вещи полны *маны* или таинственной силы для добра и зла. Когда человек почувствовал свое собственное бессилие среди огромных и часто враждебных сил, которые превосходили его собственные скудные силы, он почувствовал желание вступить в союз с этими силами и умиловить их, чтобы все у него было хорошо. Человек все больше убеждался в том, что его собственная жизнь связана с планами богов. Вызвать их неудовольствие означало навлечь на себя самую серьезную опасность. Гнев Юпитера, или Нептуна, или Ассура, или Яхве нелегко было отвести в сторону, как только он разгорался. Ветры, которые угрожают кораблекрушением, дожди, которые усиливаются, засуха, которая иссушает землю, чума, несущая смерть, находятся под контролем богов; и человеку подобает ходить осторожно, чтобы не оскорбить их. Так был проложен путь, по которому человеку предстояло идти до тех пор, пока он не достигнет этического монотеизма.

С течением времени демоны и боги уступили, по крайней мере теоретически, верховной власти одного могущественного божества, которое собрало в себе силы и деятельность древнего множества агентов, которым человек поклонялся и умиротворял. Вполне вероятно, что это

движение к сознательно исповедуемому монотеизму отражало изменение политической организации общества. Старый хаос сверхчеловеческих агентов, каждый из которых делал то, что было правильным в его собственных глазах, уступил место растущему небесному порядку, в котором один могущественный агент осуществлял свой сюзеренитет над второстепенными княжествами. И все же монотеизм всегда был относительным, ибо у единого бога есть свои агенты низшего ранга — агенты, силы и ходатаи — точно так же, как у самого абсолютного монарха есть свои министры. Политическое воображение не может выйти за пределы своего источника.

Христианство обычно рассматривается как лучший тип монотеизма; однако ранние Отцы Церкви думали о старых богах как о демонах, исполняющих свою гнусную волю по отношению к человеку. Общеизвестно, что многие святые календаря являются всего лишь переkreщенными языческими божествами, принятыми Церковью для удовлетворения народных требований. Крестьянебы поверили в действие местных божеств, чья репутация была велика в исцелении болезней, или даровании детей бездетным, или вызывании дождя в засушливые периоды; и Церковь достаточно мудро контролировала и принимала то, чему не могла помешать. Старый плюрализм агентств более чем формально отказывался уступить место одному агенту. Психология этого сопротивления достаточно проста. Точно так же, как король не может уделить свое личное внимание просьбам всех своих подданных, но должен делегировать полномочия должностным лицам следить за деталями, так и единое божество не может прислушиваться к непрекращающимся крикам своих мириад созданий. Я не могу отделаться от ощущения, что благочестивый католик обладает большим психологическим реализмом в этих вопросах, чем протестантский сектант, который утомляет свое божество всевозможными пустяками. Несомненно, миллион прошений одновременно отвлекли бы любое мыслимое личное божество!

Но в настоящей главе нас интересует не столько проблема количества и взаимоотношений сверхчеловеческих агентов, действующих во вселенной, сколько сама идея личной свободы действий. Момент, на который я хотел бы обратить внимание, заключается в том, что переход от политеизма к монотеизму не повлек за собой какой-либо существенной модификации общепринятых представлений о свободе воли. Природа — и человеческая жизнь вместе с ней — считалась находящейся под контролем сверхличностного агента, который направлял ход событий в соответствии со своими целями. Результатом стало этическое усовершенствование идеи божества, которое подняло ее намного выше грубости так называемых природных религий. Не произошло ли это потому, что человек и человеческое общество эволюционировали этически и социально? Но никакого заметного прорыва в изложении идеи не произошло. И этот факт ставит мыслителя перед проблемой.

По своему происхождению религия изначально враждебна распространению безличной причинности на космос по очевидной причине, что такая концепция противоречит действию особой силы. Религия начинается с постулирования могущественных агентов, которых человек может умиротворить. До настоящего времени эволюция религии не включала в себя отказ от этого основного предположения, а только его этическое усовершенствование и сокращение числа агентов. По крайней мере, в западном мире религия и идея этического контроля над ходом природы были неразделимы. Эта последняя идея лежит в основе молитвы о материальных благословениях, чудесах и различных концепциях провидения. Можно ли взять это первичное допущение из религии, не разрушая его?

Трудности, с которыми сталкивается это предположение для образованного человека наших дней, не должны закрывать нам глаза на его естественность в прошлом. Но именно это и нужно понять. Примитивный взгляд на мир не столько опровергается, сколько перерастает его. Медленно и мучительно человек усвоил, что события обусловлены предпосылками негибкого характера, и что его желания должны заставить руки и ноги работать на них, прежде чем они смогут повлиять на ход событий. Он улучшил свое положение благодаря изобретениям, открытиям и социальной организации. Конечно, мир мог бы быть другим, и моральные категории могли бы быть подходящими для применения к природе; но грубый факт заключается в том, что наша конкретная вселенная не относится к такому типу.

После того, как было дано представление о сверхчеловеческих агентах социального характера, последующее развитие религии неизбежно. Человек принимает к ним то же отношение, что и к своим собственным правителям. Молиться богам так же естественно, как молиться тем, кто обладает властью и кого, как мы надеемся, могут тронуть наши молитвы. Психологически нет никакой разницы в соответствующем отношении. Провидение - это просто действие агента, который больше, чем человек. Для первобытного человека это не подразумевало вмешательства в природу по той очень веской причине, что боги были активны в природе. Природа была сферой деятельности богов точно так же, как она была, в меньшей степени, сферой деятельности людей. Мы должны избавиться от современной концепции, подпитываемой наукой, о природе как сфере причинно-следственных связей. Веками у человека не было такой концепции; любая деятельность мыслилась как поступки. Природа, человек и боги действовали вместе, образуя своего рода социальное целое. Закон, как мы понимаем этот термин в науке, не имел бы значения для первобытного человека точно так же, как он имеет мало значения для многих в наши дни.

Очень интересно изучать развитие идеи провидения. Это означает предусмотрительность и осторожность, которые делают предусмотрительность достойной похвалы. Чем больше богам придавался характер и они отождествлялись с жизнью сообщества, тем больше о них думали как о хранителях, заботящихся о благе своего народа. Как сверхлюди, они были одарены знанием грядущих событий и планами относительно благополучия и счастья своих почитателей. Социальные отношения богов неизбежно привели их к преобразующему соприкосновению с этическим прогрессом человечества. Они стали идеалами, отражающими самое высокое, что только мог вообразить человек.

В христианстве мы имеем наиболее поразительный пример этой этической трансформации единого божества, которое является сверхчеловеческим агентом *по преимуществу*. Он - отец, добрый и любящий, милосердный и щедрый, который заботится о благополучии своих детей и планирует их индивидуальную жизнь и развитие цивилизации. Эволюция Бога с этической стороны достигла своей высшей точки. С философской стороны эта эволюция была практически предрешена. Только потому, что Бог был задуман социально, он не мог избежать этой цели. Осия и Иисус пошли в направлении, которого не могли не принять этические идеалисты.

Давайте рассмотрим последствия этого предположения о всемогущем, всеведущем и этически совершенном деятеле, действующем в природе и в истории человечества. Просто выводя следствия из этой концепции, мы обнаруживаем, что она включает в себя план для мира. В теологии такой план называется Божьим провидением. Для того, кто принимает это предположение, единственная разумная позиция, которую можно занять, - это подчинение ходу событий как проявлениям Божьей воли и мудрости. Сердцем религии, таким образом, становится радостное принятие доли жизни через волевое единение с целями этого совершенного существа. Самые религиозные души в истории пришли к этому выводу и осуществляли его в своей жизни. Таким образом, они ощущают экзальтацию, подобную той, которую испытывает патриот, когда он безоговорочно разделяет надежды и планы своей страны в какой-то кризисный момент. Более того, у них есть то преимущество, что разочарование невозможно, поскольку они никогда не могут знать ни действительных планов Бога, ни времени, когда они должны исполниться. Если они предвкушают какое-то событие, которое разжигает их энтузиазм, и сосредоточивают свое сердце на нем, а оно не сбывается, они могут смягчить свое разочарование воспоминанием о том, что пути Божьи неисповедимы и что у него есть целая вечность для работы. Исходя из самой природы гипотезы, ход истории никогда не сможет опровергнуть эту точку зрения, которая является логическим конечным термином идеи бога. Эта невозможность проверки делает ее, однако, ненаучной. Из этого ничего нельзя вывести. Как гипотеза, она всегда должна оставаться бесплодной. Когда мы перейдем к рассмотрению проблемы добра и зла, мы увидим и другие трудности, с которыми ей приходится сталкиваться.

Но идея великого плана, от которого Бога нельзя отвести заступничеством и мольбами, далека от представлений об обычном уровне религии. Это порождение рефлексивной мысли, и оно не находит готового отклика в умах людей в целом. Для них не существует такого понятия, как полная детерминация хода событий. Бог - могущественный посредник, который способен осуществить то, что он желает, но он не всегда вмешивается в конкретные случаи, если его не попросят. Именно эта ситуация, в которой Бог является лишь одной из действующих в природе сил, создает предпосылки для идеи особого провидения и ответа на молитву. Разве не очевидно, что в этих верованиях мы имеем выражение личной воли, идею, неразрывно связанную с мифологией?

Есть много примеров обращения к особому провидению, которые пробуждают любопытство современного человека. В случаях тяжелой болезни в церквях и домах возносятся молитвы о восстановлении здоровья. Если Бог является личным агентом, на которого влияют желания его верующих, этот поступок совершенно логичен. И все же природа болезни сейчас настолько хорошо известна, что мы видим в ней причинно-следственную связь определенного рода. Знание о безличной силе воли подрывает веру в сверхчеловеческую силу воли. Возможно, тот факт, что такие молитвы никогда не останавливали эпидемию, в то время как активные меры научного характера делали это, имел какое-то отношение к чисто формальному и традиционному характеру таких молитв среди цивилизованных людей. Еще один пример, вызвавший множество циничных комментариев, - это обращение к Богу с просьбой принести народу победу во время войны. Оба воюющих молятся одному и тому же божеству примерно с одинаковым рвением и в то же время как можно тщательнее готовятся к настоящей войне. Религиозные церемонии, по-видимому, играют роль эмоционального сопровождения более мрачных событий на поле битвы. Для солдата Бог олицетворяет элемент случайности; в остальном главная заповедь - держать порох сухим.

Когда мы вступаем в область науки, мы сразу же понимаем, что существует иная концепция свободы действий. Вселенная рассматривается как замкнутая система причинно-следственных связей, которые проистекают из природы ее частей. Это систематический и самодостаточный мир, деятельность которого может быть объяснена открытием законов, которые действуют постоянно и которые вырастают из стабильных свойств самой природы. В результате тщательного изучения различных аспектов природы наука пришла к выводу, что большая часть мира безжизненна и что его части реагируют привычными или механическими способами, которые неизменны. Планеты вращаются вокруг Солнца в соответствии с действием сил притяжения, которые из года в год действуют в одном и том же направлении и приводят к одному и тому же математически описываемому результату. С помощью измерений и вычислений небесная механика смогла предсказать затмения на столетия вперед и проверить исторические записи относительно тех, которые произошли тысячи лет назад. Были рассчитаны траектории движения комет и предсказано их возвращение в солнечную систему. Таким образом, было замечено, что массовые движения Вселенной являются механическими по своей природе и выражают исключительно энергии и конфигурации, распределенные по всем ее частям. Происходящие события неизбежны и возникают благодаря безличному действию пространственно существующих вещей. Как резко контрастирует этот взгляд на природу с интерпретацией, которую сделал для себя первобытный человек, когда он читал свои собственные эмоции и желания в окружающих его вещах. Капризам и прихотям нет места в этом регулярном шествии небес.

Безличностная воля победила не только в представлении человека о более широких отношениях тел друг к другу, но и в его представлении о тех событиях, таких как болезнь и смерть, которые случаются ближе к дому. Хотя действующие агентства нельзя считать механическими, все же они считаются естественными и регулярными в своей работе. Характеристика личной инициативы, к которой апеллирует религия, заключается в том, что она пренебрегает пространством; она действует здесь и там по своей собственной воле и перепрыгивает промежуточные расстояния, как будто они не имеют реальности. Именно потому, что оно беспространственно, оно сверхъестественно. Его нельзя локализовать и привести в определенные отношения с другими вещами во Вселенной. Чем больше мы представляем вселенную как пространственную, самодостаточную систему вещей и процессов, тем больше она исключает присутствие агента, который вмешивается в нее, но на самом деле не является ее частью. До тех пор, пока события можно объяснить как следствия естественного хода вещей в природе, предположение о сверхъестественном действии немотивировано.

Таким образом, конфликт между наукой и религией вышел за рамки стадии, когда примитивное и детское представление о масштабах и происхождении видимого мира боролось с более рациональным и обоснованным мировоззрением. Ни один образованный человек в наши дни не стал бы всерьез защищать космические теории древних времен. Просто абсурдно отрицать, что мы переросли их раз и навсегда. Но эта первая победа науки заключалась лишь в захвате самых слабых форпостов религиозного мировоззрения. Сердцем традиционной религии, по-видимому, является вера в личную, сверхчеловеческую силу, действующую в природе или, скорее, над природой. Однако даже религиозный разум признает, что исследования показали, что в природе существует рутинный аспект, который покрывает обычный ход событий. Таким образом, последняя суть проблемы сводится к тому, есть ли веские основания полагать, что происходят необычные события, которые не могут быть объяснены естественными условиями. Победоносная карьера науки, несомненно, бросила тень подозрения на возникновение

событий, которые нельзя объяснить с помощью регулярных изменений в природе. Обращение к сверхчеловеческой, личной волеизъявления для объяснения таких событий предполагает их возникновение, в то время как вера в их возникновение психологически основана на принятии такой сверхъестественной силы. Следовательно, вполне вероятно, что оба убеждения рухнут вместе. В то же время они оказывают друг другу взаимную поддержку. Тот, кто верит в сверхъестественную силу, с большей вероятностью будет легковерен в отношении свидетельств, выдвигаемых в ее пользу.

Природа сначала рассматривалась как сфера, в которой правит личная воля. Яхве прогремел с Сина и пронесся сквозь бурю. Аполлон управлял солнечными конями. Боги творили вещи в природе напрямую, во многом так же, как это делает человек, только они способны делать то, что не под силу человеку. Своей волей и словом приказа они заставляют дрожать горы и сотрясаться холмы. Но постепенно человек пришел к пониманию природы как самодостаточного царства, части которого влияют друг на друга. Возникновением этого взгляда мы обязаны грекам. Они с самого начала выработали подход к событиям, который был абсолютно противоположен более древнему мировоззрению. По мере того как природа становилась для человека все более и более самодостаточной и способной объяснить происходящее в ней, становилось все меньше необходимости обращаться к агенту старого мифического типа.

Религия по праву антропоморфна, как и этика. Благополучие и судьба человека должным образом и неизбежно являются важными вопросами для человека, и он, естественно, подходил к миру с учетом этих проблем. Он использовал личные и социальные категории в своих смутных размышлениях об окружающей среде. Открытие, что природа устроена иначе, было сделано медленно и только после того, как сравнительная цивилизация принесла досуг и безопасность. Даже сегодня интеллектуальная сдержанность, которой требует применение безличных и неморальных концепций к природе, неприятна большинству. Но эта сдержанность будет становиться все меньше и меньше по мере того, как человек с детства знакомится с миром закона и порядка, к которому он может приспособиться с изрядной долей успеха. Его взор оторвется от далеких горизонтов и обратится к окружающему миру, и он не будет мечтать о трансцендентном царстве, для которого земные вещи являются лишь видимостью и завесой. Он будет стремиться к своему благополучию и найдет свою судьбу среди своих собратьев в течение обычного времени, отведенного его виду. Объединившись с ними, он станет активным и целеустремленным тружеником ради четырех великих благословений, которые, как он считает, находятся в пределах его досягаемости: здоровья, знаний, добра и красоты. Многие добродетели и идеалы, которые религия защищала и поощряла, окажутся как дома в этом доблестном и разумном мире, но религия прошлого должна избавиться от многих вещей, прежде чем она почувствует гармонию со своим новым окружением. Сохранится ли достаточная идентичность, чтобы сделать термин по-прежнему значимым? Честно говоря, очень трудно сказать — невозможно сказать с уверенностью.

Каковы же тогда пределы личной свободы действий? Пределы, установленные для воплощенного разума, которым обладают организмы. Способность перенаправлять и распределять окружающие их энергии в соответствии с законами, которые раскрывает изучение, способность строить жилища для укрытия и украшения, способность использовать лекарства для исцеления, способность осушать болота, рыть каналы, опоясывать землю железными дорогами, способность воспринимать прекрасные вещи и переводить эти

концепции в чувственную форму, все эти способности принадлежат им. Такая сила действует в природе как высокоодаренная часть целого, которой она не чужда. Но опыт не дает нам и намека на трансцендентного агента, для которого земля - скамеечка для ног и который вращает звезды и планеты в космосе по назначенным орбитам.

ГЛАВА X

СЛУЧАЮТСЯ ЛИ ЧУДЕСА?

Случаются ли чудеса? Этот вопрос мне часто задают молодые люди, которые пытаются совместить религиозную традицию с современным мышлением и найти дисгармонию. Церковный авторитет призывает их принять чудеса, в то время как принципы и выводы науки столь же очевидно выступают против любой подобной веры. Многие останавливаются на полпути между этими двумя мнениями и плывут по течению жизни, так и не сумев прийти к какому-либо решению. В моменты мистицизма, когда религиозный взгляд на мир прошлого с его престижем изэмоциональной привлекательностью берет верх, они убеждены, что все возможно. Они теряют из виду природу с ее огромным постоянством и возвращаются к чувству личной свободы действий, столь естественному для человека. Когда они слушают поэзию знакомого отрывка, читаемого священником, в них пробуждаются воспоминания и смутные надежды, ибо они сами не знают, что побуждает их к беспокойной жизни. Все окружение и аккомпанемент усиливают эти внушения, поскольку именно в этом заключается преобразованная цель современных ритуалов. Музыка пульсирует в их ушах, то жалобная и низкая, то перерастающая в торжествующие раскаты. Воздух наполнен благовониями, и огни тускло горят. Тогда внутри них создается новый психологический мир. Некогда твердая земля с ее слепой движущей силой становится прозрачной и вызывает презрение. Царствует Господь, для Которого все возможно. В его власти созидать или разрушать, связывать или ослаблять, увядать или восстанавливать целостность.

Возможно, на следующий день в лаборатории те же самые люди наблюдают за циркуляцией крови в тонкой мембране лягушачьей лапки, или измеряют преобразование энергии в ходе химической реакции, или исследуют нервную ткань человеческого мозга, и формируется совершенно другое мировоззрение. Они видят мир гармоничных движений, гигантских сил, тонких приспособлений, медленного рождения и быстрого распада. В них растет чувство закона, ощущение факта, ощущение природы. На данный момент они являются сознательными зрителями огромной реальности, от которой бессмысленно отказываться. Сложность и автономия природы отодвигают все мысли о сверхличностной активности на задний план.

Таким образом, маятник качается взад и вперед от сверхъестественного к натурализму. Они верят и все же не верят. Какой ответ нужно дать этим обеспокоенным умам?

Теперь вопрос "Случаются ли чудеса?" предполагает единственное, недвусмысленное значение термина "чудо". Однако для закрепления такого единственного значения требуется усилие. Для сторонника чудес так заманчиво сделать оговорку, когда аргумент идет против него, сказать, что он имел в виду не действие сверхъестественного агента, а всего лишь экстраординарное событие, нечто чудесное, объяснить которое нелегко. Мы займемся прежде всего тем, что можно назвать теологическим чудом, событием, уверенно приписываемым воле божественного посредника. Однако попутно мы обсудим логическое отношение к чудесам, которые нелегко вписать в обычную схему событий.

Чтобы понять идеи и настроения, связанные с нашим термином, мы должны вернуться в прошлое. К настоящему времени мы достаточно знакомы с установками религиозного взгляда на вселенную, чтобы знать, что боги сначала были силами в природе и лишь постепенно стали духовными агентами *вне* природы. Мы не можем слишком часто вспоминать, что у человека не было инстинктивного знания о том, какие энергии действуют в мире и каковы условия их действия. Он населил леса, поля и небо невидимыми агентами, которые могли делать почти все, что хотели, и им ничто не мешало на расстоянии. Мы можем сказать это так: человек не имел представления о пространственном процессе, но думал обо всех событиях как об актах воли. Боги обладали *маной*, или силой, точно такой же, как у шамана, только большей. А чудеса на протяжении веков были всего лишь экстраординарными событиями, происходящими благодаря силе богов или других могущественных существ. Пока этот примитивный взгляд на вещи был распространен, чудеса были лишь особо значимыми событиями, назначенными по воле богов. Это были события, которые прозрачно раскрывали их гнев, или благосклонность, или цели. В них не было ничего нелогичного или озадачивающего.

Силы, которые так решительно противодействуют принятию чудес, - это как раз те силы, которые враждебны примитивному взгляду на мир. Если природа является самодостаточной пространственной системой, полный механизм изменений должен быть открыт для изучения. Даже человеческая воля должна быть связана с человеческими телами и демонстрировать, что она действует в соответствии с психологическими и физиологическими законами. Вместо таких расплывчатых терминов, как *мана*, у нас есть химические и электрические свойства, бактериальная инфекция, гипноз. Магия и чудо тесно связаны; и замена магии наукой заставила чудеса защищаться. Природа стала царством повторяющихся процессов. Исключительное, единственное, могло быть отнесено к старому типу деятельности. Таким образом, контраст проявился более отчетливо, поскольку религиозный взгляд на мир оказался противоположным упорядоченной концепции естественного процесса. Божественная воля, с одной стороны; единообразные процессы - с другой.

Этимологически чудо - это нечто, вызывающее удивление из-за своей странности. В прежние времена все необычные события, естественно, классифицировались как чудеса, то есть как события, вызывающие удивление. Конечно, в природе существовал рутинный аспект. Люди ожидали, что солнце взойдет утром и непоколебимо пройдет по небу; они ожидали возвращения времен года и устраивали фестивали, чтобы отпраздновать это; они ожидали нормального потомства от своих животных. Таким образом, рутинный аспект вещей был

довольно заметен, и они руководствовались им. Но в те дни все было менее устоявшимся, чем в нашем хорошо организованном обществе. Люди были как бы более нервными, более окруженными слухами, более доверчивыми. И психологическая, и социальная ситуация благоприятствовали рассказам о чудесных событиях. Я не могу отделаться от ощущения, что религиозные обычаи, постоянное обращение к богам за милостями и предзнаменованиями были как следствиями, так и причинами этого чувства чудесного, которое мы находим столь широко распространенным в прошлом. Иногда рождались чудовища; иногда ветер дул в одном направлении необычайно долго; иногда солнце темнело в полдень. Постоянно ходили истории о чудесных исцелениях, приписываемых богам или магам. Легковерие просыпалось при малейшем поощрении. Священники, пророки, маги, короли, боги - все считались авторами исцелений. Только обычный человек был неспособен совершать эти удивительные вещи. Идея о том, что прикосновение короля обладает удивительной целительной силой, просуществовала до девятнадцатого века.

Мы уже не раз указывали, что лучший способ объяснить идею - это объяснить, как она возникла. Добавьте к этому четкое утверждение о том, как старая точка зрения противоречит новому мировоззрению, рожденному на основе проверенных знаний, и опровержение будет настолько полным, насколько это возможно. Давайте применим этот метод к историям, рассказанным об Иисусе в Новом Завете. Считалось, что Иисус обладал даром экзорциста. В том, что Иисус, если он действительно жил, верил в демонов, сомневаться не приходится. У Марка толпа восклицает: "Властно он повелевает даже нечистым духам, и они повинуются ему". Опять же, книжники из Иерусалима говорят: "У него есть Веельзевул. Князем бесовским он изгоняет бесов". Куда бы ни шел Иисус, толпы больных людей стекались к нему, чтобы получить исцеление от своих различных недугов. Но они, несомненно, делали то же самое с каждым пророком или знахарем, которые появлялись рядом. Человек не мог бы быть пророком, если бы он не обладал *особой маной*, или силой, ни сам по себе, ни как представитель своего божества. И мы не должны думать об этих целителях как о шарлатанах или самозванцах. Все верили, что болезнь - это дело религии. Почему? Потому что они ничего не знали о токсинах, бактериях и амебной инфекции. Демоническая теория болезни была повсеместно доминирующей, возможно, за пределами определенных кругов в Греции. "Не подлежит сомнению, - пишет Ф. К. Конигер, - что Иисус считал лихорадку, эпилепсию, безумие, глухоту, слепоту, ревматизм и все другие слабости, наследственные плоти, явной работой злых духов. Штормовой ветер, приведший в неистовство море или внутреннее озеро, в равной степени является злым духом в евангельской истории. В ведических поэмах то же самое; и, действительно, здесь мы имеем дело с общим местом для всего фольклора".

Истории, рассказанные об Иисусе в синоптических Евангелиях, могут найти параллели в литературе того времени по всему римскому миру. Использование слюны в качестве универсального средства было универсальным. В своем эссе о чудесах Юм привлек внимание к истории, рассказанной Тацитом об императоре Веспасиане. Веспасиан был немного осторожнее Иисуса, поскольку он заставил врачей осмотреть глаза слепого просителя, прежде чем тот применил свое прикосновение и слюну в качестве целебных средств. Но, в таком случае, Иисус не мог быть так осторожен в таких вещах, как император.

Когда мы однажды ясно осознаем эмоциональную атмосферу того времени и полное отсутствие у нас такого интеллектуального образования, мы не удивляемся ни записанным деяниям

Иисуса, ни мифам, которые выросли вокруг его фигуры. Отсутствие чудес в Новом Завете было бы гораздо более удивительным, чем их наличие.

Чудеса, приписываемые Иисусу, бывают двух основных видов: изгнание демонов как средство исцеления от болезней и аллегорическое исполнение предполагаемых ветхозаветных пророчеств. Первый вид был достаточно изучен. Второго можно коснуться лишь вкратце. Одним из основных вкладов высшей критики было указание на то, насколько большая часть жизни Иисуса построена вокруг отрывков из Септуагинты или греческой версии Ветхого Завета.

Я не думаю, что захожу слишком далеко, утверждая, что присутствие этих рассказов в священной литературе христианства принесло неисчислимый вред. Они дали санкцию всем видам суеверных верований и помогли перенести в наши дни мировоззрение, которое в противном случае было бы гораздо быстрее отвергнуто. Если бы не чудеса, описанные в Евангелиях, не было бы проблемы чудес для обсуждения. Сама идея была бы переросшей и умерла бы естественной смертью. И в долгосрочной перспективе именно это и должно произойти. По мере формирования более здорового взгляда на Иисуса и лучшего понимания мировоззрения того времени, в которое он жил, записанные чудеса будут объясняться не как реальные события, а как действительные верования.

В этой связи заслуживает изучения еще один период. Изучая литературу средневековья, приходишь к убеждению, что чудеса составляли основной эмоциональный рацион людей. Они играли ту роль, которую сейчас играют романы и детективные рассказы. Человек от природы драматичен в своем восприятии жизни, а что может быть более захватывающим, чем чудо? Констанс, героиню *повести* "Человек в законе" Чосера, в самом опасном положении спасает от смерти та Невидимая Рука, которая расстраивает заговоры нечестивых. Скептицизм и реализм постепенно становятся привычками ума. Первичный импульс - верить. И когда религиозные мотивы и традиции усиливают влияние этого импульса, ему трудно противостоять. Когда ученые богословы провозглашают принцип: "Я верю, потому что это абсурдно", не стоит удивляться тому, что масса людей верит, потому что они не видят, что это абсурдно. Веками мир был чем-то вроде зыбучих песков, и потребовалось гораздо больше мужества, чистых интеллектуальных способностей и моральной отваги, чем когда-либо может себе представить масса людей, чтобы проложить дамбы в неизвестное и спасти его ради империи непоколебимого закона.

Но мы должны перейти от исторического изучения чудес к систематическому, или философскому, аспекту вопроса. Философия чудес распадается на две части: законючевидности и доказывания и природа причины. Первую часть можно назвать логической; вторую - метафизической.

Теологические чудеса включают в себя два элемента: факт и теорию. Только после того, как факт будет достаточно доказан, его причина может быть поставлена под сомнение. Абсурдно объяснять факты либо естественными процессами, либо волей Бога, пока вы не будете уверены, что эти события *были* реальными событиями. Если бы ребенок воспринял "*Алису в Стране чудес*" слишком серьезно и попросил меня объяснить, "Почему море такое горячее", я был бы вынужден разочаровать его жажду объяснений. Теперь я уверен, что ситуация с чудесами не намного иная. Если бы предполагаемые факты были доказаны вне всяких разумных сомнений, перед нами возникла бы необходимость в подлинном объяснении. Но история предмета указывает в другом направлении.

Логика доказательств связана с проверками, применяемыми к утверждениям, которые претендуют на то, чтобы быть фактами. Какие у нас есть основания верить в те истории, которые дошли до нас из прошлого, или в рассказы о чудесных исцелениях и видениях, широко распространенные в определенных кругах сегодня? Разве не очевидно, что мы должны применять к ним те же строгие критерии, что и ученый? К ним должны быть применены все каноны доказательств, внешних и внутренних. Рассказы об исцелениях, связанных со святынями святых, и описания случаев исцеления среди христианских ученых должны быть подвергнуты строгому, но справедливому изучению. Следует установить характер болезни или травмы и наблюдать за дальнейшим анамнезом. И, если только эти религиозные организации не желают навлечь на себя подозрения в подстрекательстве к мошенничеству, они должны приветствовать тщательное расследование. До тех пор, пока что-то в этом роде не будет сделано, доказательственная ценность отчетов будет ниже, чем она должна быть для получения доказательств. Чем больше приводимые нарративы противоречат обычному ходу опыта, тем больше эта недостаточная вентиляция ослабляет их доказательную ценность. С точки зрения логики, такое отношение неоспоримо. Либо мы должны поддерживать это, либо мы должны отказаться от всех серьезных попыток просеять свидетельства.

Успехи, достигнутые историей и психологией в девятнадцатом веке, поставили нас в гораздо лучшее положение для решения вопроса о чудесах прошлого, чем это было у Юма. И все же этот более конкретный взгляд просто усилил метод критики Юма. Юм был, возможно, немного чересчур щедр. Бремя доказательства лежит на верующем в чудеса, а не на критике, потому что регулярность опыта становится все более очевидной. Следовательно, исторические свидетельства должны быть очень вескими, сильнее, чем они оказались на самом деле.

Когда каноны исторических свидетельств применяются к рассказам о чудесных событиях, удивительно, как быстро они теряют свою впечатляющую силу. Давайте возьмем, к примеру, поразительную серию инцидентов, рассказанных в Книге Исход. Если бы эта книга была написана Моисеем, действительным очевидцем и главным действующим лицом со стороны человечества, мы были бы вынуждены утверждать, что он обманывал себя или намеревался обмануть, или что события действительно произошли каким-то странным образом. Но когда мы обнаруживаем, что Пятикнижие было написано спустя много времени после установления Царства и что оно содержит различные элементы народной традиции и жреческих построений, мы понимаем, что логическая ситуация совсем иная. Очевидец исчез. Другими словами, мы имеем дело с легендами, а не с историей. Мы больше не сталкиваемся с дилеммой: либо называть Моисея лжецом, либо принимать события, которые кажутся нам мифическими. Мы даже не призваны рационализировать эти легенды и ссылаться, скажем, на влияние сильного ветра, продолжавшегося долгое время, на какой-нибудь мелководный участок Красного моря. Теперь считается, что такая изобретательность неуместна.

Когда мы переходим от прошлого к настоящему, мы должны придерживаться одних и тех же логических методов. На самом деле, нам часто приходится переходить от настоящего к прошлому. Именно Лайель, знаменитый геолог, установил научный канон, согласно которому те же силы, которые действуют сегодня, должны использоваться для объяснения того, что происходило в другие эпохи. И этот канон имел огромную ценность, поскольку не позволял ученым мечтать о катастрофах и забывать изучать детальное действие общих сил. Насколько вера в Иисуса как религиозного целителя, могущественного пророка, посланного Богом, привела к тому, что называется исцелением верой, можно ответить только по аналогии с

настоящим. Природа и возможности психического лечения должны изучаться с той же тщательностью, что и в других областях. Это делается совсем недавно. Врачи не отдавали должное нервной системе. Их материализм был слишком наивным, слишком механистичным. Личность - это органическое целое, и разум нельзя отделить от этого целого без фальши. Выражаясь физиологическими терминами, нервная система контролирует расход энергии организма и, если она расточительна, может вскоре исчерпать ее запас. Таким образом, устойчивость организма к болезням, вероятно, зависит от психического и нервного равновесия человека. Невозможно заранее сказать, насколько эффективным может быть ненормальное направление нервной энергии к определенным частям организма. Вероятно, экспериментальная работа с гипнозом и психоанализом прольет свет на эти внутренние изменения. Историку истории религии следует внимательно следить за последними достижениями психиатрии. Более того, он должен изучать свою психологию у экспертов и не довольствоваться жаргоном спиритуалистов.

Но одна логика никогда не сможет опровергнуть теологические чудеса. Я не могу доказать, что фей не существует, хотя могу показать, что нет веских доказательств веры в их существование. Рационалист, который берется *продемонстрировать* невозможность чудес, забывает, что его мышление работает в рамках набора постулатов и принципов, которые его противник не примет. Все, что он действительно может показать, - это то, что его постулаты и принципы лучше согласуются с опытом, чем постулаты и принципы его противника. Последний конфликт заключается в конфликте между примитивным взглядом на мир и научным взглядом. Лучшее, что можно сделать, - это подчеркнуть логическую сторону, а затем сделать контраст между двумя взглядами на мир как можно более отчетливым. Будет ли человек верить в религиозные чудеса или нет, в конечном счете зависит от взгляда на мир, который складывается в его сознании. И этот ментальный кругозор является функцией его обучения и психологического склада.

Теологическое чудо скорее дедуктивно, чем индуктивно. Я имею в виду, что оно является следствием догмы, а не независимо данным фактом. Религиозное мировоззрение стоит на первом месте по порядку и доминирует над фактами. В науке дело обстоит как раз наоборот. Там на первом месте факт, а потом теория. Как я написал в своей "*Логике*": "Простые домыслы, неконтролируемые фактами, почти наверняка потеряют связь с реальностью. Это может привести к созданию прекрасных систем, но эти системы, при всем их великолепии и тонкости, несомненно, не имеют ценности как средство интерпретации мира, в котором мы на самом деле живем". Но разве теологическое чудо не является примером именно таких неконтролируемых спекуляций? Всемогуший Бог мог сделать что угодно со скамеечкой для ног или в ней. Конечно, он мог. Вы только развиваете выводы из своей гипотезы. Вопросы для теста: во-первых, в его природе хотеть совершать такие неожиданные поступки? во-вторых, является ли эта концепция всемогущего Бога наиболее удовлетворительной гипотезой? Помогает ли это нам встретиться с фактами и событиями человеческой жизни? Мы знаем, как возникла эта идея, и знаем, что она была основана на интерпретациях природы, которые сейчас кажутся нам по сути иллюзорными. Загвоздка в том, что это никак не помогает науке и создает множество искусственных трудностей. Мы обсуждали одну из этих искусственных проблем в настоящей главе и займемся обсуждением других в следующих двух главах. Натуралистическую метафизику и этику сформулировать гораздо легче, чем теологическую систему, свободную от противоречий.

Но предположим, что были установлены определенные чудеса, которые не вписывались бы в естественный ход вещей. Как можно было бы доказать, что эти необычные события были действиями сверхъестественного агента? Строго говоря, только откровение могло совершить этот подвиг. Но откровение само по себе является чудом, которое нуждается в подтверждении. И таким образом, вы снова попали в порочный круг. Откровение могло бы быть хорошо зарекомендовавшим себя способом доказательства, если бы оно имело общественный характер — например, голос с небес. Но такой голос стал бы для нас частью природы; другими словами, его принятие подразумевает мир, отличный от того, в котором мы находимся. Но пока этот орган не создан, мы имеем полное право сомневаться в *ipse dixit* самозванных оракулов.

Когда мы рассматриваем весь вопрос о чудесах индуктивно и дедуктивно, я думаю, мы должны признать, что их основа чрезвычайно слаба. Образованный мир уже изрядно перерос их; и эта тенденция, несомненно, будет усиливаться по мере того, как наука продолжит исследовать мир, в котором мы живем.

В заключение, по-видимому, стоит обратить внимание на тот факт, что очень немногие люди осознают, во что они на самом деле верят, когда принимают чудеса. Они недостаточно знают о природе, чтобы осознать реальное содержание своих верований; и, пока они этого не сделают, их вера представляет собой просто точку зрения, которая не была поставлена перед фактом. Она выражает скорее невинность, чем добродетель. Давайте взглянем на пару библейских чудес, чтобы показать, что они подразумевают.

Тиндаль очень разительно показал разницу между чудом, которое, как предполагалось, помогло Иисусу Навину в его битве с амореями, как это выглядело в глазах израильтянина древности, и тем, как это представляется человеку науки. Для первого чудо, вероятно, заключалось в остановке огненного шара диаметром менее ярда, в то время как для другого это была бы остановка шара, в четырнадцать тысяч раз превышающего землю по размеру.

"Существует, - пишет он, - как научное, так и историческое воображение; и когда с помощью первого ясно осознается остановка вращения земли, событие приобретает настолько огромные масштабы по сравнению с результатом, который оно должно получить, что вера шатается под воздействием размышлений. Задействованная здесь энергия равна энергии шести триллионов лошадей, работающих в течение всего времени, затраченного Джошуа на уничтожение его врагов". Если мы переходим от великого к малому, от использования огромных сил к воссозданию бесконечных, мельчайших отношений, то перед нами предстает то же расхождение между поверхностной видимостью и реальностью. Давайте рассмотрим воскрешение Лазаря из мертвых. Хорошо известно, что нервная система начинает очень быстро разрушаться после смерти. Современные исследования показали, что только в мозге насчитывается почти миллиард клеток. Подумайте о дезорганизации, которая наступила бы в такой сложной системе через четыре дня. Те, кто знаком с деликатностью органических соединений, могут представить себе состояние мозга, когда тело уже начало вонять. Но древние даже не знали, что мозг тесно связан с сознанием, не говоря уже о его структуре. О характере экономики тела они практически ничего не знали; они имели дело с целыми, а не с частями. Насколько по-разному это чудо выглядит с этих двух точек зрения! Оно одно и то же только по названию. Может быть интересно отметить, что это чудо, характерное для Иоанна, очень явно связано с иллюстрацией принципа, согласно которому Иисус как Логос есть воскресение и жизнь. Это демонстрационное чудо.

Наш ответ на вопрос "Случаются ли чудеса?" должен быть отрицательным. Хотя в этой идее самой по себе нет ничего иррационального, она не соответствует миру в том виде, в каком его представляет опыт. Утверждение о том, что Бог творит чудеса, как и аналогичное утверждение о том, что он сотворил мир, является чисто гипотетическим и непроверяемым.

ГЛАВА XI

ДУША И БЕССМЕРТИЕ

Надежда на бессмертие является существенной чертой практически всех современных религий. Даже те восточные религии, в которых отсутствует ее явное присутствие, постулируют смутную преемственность личности. Буддизм всегда был загадкой для оптимистичного западного человека, который влюблен в себя и все свои размышления строит с точки зрения личности и личных отношений. Идея перерождения в соответствии с жестким моральным законом чужда его традициям, в то время как имперсонализм всего процесса оставляет его равнодушным. Называть буддизм атеистической религией не противоречит фактам. И все же это религия, потому что она постулирует объективную действенность моральных категорий. Свобода от колеса перерождений достигается Восьмеричным Путем правильных убеждений и правильных поступков. Даже в этой религии существует достаточно идей о душе и бессмертии, чтобы сделать эти предположения важными. Но что современная наука и философия могут сказать об этих вековых идеях? Душа больше не в фаворе?

Здесь, опять же, важен исторический подход, потому что он дает правильную перспективу. Если мы сможем понять, почему люди в прошлом развивали и поощряли эти идеи, мы сможем судить об их причинах довольно объективно, даже если мы осознаем, что на нас сильно повлияли верования, основанные на них. Уничтожьте корни дерева, и листва вскоре увянет. Неужели наука так глубоко подрывала корни этих старых верований, что они неизбежно загнивают? Тема чрезвычайно интересная.

Вера в какую-то загробную жизнь широко распространена. Общеизвестно, что американские индейцы говорили о счастливых охотничьих угодьях на Западе, где душа воина радовалась бы изобилию дичи. Другие народы считали, что обитель мертвых находится на Востоке, где восходит солнце. Третьи учили, что это было на солнце или других небесных телах, или под землей, в подземной области. Мы редко можем определить мотивы, которые привели нас в эти разные места.

За несколько столетий до нашей эры в бассейне Средиземного моря процветали всевозможные верования; но направление религиозной мысли быстро двигалось к страстному принятию другой жизни где-то на небесах. Бессмертие приобретало более яркую окраску и превращалось из пассивного выживания в событие, имеющее заметное религиозное значение. Новые этические мотивы присоединялись к старой тенденции и изменяли ее почти до неузнаваемости. Чувства и ритуалы, построенные вокруг идей греха и спасения, отразились в загробном мире и создали представление о рае и аде. Какое богатое поле для развития мифопоэтического воображения! И какой интересный социологический факт заключается в том, что человеческое воображение всегда было более плодородным в описаниях ада, чем в описаниях рая!

Но следует сказать несколько слов о более ранних представлениях о загробной жизни. И греки, и евреи думали о потустороннем мире как о безрадостном отражении настоящего. Смерть, по сути, была концом того, что действительно имело значение. Те, кто отрицает, что люди могут жить благородно без надежды на бессмертие, забывают, что такие люди, как Перикл, не были затронуты этой призрачной мечтой. Даже великие еврейские пророки превозносили праведность без обещания награды в загробном мире. То, что сделали люди, мы, несомненно, можем сделать снова. Отец-грек чувствовал себя членом семьи, традиции и верность которой он хотел сохранить в неприкосновенности. Что касается его самого, то он желал лишь соблюдения обычных похоронных обрядов, чтобы его тень покоилась с миром. В доме Аида обитают бесчувственные мертвецы, призраки измученных людей. Ответ Ахилла Улиссу, когда этот странник навещает его в подземном мире, превосходно выражает эту призрачную загробную жизнь: "Нет, не говори мне спокойно о смерти, о великий Улисс. Лучше бы я жил на земле, как чужой наемник, с безземельным человеком, у которого не было больших средств к существованию, чем властвовать среди всех усопших". Гомеровские греки радовались жизни, как юноши, которым все доставляет удовольствие. Темное царство Аида воспринималось как насмешка над залитым солнцем миром. История веры в загробную жизнь у евреев очень похожа. И все же удивительно, как мало кто обращает внимание на скудость упоминаний этой идеи в Ветхом Завете. В книге пророка Исаяи встречается рассказ о Шеоле, на который было обращено внимание в предыдущей главе: "Шеол снизу сдвинулся для тебя, чтобы встретить тебя при этом пришествии.... Все они ответят и скажут тебе: "Неужели ты стал таким же слабым, как мы?" Отрывок потрясающий, полный самой едкой иронии и мстительной ненависти. Эта концепция Преисподней, очевидно, едва ли отличается от соответствующей концепции гомеровской греции. Ближе к христианской эре, в результате проникновения верований, распространенных среди окружающих народов, евреями овладела идея будущей жизни. Фарисеи, популярная партия того времени, подчеркивали догмат, в то время как саддукеи, аристократическая партия, отрицали его.

Ранняя религия была в значительной степени государственным делом, поскольку заботилась о безопасности социальной группы; но она быстро становилась всепоглощающей заботой об индивидуе. Религиозное воображение деловито рисовало другой мир и связывало его с отношениями индивида к божественным силам. Учитывая религиозный взгляд на мир, каким притягательным и устрашающим инструментом была эта концепция бессмертия! Тень и солнечный свет другого мира лежали поперек этого. Бесконечные перспективы боли и удовольствия простирались в будущее. Неудивительно, что истинные средства спасения стали животрепещущим вопросом! С самого начала христианство подчеркивало факт существования другого мира и его потрясающее значение для души человека, переняв в качестве наследия

современные взгляды на мессианское царство и место мучений. Павел даже заходит так далеко, что провозглашает циничную альтернативу: "Если мертвые не воскресают, будем есть и пить, ибо завтра мы умираем".

Идеи бессмертия и спасения были центральными чертами великого религиозного возрождения, охватившего Римскую империю примерно во время расцвета христианства. Желание личной безопасности в этом мире и в следующем двигало людьми. Страх и надежда работали вместе; страх перед ужасами, ожидающими душу после смерти, надежда на счастливое существование в каком-нибудь раю. Нельзя отрицать, что раннее христианство во многом обязано своим успехом своим доктринам о конечных вещах. Это был период астрологии, теософии, мистицизма, культов спасителей, эсхатологий. Мало кто смог удержаться над этим потоком мифологии оракулов и суеверий. Какие у них были опоры? Ни одного из тех проверенных знаний о физическом мире, которыми мы обладаем и которые сегодня вопреки их воле удерживают множество людей в здравом уме. Когда мы вспоминаем террор в Салеме несколько столетий назад, мы должны признать, что эти греки, и римляне, и евреи, и сирийцы вели себя не так уж плохо в том охваченном демонами мире, в котором они жили. И все же, хотя было бы несправедливо обвинять тех, кто принял различные культы, было бы столь же несправедливо не воздавать хвалу тем немногим просветленным душам, которые не одобрили бы ничего из этого.

До настоящего времени учение о бессмертии было неотъемлемой частью христианства. Дошедшие до нас символы веры провозглашают веру в то, что Иисус Христос явится снова, чтобы судить живых и мертвых. Для обычного человека религия абсолютно привержена такой вере. Это шло рука об руку с идеей возмездия и награды до тех пор, пока они не срослись. Поэтому неудивительно, что подозрение в том, что бессмертие не оправдано физиологическими и психологическими фактами, имеет серьезное отношение к религии. Для подавляющего большинства религия без бессмертия подобна *Гамлету*, без Гамлета. Точно так же уберите веру в особое провидение, и здание, вокруг которого сплелись многие религиозные эмоции и ценности, превратится не более чем в руины.

Но идея души всегда сопровождает веру в бессмертие. Опыт, который привел к одной идее, естественно, поддержал другую. Если душа может покинуть тело, очевидно, что это в значительной степени не зависит от судьбы последнего. Давайте взглянем на некоторые переживания, ложная интерпретация которых лежит в основе веры в бессмертную душу, временно обитающую в теле.

Удивительно, какое влияние оказали сны. Мы настолько переросли это некритическое отношение к ним, что требуется некоторое усилие, чтобы осознать, насколько естественным оно было. Для современного образованного человека сны - это субъективные переживания, то есть переживания, которые не содержат информации о том, что происходит во внешнем мире. На жаргоне психологии это центрально возбужденные идеи, играющие роль какого-то органического стимула или какого-то подавленного желания. Но дикарь ничего не знал о таких различиях. Мертвые являлись живым и разговаривали с ними. Патрокл стоит перед Ахиллом и упрекает его. Значит, у мертвых нет какой-то жизни? Множество психологических мотивов объединились, чтобы убедить первобытного человека по крайней мере в призрачном существовании после смерти. Но была и другая сторона жизни во сне. Живые отправлялись в дальние путешествия, совершая странные поступки, в то время как их тела отдыхали в палатке.

К этим предположениям, столь естественно поддающимся спиритической интерпретации, добавились и другие. Определенные виды болезней объясняются с помощью идеодержимости. В мире действуют невидимые агенты. Чем может быть транс, если не временным отсутствием именно такого агента? "Среди кайанцев Борнео, например, существует обычай, когда пожилой человек, сведущий в таких делах, садится рядом с трупом, где, как предполагается, душа находится несколько дней после смерти, и сообщает последнему подробные указания относительно ее путешествия в страну мертвых". Здесь мы имеем дело с естественными иллюзиями, с гипотезами, которые неизбежно возникали. Первые догадки человека были ошибочными. Вся история науки подтверждает этот факт.

Различные мнения, которые люди создали вокруг идеи души, поучительны. С какой серьезностью люди писали о таких скрытых вещах! Лишь очень медленно они научились отделять опыт от его интерпретации и искать широкий спектр фактов, прежде чем выдвигать хотя бы гипотезу. Объяснение с помощью *агентов*, видимых и невидимых, - это правдоподобный метод, к которому человек всегда прибегает в первую очередь. Только когда он становится более искушенным, он начинает мыслить в терминах *процессов*. Следующие примеры расхождений во взглядах на душу, собранные талантливым французским автором, показывают расплывчатость этой идеи:

Ориген, александрийский богослов: "Душа материальна и имеет определенную форму".

Святой Августин: "Душа бестелесна и бессмертна".

Полинезиец: "Душа - это дыхание, и когда я увидел, что вот-вот испущу дух, я зажал нос, чтобы сохранить душу в теле. Но я недостаточно крепко ухватился за это — и я мертв".

Альбертус Магнус: "Есть тридцать аргументов против бессмертия души и тридцать шесть за, что составляет большинство из шести аргументов в пользу положительного".

Раввин Маймонид: "Написано: "Нечестивый будет уничтожен, и от него ничего не останется".

Экклезиаст: "Люди умирают, как звери, и их судьба одинакова. У всех у них одно дыхание".

Сначала душа была задумана очень материальным образом. Идеалистическое направление в греческой философии ответственно за концепцию *нематериальной субстанции*. "Под влиянием мистических, религиозных мотивов душа становится все более и более непространственной и неосязаемой. Используемые слова негативны и абстрактны. Обычно предполагается, что Плотин был первым, кто описал душу как нематериальную субстанцию. Но эта нематериальная субстанция должна каким-то образом быть приведена в соответствие с физическим телом." Именно эта ситуация породила проблему души и тела в философии, проблему, которая постепенно превратилась в проблему разума и тела. Эта трансформация головоломки знаменательна. Сами термины изменились и стали более конкретными и эмпирическими. Цитата Уильяма Джеймса — человека, который не имел предубеждения против теологии, — выявит существенные причины этой существенной смены терминов: "И все же не по праздным или фантастическим причинам понятие субстанциальной души, столь свободно используемое обычными людьми и более популярными философиями, переживает такие

недобрые времена и не имеет престижа в глазах критически мыслящих людей. Он лишь разделяет судьбу других непредставимых субстанций и принципов. Все они без исключения настолько бесплодны, что искренним исследователям кажутся не более чем маскирующимися именами".

Я склонен полагать, что сегодня для большинства людей душа означает не более чем личность и убежденность в том, что ее нельзя свести к телу. Это означает, что сознание и характер каким-то образом укоренены в чем-то постоянном. Идея Платона о душе как простой, неразрушимой субстанции вряд ли находит отклик в их умах — да и с чего бы это? То, что гарантирует и делает возможным дальнейшее существование их сознательного "я" после смерти тела, — это ассоциация, которая является высшей. Образованные люди, по крайней мере, переросли призрачную душу первобытных времен и возлагают свои надежды на неспособность ученого-философа объяснить жизнь и сознание, не обращаясь к силам, которые необъяснимы с точки зрения натурализма. Но очевидно, что над такой основой нависла постоянно угрожающая опасность. Если бы проблема разума и тела была решена конкретным, эмпирическим способом, что тогда?

Вопрос о бессмертии принято рассматривать с трех точек зрения, которые можно назвать соответственно эмпирической, этической и философской. Недавний сдвиг философии в сторону реализма, как правило, сближает первый и третий методы подхода. Все больше ощущается, что философия сотрудничает со специальными науками и неотделима от них. Этический аргумент в пользу бессмертия чаще встречается в поэзии, чем в серьезных книгах по этике. Нельзя сказать, что она обладает достаточной силой, чтобы нарушить равновесие, установленное наукой и реалистической философией, соприкасающейся с наукой.

Эмпирический статус бессмертия лучше всего можно выявить, взглянув на факты аномальной психологии. В старину, как мы видели, безумие объясняли как беспокоящее действие демона. Сегодня эксперименты и тщательные наблюдения доказали, что оно вызвано функциональным расстройством мозга. То, что всякий раз, когда возникает психическое расстройство, в мозге имеется какой-то соответствующий анатомический или физиологический изъян, стало обычным явлением в современной медицине и психологии. Фактически, безумие определяется как "симптом заболевания мозга, вызывающий неупорядоченные психические симптомы". Множество переживаний указывают на очень тесную связь между мозгом и сознанием. Тщательное наблюдение за клиническими случаями, например, показало, что поражение зрительного центра головного мозга, то есть той части мозга, к которой отходят волокна зрительного нерва, вызывает исчезновение как зрения, так и зрительных образов. Психология и физиология были усердно заняты обнаружением этих корреляций. Они настолько обширны, что предположение о том, что сознание неотделимо от мозга, навязывается все более упрямо. Умственные способности протекают параллельно с более тонким развитием мозга. Не связано ли, следовательно, само значение умственных способностей с потребностями и деятельностью организма? Но аргументы становятся еще убедительнее, когда мы обращаем внимание на то, что происходит с человеком, когда что-то идет не так с мозгом. Можно ли ожидать, что этот бедный безумец, опустившийся с высокого уровня образованности мужчины до состояния более беспомощного, чем у животного, только из-за относительно незначительной дезинтеграции коры головного мозга, восстановит свой интеллект посредством его полной дезинтеграции? Можно ли отрицать, что бремя доказательства лежит на тех, кто утверждает бессмертие?

Так называемый этический аргумент в пользу бессмертия связан с именем Иммануила Канта. Философия Канта была агностической, и именно этот агностицизм сделал возможным использование им этического аргумента. Если вы не можете сделать никакого уверенного теоретического утверждения о природе своего "я", вы можете позволить требованиям, которые вы считаете этическими и первостепенными, диктовать ваши окончательные убеждения. Нельзя отрицать, что аргументация Канта перекликается с популярным представлением о том, что добродетельные люди должны быть вознаграждены. В своем высшем проявлении этический аргумент означает требование будущей жизни для того, чтобы осуществить то развитие характера, которому не соответствует краткий срок земной жизни. Именно этот аргумент проходит через Браунинга. Что мы можем сказать об этом?

Существуют как фактические, так и теоретические возражения против этического аргумента в пользу бессмертия. Чем больше мы узнаем о привычках, тем больше понимаем, что характер довольно хорошо "сформирован" средним возрастом. Творческий период человеческой жизни заканчивается слишком рано. Характер - это не абстрактное достояние, отделимое от человеческих задач и потребностей. Это не произведение искусства, которое можно шлифовать и перекраивать. Но, когда все сказано и сделано, этика должна соответствовать фактам дела. Возьмите характер достаточно абстрактно и отдельно от его человеческой и органической основы, и мечта о постоянном совершенствовании может иметь смысл; но так же было бы и с мечтой о непрерывном интеллектуальном прогрессе. И все же ученый слишком хорошо знает, какое суждение выносит грядущее поколение старшему: "Они не могут приспособиться к этой новой точке зрения". Наступил бы прогресс, если бы не сменялись поколения?

Философский аспект вопроса может быть затронут лишь кратко и нетехнически. Основную проблему можно сформулировать таким образом: может ли человеческая личность быть включена в природу теоретически удовлетворительным образом? Было принято подчеркивать трудности, с которыми сталкиваются такие попытки, и умалчивать о проблемах, с которыми всегда сталкивалось разделение тела и личности. И все же я думаю, что мало кто из философов стал бы отрицать, что именно сама иррациональность традиционного дуализма делает живой монизм разума и тела столь желанным и столь настоятельно востребованным.

Есть веские основания полагать, что сохранение загадки "разум-тело" объясняется двумя причинами: отсутствием адекватной теории познания и ультрамеханическим, или неэволюционным, взглядом на физический мир. Как ученые, так и философы были охвачены инерцией, которая мешала им серьезно относиться к принципу эволюции. Они отказались скорректировать свои идеи таким образом, чтобы признать, что организация высокого уровня, подобная той, которая характеризует нервную систему, обладает собственным синтетическим способом действия, не сводимым к простому цепному действию внешне связанных единиц. Есть много признаков, указывающих на то, что формируется более широкий и гибкий натурализм, который сметет искусственные проблемы и стереотипные контрасты, стоявшие на пути искреннего включения человеческой мысли и деятельности в природу. Когда этот день настанет, колебания, которые поощряли веру в бессмертие перед лицом эмпирических трудностей, имеющих все возрастающий вес, пройдут. Я склонен предсказывать, что психология и физиология приведут в соответствие свои принципы еще до того, как пройдет много лет, и что сознание и психика займут свое место наряду с массой и энергией в научном

представлении о природе. Старый дуализм души и тела уйдет в прошлое и уступит место гибкому натурализму.

Вера в бессмертие и стремление к нему будут умирать очень медленно. Смутный аппетит к другой жизни будет сохраняться как скрытое наполовину понятное стремление к благу, природа которого не была четко продумана. Чего мужчины действительно хотят, так это вечной молодости в окружении, которое дает возможность для самовыражения и приятного общения. Это означает отдых для уставших, новые горизонты для тех, кто желает достичь, освобождение от оков для тех, кто чувствовал себя угнетенным. Какое тихое очарование в такой некритичной игре воображения! Но разве это нечто большее, чем грезы наяву? Могут ли наши размышления стать определенными, не выдавая себя за фантазии? Увы! наши души стары, на них написано, и мы уже не были бы прежними, если бы эти метки были удалены. Они имеют для нас значение, и мы не можем желать, чтобы они исчезли. Если на мгновение мы по рассеянности завидуем гладким щекам юноши, то зависть эта мимолетна. Чего мы желаем, так это его изобильной энергии и надежды, когда мы сами обладаем чувством юмора и мудрости. Насколько полно мы являемся частями жизни, которой живут на этой планете! Желания, привязанности, страсти, идеи, привычки - все, если проанализировать, указывает на человеческий организм и его окружение. Наша личность подобна растению, которое черпает питание из того, что его окружает. Уберите старого крестьянина с его полей и товарищей по пахоте, и он потеряет интерес к жизни. Уберите делового человека с прилавка, и он станет беспокойным. Как мы можем ожидать возрождения интереса к жизни, лишив взрослую личность того, чем она питалась? Это психологически абсурдно и выдает ту склонность к абстрактному мышлению, которая так широко распространена. Человеческая личность является функцией этой подлунной жизни, этого организма, этого неба, этой почвы, этой беспокойной борьбы с природой. Бессмертие - это невозможная операция.

На определенных этапах общественного развития ложные убеждения просто неизбежны. Например, взгляд Птолемея на солнечную систему должен был предшествовать коперниканскому. А ложные убеждения приносят как пользу, так и вред, прежде чем их перерастут. Сколько угнетенных обратилось к другому миру, чтобы исправить свои ошибки! Это давало им надежду, но делало их пассивными и слишком кроткими. Разве идея другой жизни не поощряла ложную перспективу в отношении этой? Я не чувствую, что эта вера когда-либо была очень здоровой для человеческой расы. Тем не менее, в предстоящий переходный период многие из тех, кто был приучен к ложным ожиданиям, испытают сильную боль. Люди, привыкшие к наркотику, отшатываются от мысли отказаться от него. Их нервную систему научили зависеть от него. Нет ли чего-то подобного в этике? Религиозный романтизм - это духовный наркотик, который заменяет мир грез более будничным миром повседневного существования. Он развивает вкус к беззаботному и сентиментальному. В отместку энтузиасту не удастся проникнуть в суть обычных вещей. Настоящие трагедии и триумфы жизни скрыты от его нетренированного взгляда. Только искреннее, даже радостное погружение в море борьбы человеческой жизни придает воображению ту железную силу, в которой оно нуждается. Величайшие святые меньше всего говорили о небесах.

"Рожденный к жизни! — тот, кто перечисляет,
Пусть дорожит тем, что ложно,
И для себя создает туман, Через который видеть менее ясно;
Мир таков, каков он есть, несмотря на всю нашу пыль и гам.

".

— Разве это так мало -
Наслаждаться солнцем,
Жить беззаботно весной,
любить, думать, делать;
Заводить настоящих друзей и побеждать непобедимых врагов...

Пусть те, кто может, встречают жизнь смело и радостно. Сцена не была спланирована мастером-художником, и актеры - всего лишь любители, вынужденные импровизировать свои роли; но солнечный свет иногда бывает золотым, а произносимые реплики часто удивляют нас своей красотой. Какой критик может вынести уверенное суждение об этой непрерывной пьесе?

ГЛАВА XII

ПРОБЛЕМА ЗЛА

Примечательно, что никогда не было проблемы добра, но всегда была проблема зла. Человек принимает добро в своей жизни как должное, в то время как он оплакивает присутствие зла во всех его формах. У греков был миф о ящике Пандоры для объяснения печалей и недугов, от которых страдает человечество; евреи рассказывали о падении человека из его изначального состояния блаженства к жизни, полной тяжелого труда и греха, из-за слабости наших прародителей и козней Змея; скандинавы воспевали Локи, Духа Обмана, чья коварная злоба привела к смерти Бальдра Прекрасного. А христианство привыкло связывать зло с личным дьяволом, "который мечется, как рыкающий лев, ища, кого бы ему пожрать". Популярная мысль подстерегла у его дверей те искушения и отступничества, которые сбивают с толку бедное человечество. Даже более серьезные физические бедствия, такие как голод, болезни и телесные повреждения, приписывались его воле.

Нужно ли говорить, что первобытный человек считал, что все зло связано с таинственными силами, которые окружали его со всех сторон? Его ритуал очищения соответствует знакам,

которые сейчас окружают электрические машины. Какими бы иррациональными ни были многие из этих табу, они все же подразумевали, что реальный мир представляет собой странную смесь благоприятных и неблагоприятных сил, к которым человек должен приспособливаться. "Для первобытного ума не было ничего более сверхъестественного, чем кровь, и до сих пор находятся люди, которые падают в обморок при виде нее: ибо "кровь - это жизнь", жизнь и смерть - великие первобытные тайны, и все физические субстанции, которые связаны с внутренним принципом того и другого, причастны к этой таинственности". Эта ранняя идея о миазматической заразе постепенно соединяется с верой в демонов по мере развития анимистической религии. Злые демоны сеют хаос, в то время как благоприятные духи приносят благословения нуждающемуся верующему.

Но по мере того, как религия приобретала все более отчетливый этический и личностный характер, существование зла в мире становилось проблемой. В первые дни это было не столько проблемой, сколько фактом. Но еврей, который верил, что Яхве контролирует все, что происходит в Царстве, должен был рационально объяснять личные и социальные бедствия. Что было более естественным, чем гипотеза о том, что те, кого настигли бедствия, были виновны в каком-то тайном проступке? И именно эта точка зрения была принята. Книга Иова представляет собой озадаченное размышление позднего периода о трудности согласования гипотезы с фактами. И, насколько я могу видеть, головоломка решена настолько хорошо, насколько это возможно в рамках принятых правил. Вся обработка является дедуктивной, а не индуктивной. Представьте себе всемогущее, всеведущее и этически совершенное божество, и из этого следует, что, когда факты не согласуются с вашим чувством справедливости, вы должны либо подозревать человека в тайных грехах, либо заявлять, что пути Божьи неисповедимы. Другими словами, поиск теодицеи приводит к агностицизму. Поскольку вы на самом деле ничего не знаете о мире, одна гипотеза ничем не хуже другой. Но агностицизм - это дешевый способ утвердить свою позицию, и он, вероятно, наводит рефлексирующего на мысль, что вся система теодицеи ошибочна. Если религиозный взгляд на мир ведет к этому *тупику*, не лучше ли избрать более индуктивный подход к тому, что мы называем злом? Разве реальность не может быть такого характера, что зло столь же естественно, как и добро?

Когда мы чуть внимательнее присмотримся к христианской традиции, мы обнаружим, что популярный ответ на проблему зла ни в коем случае не однозначен. Объяснить существование зла действием дьявола (сатаны, Аримана) - это прямой ответ, вполне соответствующий призыву к личной волеизъявлению, столь характерному для религии, но он не согласуется с этическим монотеизмом, унаследованным христианством. Не будет ответа на вопрос, почему это всемогущее и этически совершенное божество допускает существование такого существа, которое сеет хаос среди своих детей? Даже при поверхностном рассмотрении становится очевидным, что в христианстве существует множество традиций и доктрин. Классический монотеизм пророков и более политеистические тенденции более поздних времен представляют собой контраст, параллельный здравому смыслу классической Греции по сравнению с дряблостью эллинистических времен.

В самом Новом Завете есть много свидетельств принятия дуалистического взгляда на мир. Сатана - Князь этого Мира. Мы уже указывали, что авторы Евангелий думают об Иисусе как об изгнании бесов, которые вселялись в тела мужчин и женщин и вызывали у них болезни. И все же, как ни странно, нам говорят, что ни один воробей не упадет на землю без Божьего соизволения.

Это дуалистическое направление мышления доминировало в течение средних веков. Мир отдан дьяволу, чтобы он творил над ним свою волю. Здесь мы имеем дело как с причиной, так и со следствием пессимизма того времени. Для первых христиан общество было развращенным и наполненным мерзостями; единственным верным способом достичь спасения было бежать от его соблазна в пустыни и монастыри, чтобы там очистить душу от плотских желаний. Никто не нарисовал ситуацию более остро и непоколебимо, чем Анатолий Франс в *"Таис"*. Человечество было больным. Сильная волна аскетизма распространилась с Востока на Запад и принесла с собой доктрины, основанные на метафизическом расширении контраста между светом и тьмой, добром и злом. Материя зла по самой своей природе и присоединяется к тем инстинктам души, которые возникают из-за ее осквернения плотью. Пятно первородного греха усугубляется грубостью материала, из которого сделана земная скиния человека. Тело с его страстями играет двойную роль предателя по отношению к душе. Только молитвой, очищением, постом и благодатью Божьей сын тления может спасти свою душу живой для царства небесного среди звезд.

Количество мифических элементов, вплетенных в этот аскетический дуализм, поражает. Женщина была искусительницей, которой следовало опасаться больше всего; дочери Евы считались самыми могущественными инструментами, которыми сатана располагал в своем распоряжении. Даже спорили, есть ли у нее душа. Ходили даже слухи, что врата Ада охраняла женщина. Опять же, сатана изображался как демон, вводящий неосторожных в заблуждение желаниями этого мира. Этика была делом внешней борьбы за души людей. Вся обстановка была мифической, сверхъестественной и полной образного мышления.

Мы уже упоминали учение о первородном грехе. Это учение было подхвачено святым Августином, который был манихеем. Теология Павла, августинианство и манихейство имеют много общего. Все они являются примерами того, что можно назвать мифологической метафизикой. Догма заключается в том, что, предоставленный сам себе, человек склонен становиться на путь греха. Более того, он отчужден от Бога, который из-за своего совершенства не может мириться с несовершенством и требует искупления, которое не может быть совершено самим человеком. Следовательно, возникает необходимость в том, чтобы спаситель был посредником между человеком и Богом. Что это за конструкция, в которой миф, раввинская теология и языческая дуалистическая космология соединены воедино, чтобы создать декорации для юридической драмы! Как могут те, кто принимает учение современной науки и осознает более субъективный и личный дух современной этики, сохранить какую-либо часть этого странного творения прошлых эпох? Идея эволюции, применяемая как к природе, так и к человеку, подрывает всю фантастическую драму. Человек болезненно поднялся из грубого состояния, вместо того чтобы выйти из совершенного состояния. Контраст между плотью и духом больше не может пониматься буквально как соответствующий своего рода физическому разделению вселенной на сферы добра и зла, которые не могут иметь ничего общего друг с другом. Это этическая поэзия, которая недостаточно осознает, что это поэзия. Вместо того чтобы пытаться переосмыслить веру во внешнего, жертвенного спасителя, посредника между Богом и человеком на расплывчатом, мистически символическом языке, который предполагает глубину, которой она не обладает, разумнее всего откровенно отбросить все мировоззрение как переросшее и по существу утратившее свой смысл. Мы видели, что сам Иисус, вероятно, не разобрался бы в его тонкостях и, конечно же, не принял бы это как должное для своей

собственной миссии. Вместо этого она представляет теософские спекуляции Древнего Мира. До тех пор, пока мыслитель играет с этими воображаемыми спекуляциями, которые не имеют прямого основания в знаниях и опыте сегодняшнего дня, до тех пор он будет жить в ментальном тумане, неспособный увидеть действительно насущные социальные и этические проблемы настоящего.

Когда мы однажды избавляемся от этих мифических, гностических и раввинских идей с их юридическими и поэтическими концепциями этики и их наивной картиной мира как средоточия этических сил, физически борющихся друг с другом; когда мы однажды осознаем, что бессмысленно применять этические различия к материи, мы вынуждены преодолевать эти эллинистические наслоения и возвращаться к более простым и благородным традициям, которые христианство унаследовало от Иисуса и великих еврейских пророков. Здесь, как нигде, религия в состоянии решить проблему зла. В Новом Завете есть отрывки, которые дышат той же верой, что и Второзаконие Исаяи, своего рода возвышенным религиозным оптимизмом или волей к вере. Для еврейского пророка из изгнания Бог - творец и праведный правитель земли. "Я Господь и нет никого другого. Я создаю свет и творю тьму; Я творю мир и *творю зло*; Я Господь, который творит все это". Таков монотеизм креационистского типа во всей его силе и вызывающем рвении. И все же пророк говорит и думает в терминах мировых движений и судеб наций, и его мысли едва ли отрываются от этого обширного окружения, чтобы рассмотреть судьбы отдельных людей. Далее мы должны отметить отсутствие полидемонизма более позднего иудаизма и очевидное нетерпение к древним мифам и вере в сатану или Духа Зла. Если бы христианство ушло с этой большой высоты, оно было бы более истинно монотеистическим, но оно не было бы порождением своего века и не было бы ассимилировано народами Средиземноморья. Давайте рассмотрим последствия этой более смелой и простой веры.

Не может быть никаких сомнений в том, что позиция, принятая вторым Исаяей, является логическим завершением монотеизма. Если Бог всемогущ, он должен нести ответственность как за добро, так и за все зло в мире. Другими словами, это должен быть лучший из всех возможных миров. Тот, кто король, а не марионетка, не может отлынивать от обязанностей своего положения. Представлять Грех как своего рода адскую сущность, как это делал святой Августин, значит исказить наше представление о божестве. У нас больше нет ни придворного подхалимства старого римлянина, ни его беспечности, когда другие по божественному капризу обречены на вечное пламя. То, что для него было средством проявления великой славы Божьей, для нас является преступлением, которое запятнало бы наш идеал добра. Современный образованный мир, по крайней мере, поднялся до уровня обвинения крестьянского поэта в адрес кальвинизма двухсотлетней давности.

Христианство стоит на пороге ужасной дилеммы. Она долго колебалась между смелой позицией Исаяи, смягченной такими приемами, какие только могла изобрести апологетическая изобретательность, и мифологическим дуализмом, существовавшим во времена ее зарождения. Бог должен быть, по крайней мере, полностью ответственен за все физическое зло; или же ему должно помешать что-то независимое от него, будь то злой дух или материя. Ученые отмечают, что идея длительного конфликта между добрыми и злыми силами была характерна для персидской религии, и что позднее эта точка зрения приобрела оттенок иудаизма и перешла в христианство. Здесь он был встречен и усилен неоплатонизмом в форме, обычно называемой гностицизмом и манихейством. В настоящее время ситуация переломилась

в пользу монотеизма и против сосуществования злых сил. Мы склонны улыбаться личному дьяволу, возможно, потому, что суеверия сделали его смешным, возможно, потому, что мы лучше знаем место и причину того, что мы называем злом. Наука помогла покончить с дьяволом; но, поступая таким образом, не подорвала ли она также идею Провидения? Разве та же самая стрела не должна пронзить действенного Бога, который уничтожает действенного Дьявола?

Бог прошлого был реалистичным Богом; он учитывал все в управлении вселенной. Бог современной теологии быстро становится идеалом личности. Когда о Боге думают как о мягкосердечном и совершенном джентльмене, вопрос о зле принимает следующую форму: можем ли мы согласовать эту концепцию с фактами жизни? *Является ли Бог действующим лицом или идеалом?* Мы должны иметь в виду тот факт, что Бог - это гипотеза, характерная для религиозного мировоззрения, и что, как и любая другая гипотеза, она должна помогать объяснять факты, к которым она имеет отношение. Но делает ли это? Плодотворно ли это?

Я свободен признаться, что всевозможные теодицеи кажутся мне доказательствами неприменимости религиозного мировоззрения. И все же огромные диалектические способности были продемонстрированы в неустанных поисках какой-либо удовлетворительной теории отношения Бога ко вселенной. Беглый взгляд на эти теории показывает действие духа времени. Когда человек суров, его бог суров и жесток. Когда человек нежен, его бог доброжелателен. И это соответствие не завершает историю. В прошлые века политическая организация была автократической и непреклонной. Подданным монарха и в голову не приходило подвергать сомнению справедливость его правления. Обычным людям было нехорошо думать о таких вещах; это было вне сферы их контроля и понимания. Кроме того, разве сила не является санкцией права? В эти монархические периоды о Боге думали как о небесном царе, чья сила, слава и владычество были безграничны. Это соответствие между политической организацией и теологической картиной выдает социологическую сторону теологии. Все идеи человека - это человеческие идеи, и поэтому его представление о своем Боге, а также сама личность и моральное мировоззрение этого Бога отражают социальные стандарты, действующие вокруг индивида. Если человеческое правосудие жестоко, то Божье правосудие строго и непреклонно. Что может быть более естественным, чем этот параллелизм? Но по мере того, как карательное правосудие уступает место идеям милосердия и сочувствия, в представлении человека об этой небесной копии его собственных чувств и институтов происходят изменения. Иррациональное наказание с его жестокими ужасами уступает место мыслям о любящей доброте.

Но именно эта эволюция человеческой морали выявляет проблему зла во всей ее отчетливости. Яхве мог приказывать истреблять целые племена, и никто не испытывал ни малейшего религиозного дискомфорта. Но современный человек, когда он позволяет себе думать, восстает против такого бессердечия. Бог должен быть, по крайней мере, таким же милосердным, как человек, а человек не стал бы делать таких вещей. И все же наш опыт говорит нам, что боль и бедствия свирепствуют повсюду в мире. Как получилось, что всемогущий и благородный Бог допускает такое? Ход рассуждений, который приводит к требованию теодицеи, прост и прямолинеен. Бог - это моральный деятель, обладающий такой особенностью, что он может делать все, что пожелает, и поэтому несет ответственность за все происходящее. Но случаются трагические вещи. Почему он допустил их?

Различные формулировки отношения Бога к миру касаются этой проблемы. Присущие Ему возможности немногочисленны, и они быстро осознаются и развиваются. Если Бог - ограниченное божество, тогда зло может быть приписано чему-то другому. Если Бог безграничен, то все, что есть, так или иначе правильно. Давайте взглянем на типичные проявления этих двух основных направлений подхода.

Мистер Герберт Г. Уэллс недавно поразил широкую общественность своей пропагандой борющегося божества. Он признает, что это не соответствует христианской традиции, но это более соответствует известным нам фактам. Но он вполне мог бы сказать общественности, что его точка зрения не была новой. Задолго до христианской эры персы-зороастрийцы придерживались именно такой теории о борющемся божестве, борющемся со злыми происками Аримана. Верующих призывали делать все, что в их силах, чтобы помочь Ахура Мазде в его суровой борьбе с тьмой и осквернением. Этот дуалистический взгляд проник на Запад и появляется в манихействе. Возможно, это не очень хорошо известно, но именно от манихейской концепции мира отказался святой Августин при своем обращении в христианство. Снова и снова она всплывала на поверхность западного общества. Кто не слышал о катарах или альбигойцах средневековья? Эти люди верили в борющееся божество, сражающееся с силами зла. Некоторые из них отождествляли ветхозаветного Иегову с этим жестоким и злобным духом. Поступая таким образом, они демонстрировали отсутствие какой бы то ни было исторической перспективы, но также и острого этического суждения. Этот племенной бог ранних евреев не соответствовал их идеалам добра и милосердия. Хотя их мировоззрение было более мрачным и суеверным, чем принял бы образованный человек наших дней, логическая основа системы, по сути, та же, что и та, которая, кажется, всплывает на поверхность в наше время как бунт против самодовольства традиционного христианства. В прошлом атмосфера религии была более мрачной; и эти катары были бы шокированы прекрасным, беззаботным восторгом современного романиста; но они бы признали, что его взгляды сродни их собственным.

Возможно, не лишним будет упомянуть тот факт, что Джон Стюарт Милль, знаменитый английский философ середины девятнадцатого века, предположил, что для человеческого опыта было бы вернее предположить существование Бога, ограниченного по могуществу, хотя и совершенного в других отношениях. Невозможно, думал он, согласовать атрибуты всемогущества и благодати в божественном посреднике с миром таким, каков он есть. Этот протест против высокой дедуктивной веры христианского монотеизма был вызван откровенным эмпиризмом Милля. Жизнь должна говорить сама за себя, считал он; она должна оправдывать гипотезы их согласием с ней. Традиционный христианский метод был слишком диктаторским и слишком мало индуктивным. Она началась с набора догм относительно Бога и развернула их последствия, отказываясь квалифицировать эти догмы, когда последствия не соответствовали трагическому характеру жизни.

Рассмотрение второй логической возможности является знакомой основой. Христианский этический монотеизм в своих основных чертах следовал за еврейской религиозной мыслью. Бог считается всемогущим агентом, который также морально совершенен. Теологии известны две формы этой догмы: кальвинистская, или августинианская, и арминианская. Кальвинизм категорически придерживается тезиса о том, что Бог справедлив и, следовательно, то, что делается, справедливо. В этой обстановке с ее легкой апелляцией к невежеству не имеет большого значения, правильны ли события потому, что их совершает Бог, или Бог совершает их потому, что они правильны. При рассмотрении оказывается, что арминианство в значительной

степени является попыткой смягчить абсолютизм кальвинизма в определенных направлениях. Но эти бесконечные и, в основном, бесплодные богословские споры раскрывают искусственность догм, в рамках которых они ведутся. В конечном счете, это всего лишь хитроумные модификации и исправления первичных предпосылок религиозного мировоззрения. Я призываю любого разработать действительно надежную систему богословия, систему, которая была бы самосогласованной и актуальной для мира, каким мы его знаем. Я уверен, что это невозможно. Как изучающий этику, я с некоторых пор все больше убеждаюсь в том, что эти традиционные споры и способы подхода к человеческой жизни бесплодны и неуместны, потому что они не проливают абсолютно никакого света на человеческие проблемы, социальные или личные. Современная этика и теология перестали вести какую-либо подлинную коммерцию. Первая связана с такими науками, как биология, социология, психология и криминология; другая, по самой своей природе, ничего не может извлечь из этих наук. Этика конкретна и индуктивна. Теология абстрактна и дедуктивна.

Я не пытался излагать и критиковать многочисленные теодицеи, которые сконструировал беспокойный человеческий интеллект. Мистики учили, что зло - это иллюзия. Но иллюзии могут быть очень реальными; и уничижительный термин не меняет фактов. Идеалисты заявили, что то, что мы называем злом, только усиливает божественную гармонию, поскольку разумный диссонанс усиливает эффект симфонических сочетаний. Но этот эстетический аргумент вступает в противоречие с моральными отношениями. Несомненно, Бог не был бы настолько эгоцентричен. Таким образом, существуют веские возражения против всех изобретательных и глубоких извинений за ход событий. Но почему такие извинения считаются необходимыми? Просто и исключительно потому, что предполагается, что события находятся под контролем разумного, морального агента. Откажитесь от этого предположения, и проблема исчезнет.

Когда мы переходим от религиозного взгляда на мир к научному и философскому, на нас сразу же производит впечатление иная точка зрения. То, что было теоретическими проблемами самого абсолютного и неизбежного рода, перестает существовать. В то время как религиозный взгляд на мир достигает кульминации в попытке оправдать пути Бога к человеку, наука изучает систему вещей как данное целое, к которому все вопросы оправдания не имеют отношения. Мир таков, каков он есть, и категория ответственности неприменима. Зло становится практической и относительной проблемой. Не возникает и мысли о том, чтобы пытаться возложить ответственность на какого-то личного агента, который мог бы поступить иначе и не сделал этого. Человек - часть природы, хотя и самоуправляющийся организм, более или менее адекватно адаптированный к окружающей среде. И только потому, что он организм, он должен поддерживать себя перед лицом атак и непостоянных изменений. Он не может претендовать на освобождение от последствий катаклизмов, таких как землетрясения и торнадо, которые являются результатом нестабильного баланса физических энергий. Он погибает так же, как погибают звери и растения, когда его разум не в состоянии найти способ спастись от внезапной опасности. Другими словами, физическое зло является злом только потому, что оно причиняет боль человеку, который не хочет, чтобы ему причиняли боль. С объективной точки зрения зло и добро ни на йоту не отличаются друг от друга. Оба они являются причинными событиями, крещенными человеком в соответствии с его симпатиями и антипатиями. События хороши для него или плохи для него; сами по себе они ни хороши, ни плохи. Летом идет дождь не для того, чтобы питать растения; вместо этого растения получают питание и продолжают существовать благодаря дождю. Когда-то человеку было трудно признать этот имперсонализм. Он хотел найти объективную цель, сосредоточившись на своей карьере. Но он, наконец, начинает понимать,

что его воля к жизни и творчеству является источником всех ценностей. Природа - это то, что нужно использовать в своих собственных целях.

Нет проблем сложнее, чем ложные проблемы. Великое достижение - увидеть, что они ложны, потому что вытекают из ложного предположения. Уберите это предположение, и проблема, мучившая величайших мыслителей, растворится в воздухе. Проблема зла становится проблемой уменьшения зла путем покорения природы и подчинения ее человеку. Это проблема инженерии, прикладной химии, профилактической медицины, социального планирования. Человек должен стать хозяином своей судьбы с помощью своего интеллекта. Но насколько это отличается от обстановки, в которой существовал первобытный человек! Тогда человек был нуждающимся, боязливым, невежественным и беспомощным. Теперь он богат, изобретателен, уверен в себе. Приходит к тому, что человеку меньше вредят физические воздействия, чем он сам. Он освободился от своего окружения; теперь он должен освободиться от своих собственных страстей и ненависти. Он должен любить праведность и мир и избегать разногласий и всех форм несправедливости. Проблема зла стала социальной проблемой. Это задача улучшения с помощью интеллектуального управления.

Но одной науки никогда не будет достаточно, чтобы признать факт зла. Самые оптимистично настроенные люди, верящие в возможности разумного планирования и контроля, не отрицают, что трагедии всех видов по-прежнему будут происходить слишком часто. Будем надеяться, что станет меньше туберкулеза, меньше беспросветной нищеты, меньше несчастных случаев, которых можно избежать. Но будет ли меньше тайного разочарования жизнью, меньше уязвленной привязанности? В более здоровом обществе, которое находится в наших силах, больше людей будут жить счастливой и благородной жизнью, чем это было возможно в прошлом; но будут и различного рода нарушения. Люди будут стремиться контролировать жизни других, и этот контроль будет вызывать недовольство; друзья будут ссориться из-за воображаемых или реальных обид; влюбленные будут ссориться; возникнут недоразумения. Ни в одной из великих трагедий Шекспира не говорится о болезнях и стихийных бедствиях. Мотивы носят социальный и личный характер: ссоры соперничающих домов, старческая гордыня старика, честолюбие принцев, неверная любовь, приводящая к убийству. Мужчинам понадобятся сила духа и широкое сочувствие, чтобы справиться с ситуациями, с которыми они сталкиваются. И многие безнадежно потерпят неудачу в борьбе, в будущем, как и в прошлом. Но, с другой стороны, рядовые будут вести энергичную, деятельную жизнь, получая справедливую долю тех наград в виде успеха и дружеских отношений, которые подслащают усилия. Что еще можно сказать? Жизнь - это опасность, и мужчины должны смело идти на риск. Смелость со стороны актера сделает многое; сочувствие со стороны тех, кто рядом с ним, тоже сделает многое; но риск будет всегда.

ГЛАВА XIII

РЕЛИГИЯ И ЭТИКА

Какова была точная связь между религией и моралью в прошлом? Нуждается ли мораль больше в санкциях и сверхъестественном окружении, которые помогали поддерживать ее в другие дни? Это вопросы первостепенной важности, обсуждение которых должно пролить свет как на религию, так и на человеческую мораль. Стали ли человеческие ценности самоподдерживающимися и самооправдывающимися? Находят ли жизненные приличия достаточную почву в природе человека для их сохранения и приумножения? Или спасающая рука сверхъестественной благодати необходима для предотвращения деградации? Такие вопросы особенно актуальны сегодня, когда этика стремится построить себя на широком изучении человеческих инстинктов. Давайте попытаемся проникнуть под поверхность традиционных контрастов между плотью и духом — контрастов, которые скорее препятствуют, чем способствуют ясному анализу, — и обратим внимание на действительную основу духовной жизни в человеке. Чтобы сделать это, мы должны понимать человеческую природу так, как она проявляется в организованном обществе, здраво и спокойно, не ожидая ни слишком многого, ни слишком малого, и не пугаясь утверждений людей, которые построили свою жизнь вокруг традиционного теологического мировоззрения. Те, кто научился опираться на костыль или кто придал своему духовному опыту определенную форму, естественно, чувствуют растерянность, когда этому угрожает опасность. Возможно, это слишком мягко сказано, поскольку *odium theologicum* имеет репутацию, которая не может быть полностью незаслуженной. И все же, каким бы понятным ни был протест консерватора, его следует рассматривать в свете психологических привычек, которые он выражает. Вполне может быть, что новые времена и новые точки зрения принесут с собой новые привычки и новые формы для духовного опыта. Вполне возможно, что традиционные религиозные санкции постепенно утратят свое значение для нового поколения, рожденного в более социальной, гуманной и научной атмосфере. Давайте посмотрим, какие имеются указания на этот прогноз.

В древние времена религия была в основном общественным делом. У племени или государства были свои боги, которые защищали его от врагов в обмен на почитание и жертвы. Племенной бог был неотделим от своих почитателей. Бог без нации был почти в таком же тяжелом положении, как и нация без божественного покровителя. Как члены сообщества, люди, по отдельности и коллективно, должны были выполнять установленные церемонии, которые были приятны в глазах богов, и воздерживаться от действий, неугодных им. Боги и люди образовывали, так сказать, единое общество; и поэтому обычаи и ритуалы всегда получали грозную санкцию этих божественных сил. Легко понять, насколько естественно развивалось это мировоззрение. И не может быть никаких сомнений в том, что двойная санкция социальной группы и божественных свидетелей была выгодна в те далекие времена, когда человек был более импульсивным и менее рациональным, чем сегодня. Преступление было в одно и то же время преступлением и грехом или актом нечестия; и считалось, что ответственная связь индивида и группы настолько тесна, что считалось, что племя находится в опасности из-за поступков его членов. Боги были живыми существами, склонными к гневу и готовыми наказывать самыми ужасными способами. Предупрежденные этим знанием о ревности богов, соплеменники поспешили наказать обидчика, чтобы отвести божественный гнев. Таким

образом, санкции, применявшиеся к соблюдению обычаев, были как социальными, так и религиозными.

В этой ситуации были как плохие, так и хорошие стороны. В то время как это помогало обеспечивать соблюдение племенных законов посредством благоговения перед божественным свидетелем, которого невозможно было избежать, это имело тенденцию смешивать ценное с тривиальными вещами. Общество все еще было довольно иррациональным и с такой же вероятностью наказывало за нарушение случайных табу, как и за действительно серьезные нападения на общество. Общеизвестно, что религии придавали большее значение ритуальным обрядам, чем жизненно важным аспектам поведения. Великие еврейские пророки выделяются именно тем, что они подчеркивают человеческую мораль, справедливость, непорочность и любовь. Амос и Осия - социальные реформаторы, которые воспринимают своего национального бога как бога праведности, который отвернет свое лицо от творцов зла. Они угрожают своим соотечественникам его гневом, если те будут продолжать идти своими злыми путями. "Ищите добра, а не зла, чтобы вы могли жить; и так Господь, Бог Саваоф, будет с вами, как вы говорите. Ненавидь зло и люби добро, и установи суд у ворот". Таким образом, религиозная среда использовалась как рычаг для попытки этической реформы, когда возвышенный реформатор считал себя рупором своего бога. Но пророки были исключениями. Класс священнослужителей, который всегда строго придерживался традиционных способов мышления, подчинил этой впечатляющей санкции обычное множество неморальных поступков.

Борьба между священником и пророком, традиционалистом и этическим реформатором происходила в рамках религиозного мировоззрения, но конфликт был, в конце концов, чисто человеческим процессом. Пророки любили праведность, потому что знали, что это хорошо, потому что их отталкивала незаслуженная бедность и небрежное богатство, потому что они восхищались порядочностью жизни. Они не могли бы обосновать свои чувства так хорошо, как современный теоретик, но у них были эти чувства так же остро, как у сегодняшнего пророка. Когда мы читаем их замечательные речи, мы восхищаемся глубиной и интенсивностью их этической жизни. Но мы слишком склонны забывать, что социальная ситуация в Палестине была стимулом для их разоблачений. Они были достаточно благородны, чтобы чувствовать, что условия невыносимы, и было недалеко до того, чтобы поверить, что Яхве не потерпит их. У благородного человека всегда есть благородный бог. Вот почему бог Амоса благороден. Теологический взгляд переворачивает истинную причинно-следственную связь. Мораль - это всегда человеческая мораль, выражающая человеческую природу и человеческие условия. Человек может приписывать свои идеалы какому-то сверхчеловеческому источнику, потому что он убежден, что этот источник выбрал его в качестве своего истолкователя; но тот факт, что он думал и судил таким моральным образом, несомненен, в то время как его теория о том, что Яхве говорит через него, является всего лишь выражением религиозного взгляда на мир, распространенного в то время. Когда мы на мгновение останавливаемся, чтобы подумать, мы понимаем, что Амос и Осия были уверены, что их взгляды были одобрены их национальным богом. Не сделать этого было бы психологически гораздо более странным, чем идеалы, которые они отстаивали.

Помогло ли пророческое утверждение о том, что социальная справедливость была санкционирована Яхве, ее продвижению? Вероятно. Я не вижу причин сомневаться в том, что это в какой-то степени помогло - насколько, сказать невозможно. Поскольку требование было принято нацией, это помогло бы силам, работающим над реформами. Но религиозные санкции

гораздо более действенны, когда они ясны и детализированы, как показала история христианства. И мы должны помнить, что заявления пророков не всегда принимались. Религия обычно консервативна и более или менее конвенциональна. Ритуальный элемент играет значительную роль в религиозной морали. Изменить представления людей о Боге так же трудно, как изменить их представления о справедливости и добре. По этой причине я не уверен, что религиозная санкция имела большое значение для эволюции морали. Старая санкция используется даже чаще, чем новая. Моральные силы должны основываться на человеческой природе и человеческих отношениях, если они хотят доминировать в обществе и контролировать этические стандарты, которых требует общественное мнение. Наличие религиозных санкций просто затуманивает действие реальных факторов. Мораль, в конечном счете, никогда не может быть чем-то навязанным человеку извне; она должна выражать его жизнь и ее потребности.

Нельзя отрицать, что сверхъестественные санкции часто были очень эффективны для определенных типов людей в определенные анархические периоды. Средневековый барон-разбойник, легковверный и суевверный, временами сдерживался из-за страха перед наказаниями, которыми угрожала Мать-Церковь. Но то же самое относится и к грабителю, направленному на него из пистолета, даже если он не заряжен. В прошлом моральному кодексу, намного опережавшему время, несомненно, часто помогали религиозные санкции. Но глупо основывать свои теории на исключительных условиях. Мы должны помнить, что ситуация, с которой столкнулась христианская традиция после крушения политической и социальной жизни Римской империи, была ненормальной. Неспоконная масса варваров столкнулась с этикой и теологией свергнутой цивилизации. Нельзя слишком часто указывать на то, что эта ситуация была нездоровой во многих отношениях. Для народа нехорошо, когда ему навязывают моральные кодексы извне. Особенно плохо, когда кодекс во многих отношениях не соответствует природе человека в нормальных условиях. Аскетическое, потустороннее христианство исказило импульсы средневекового человека. И несомненно, что только религиозные санкции позволяли ему контролировать общество.

Мы видели, что религия и мораль шли рука об руку до тех пор, пока эволюция общества была здоровой и естественной. Часто происходила борьба за ритуальные и мифические элементы религиозной морали, но, как правило, гражданский тип морали одерживал верх. Религиозные санкции были применены из-за веры в божественные силы, заинтересованные в благополучии общества, но вскоре эти санкции перестали быть созидательными. Пока боги оставались, эти санкции обязательно сохранялись; однако они имели тенденцию становиться благожелательными и второстепенными.

Но христианство, в силу сил, действовавших во время его возникновения, питало порочные толкования морали. Отчаяние человеческой природы, которое мы отмечаем в писаниях святого Павла, окрасило мировоззрение христианской этики. Человек по своей природе зол; только действие в его душе сверхъестественной благодати может заставить его ценить то, что чисто и имеет хорошую репутацию. Нельзя слишком резко отвергать этот пессимизм. Человек не ангел и не дьявол; он просто человек. И современный мыслитель довольно хорошо убежден, что мораль - это чисто человеческое дело, вырастающее из инстинктивных тенденций, которые человек унаследовал в ходе эволюции по мере того, как они проявляют себя в различных ситуациях. Моральные проблемы бессмысленны вне рамок их решения на этой земле. Человек нравственен, потому что он может выносить суждения о поведении и решать, что наилучшим

образом способствует его благополучию. Он нравственен, потому что может выработать стандарты социального и личного поведения и придерживаться их более или менее полностью. Предположение, что человек аморален, психологически неверно. Аскетизм и пессимизм средневекового христианства были отражением ложных идеалов и нездоровой социальной системы. В требованиях, предъявляемых к человеку, присутствовал элемент напряжения. Духовная жизнь была задачей, которую он должен был выполнить, потому что она обладала сверхъестественной санкцией.

Но врожденный пессимизм большей части христианства был не единственным его недостатком. Оно научило людей полагать, что мораль не является чем-то, что окупается само по себе. Это настолько подчеркивало необходимость сверхъестественных санкций, что привело большинство к убеждению, что ни один человек не был бы хорошим, если бы не был вынужден, если бы он не боялся внешних последствий, которые ожидали его на суде. Но насколько ложен такой взгляд. Сегодня мы знаем, что нравственность окупается здесь и сейчас, в виде счастливой, здоровой, полноценной жизни. Любая другая точка зрения делает мораль иррациональной и неестественной и, следовательно, зависимой от санкций, которые опираются на волю некоего агента, помимо этой конкретной жизни действий и фактов. Выражая эту критику техническим языком этики, христианство склонно рассматривать поведение в терминах гетерономной этики, *то есть*, в терминах предписаний и законов, приходящих извне человеческой жизни и навязываемых ей авторитетом, а не в терминах автономной этики, для которой идеалы и обычаи являются мудрым приспособлением к естественным отношениям, в которых находится человек.

Это предположение о том, что мораль - это трудность, сыграло на руку юридическому понятию санкций за поведение, грандиозную возможность для которого предоставила концепция бессмертия. Смерть ускользает от руки общества, но смерть не дает грешникам спасения от разгневанного божества, которое они оскорбили. Здесь используется мотив страха. Человеческие существа должны быть напуганы, чтобы стать хорошими. Мораль находится в обороне, потому что в ней нет настоящего очарования и естественной привлекательности, потому что она не вырастает из рационального изучения человеческих отношений.

Насколько трагически ошибочной была эта точка зрения! Ее существование можно объяснить только как проявление плохо организованного общества, в котором импульсивное насилие недостаточно контролировалось. Сверхъестественные санкции могли быть использованы для сдерживания могущественных злоумышленников в менее счастливые времена. Общество переросло эту потребность. Суды общей юрисдикции и возмущенное общественное мнение вполне способны иметь дело с преступниками. Если причиной наказания является предотвращение, то, безусловно, верно, что наказание со стороны общества с большей вероятностью будет эффективным, чем отсроченные страдания в будущей жизни, из-за его непосредственности и способности повторяться. Но очень сомнительно, является ли страх моральным мотивом или же он является очень эффективным средством устрашения. Социальные мыслители согласны с тем, что наказание - это в лучшем случае очень неуклюжий метод. Это не свидетельствует о наличии очень конструктивного воображения.

Ад всегда был увеличенной камерой пыток. Это было отражением на гигантском фоне загробного мира карательных идей того времени. Вот почему это всегда было интереснее, чем рай. Человек боялся создать социальную утопию из рая, потому что он воспринимал его как

царство, в котором ему предстояло играть очень второстепенную роль, в то время как он был совершенно уверен в своей значимости в аду. Но болезненные результаты его фантазий были трагичны по своим последствиям, когда они были связаны с такими отвратительными доктринами, как проклятие младенцев и вечное наказание за неверие в определенное вероучение. Какие искаженные этические представления, какая смесь ужасного страха перед мировым тираном и черствого восторга от наказания других раскрывается в этих картинах места вечных мук! Слава богу, цивилизованный мир перерастает весь этот дикий набор идей.

Прежде чем мы оставим эти юридические религиозные санкции, возможно, было бы неплохо привлечь внимание к тому факту, что теории наказания радикально изменились за последнее столетие. Цель современного правосудия заключается не столько в поддержании величия нарушенного закона, сколько в защите граждан государства и изменении характера преступника. Преступность изучается генетически и, насколько это возможно, определяются ее условия. Хорошо известно, что преступники являются продуктом биологических и социальных условий, которые они практически не контролируют. Современным идеалом становится профилактика посредством улучшения социальной организации и негативной евгеники. Здоровые и дееспособные люди в приличном обществе вряд ли стали бы преступниками. Я не вижу, как мы можем избежать вывода о том, что более здравая пенология настоящего полностью подорвала всю правовую основу загробного мира. Человеческая этика и сверхъестественная этика эсхатологического толка не могут быть согласованы друг с другом. Место и мотивы преступления не могут быть отнесены к одному миру с особыми условиями этого мира, а наказание назначено в другом. И окончательное наказание - это настоящий абсурд. Является ли наказание самоцелью? Неужели злые люди такие безнадежные создания? Или это просто означает, что люди никогда раньше не задумывались о таких вещах, как бессрочные наказания и перевоспитание? Заключенных увозили, и после этого их никто не видел. Наказание и награда были легкими делами в старые времена, когда правосудие было внешним и основывалось на терроризме; сегодня мы видим, что это самая сложная из проблем. Окончательные решения всеведущих судей кажутся нам романтическими и даже мелодраматическими. Опять же, мы сомневаемся в таком легком разделении нашего смешанного человечества, как разделение на святых и грешников. Мы острее и демократичнее видим хорошее в самых непривлекательных наших ближних. Мы знаем, с чем он сталкивался с детства, каковы были его шансы, искушения, радости и печали. И у нас есть глубокое убеждение, что призрачный суд после смерти был бы абсолютно бессмысленным.

В предыдущей главе мы указывали, что вера в бессмертие и стремление к нему сильнее в периоды социальной дезорганизации, чем в периоды заметного социального единства и счастливого творчества. Христианство возникло как раз в такое время пессимизма и подавления общественной жизни. Римская империя лишилась радостной надежды и энергичных устремлений. Гражданин был всего лишь единицей в унылом и монотонном целом, управляемом сверху. На протяжении всего Средневековья что-то от этой подозрительности к миру, от этого стремления к освобождению от земных вещей окрашивало интересы и суждения более духовно мыслящих мужчин и женщин. Неизбежным этическим результатом стало игнорирование подлинных человеческих проблем и напряженное возвышение установок самоконтроля и отрицания. Дисциплины стали самоцелью, которая отвергала всякую связь с повседневной жизнью. Направление этической жизни уходило от творческой деятельности и заботы о более бытовых вещах в сторону абстрактного созерцания идеалов, редко проверяемых на позитивное применение. Религиозный уклад жизни отвлекал человеческие энергии от их

законной и плодотворной сферы деятельности и направлял их на задачи самоанализа и непрестанной самокритики. Такой подход к жизни породил людей, которые стали святыми, людей бескорыстных и достойных восхищения почти во всех отношениях; но эта святость росла за счет значительных человеческих достижений. Это было так, как если бы люди ковали великолепные инструменты и не знали, как ими пользоваться. Прискорбно во всем этом то, что это средневековое мировоззрение побуждало людей к душевным переживаниям, которые смотрели скорее в сторону от арены человеческой жизни, чем в нее саму.

Но религия лишь раскрывала то, чем обладала сама природа человека. Эти способности к сочувствию, любви, постоянной самодисциплине и преданности идеалам были естественны для человека. Основным недостатком средневековья была неспособность видеть ценность человеческих поступков и гипнотическая фиксация ума на нереальных отношениях и требованиях. Современный человек восхищается этими затворническими святыми и в то же время ощущает трагедию и тщетность этой доброты, которая истощала себя в бдении и молитве. Человеческая цена этой добродетели была так высока, а ее объективное применение так невелико. Только как художник я могу получать удовольствие от чтения *Молитв и размышлений* Томаса Кемписа. Когда я не в таком настроении, меня отталкивает картина этого бледнолицего монаха в его келье, сдерживающего все свои естественные порывы мыслью о награде в раю после смерти. Добродетель заключалась в достижении цели, поставленной его Создателем по причинам, которые ему и в голову не приходило подвергать сомнению. "Когда я устану от долгих ночных бдений или Уроков, возможно, дольше обычного, дай мне милость вспомнить, как велика награда на небесах, которую у меня теперь есть шанс получить. Когда пройдет много дней воздержания от пищи и питья, дай мне силу поститься и крепкое здоровье, чтобы я мог продолжать свою работу; дай мне прощение за грехи, которые я совершил, не дай мне снова впасть в них, избавь меня от наказания, которого они заслужили, и дай мне хорошую надежду на вечное счастье с избранными в Царстве Божьем". Мы чувствуем, что эту этическую энергию следовало бы использовать иначе и на благо людей. Лучше Фома Кемпийский, чем человек, помешанный на богатстве и похотях плоти; но гораздо лучше и того, и другого - здравомыслящий работник, работающий на вещи с хорошей репутацией. Его доброта - это социальная доброта, которая делает жизнь счастливее и полнее занятий и достойных внимания вещей.

Традиционная религия не только, достаточно часто, была антисоциальной, но и морально неэффективной. Почему? Потому что из-за этого возникло слишком много напряжения и слишком мало разума. Вместо того чтобы указывать на то, что мораль окупается, потому что это всего лишь применение интеллекта к человеческим потребностям, она устанавливала перед людьми стандарт моральной дисциплины, а затем стремилась подтолкнуть их к его достижению одной лишь силой воли и субъективно вызванных эмоций. Современный этический мыслитель убежден, что мораль - это всего лишь гармоничное приспособление индивида к своей социальной группе; это разумное предвидение, которое выбирает активные ценности, привлекающие и выражающие природу человека.

Это довольно слепое напряжение традиционной религии совершенно отчетливо проявляется в концепции греха. Основа этой идеи была монархической и террористической. Он вдохнул атмосферу резких, мистических контрастов, которые были столь же нереальными, сколь и порочными. Ставить слишком высокую цель психологически почти так же плохо, как ставить ее слишком низко. Христианство смутно ощущало этот изъян в своей драматической этической

схеме и было вынуждено выдвинуть на первый план доктрину о спасительной благодати Бога, чтобы преодолеть страшную пропасть, вызванную противопоставлением совершенства Бога несовершенству человека. Но современный человек, искренний с самим собой, знает, что эта религиозная мировая этика - бессмысленная фикция. Он может понять, почему он возник в незапамятные времена с его сверхъестественностью и юридической этикой, и все же он чувствует, что этот абсолютизм является продуктом монархизма и доэволюционного мышления. Доброта - это человеческий идеал, содержание которого постоянно меняется, в то время как оно находится за пределами досягаемости человека. Тогда я должен признаться, что мне не очень нравятся грубые преувеличения, связанные со словом "грех". Я знаю, что мне часто не хватает моего лучшего морального суждения, и в такие моменты морального прозрения я испытываю острое сожаление и пытаюсь усилить те тенденции и действия, которые помогут мне добиться большего успеха в следующий раз. Но я знаю слишком много о личности с ее биологической, психологической и социальной сторон, слишком много о ее сложности и основаниях, чтобы сохранять старое представление о себе как о сущности, которая, обладая способностью быть богоподобной, выбирает зло. Богом Павла был восточный монарх; для современного человека он хам. Да ведь ни один разумный учитель не требует от своих учеников невозможного! И все же эта странная связь, которая, как предполагалось, существовала между всемогущим божеством и его хрупкими созданиями, будучи усилена горизонтом другого и вечного мира, неизбежно должна была развиться в самое напряженное и парализующее отношение. Ни один роман не смог раскрыть сюжет, обладающий такими психологическими возможностями. И болезненное и экзальтированное религиозное воображение воздало им более чем должное. Хотя я ни на минуту не отрицаю силу и рычаги воздействия, которыми обладает этот ансамбль идей, когда присутствует вера, я утверждаю, что все это творение нездорово и ослепляет и предполагает неэффективность в отношении реальных и неотложных проблем личного и социального развития. У священнослужителя редко бывает нормальная точка зрения. Возьмем, к примеру, кардинала Ньюмана. Можно ли отрицать, что эта утонченная личность, несмотря на все свои дары, внесла искажающие ценности в течение жизни? Такой человек, несомненно, неправильно истолкует движения и деятельность и преувеличит субъективное в ущерб социальному. Индивид, который отождествляет себя с социальными проектами, способными мобилизовать его энергию и энтузиазм, более склонен забывать о мелких сиюминутных интересах в широком размахе творческих усилий, чем человек, который болезненно катехизирует свою совесть. Формальная мораль, которая смотрит внутрь, а не вовне, обречена на неэффективность. Напряжение - неподходящая замена разумному пониманию.

Многие теологи предполагают, что у этики есть выбор только между опорой на некую сверхъестественную силу в своих санкциях и своего рода суровым и надменным стоицизмом, при котором индивид остается один и одной лишь силой воли устанавливает и поддерживает идеалы, чуждые его природе. Ошибочность такого предположения нетрудно обнаружить. Благодаря своему воспитанию в аскетических традициях христианства с его молчаливым согласием на доктрину первородного греха, богослов знакомится с искаженным представлением о человеческой природе и человеческих отношениях. Хотя человек - сложное существо со множеством инстинктов и возможностей для эффективной и прогрессивной

адаптации и организации, было бы клеветой утверждать, что эти инстинкты являются злом или что человек в целом не вполне удовлетворительно соотносит их с планом жизни. Человеческая природа более приятна и разумна, чем допускает аскет; человек способен к героическому идеализму и далеко идущим симпатиям, которые выражаются в формах общества. На самом деле, надменный стоицизм, о котором религиозный писатель говорит с такой жалостью, как о единственной альтернативе сверхъестественным отношениям и санкциям, является продуктом социальных потрясений, когда взвинченный индивид замыкается в себе. Сегодня люди живут и мыслят группами, с общими надеждами, стандартами и планами. Их совесть - это общественная совесть, которая находит поддерживающий отклик в поступках и чувствах их товарищей и коллег по работе. Именно сверхъестественный человек в глубине души является эгоистом. Даже мистер Уэллс настолько одержим этой антисоциальной точкой зрения, что он фальсифицирует как психологию, так и факты в своей тираде о здравомыслящем работнике во имя человеческих ценностей. Никто, кто знал элементы современной этической мысли, основанной, как она есть, на эволюционной социальной психологии, не согласился бы со следующей бессмыслицей: "Доброжелательный атеист полагается только на свою собственную добрую волю, без ориентира, без стандарта, доверяя своему собственному импульсу к добру, полагаясь на свою собственную моральную силу. Определенная нескромность, определенная самоправедность нависают над ним, как пропасть.... У него нет никого, кому он мог бы отдать себя. У него нет источника силы, кроме его собственных дружелюбных чувств, его совесть говорит неподдерживаемым голосом, и никто не следит за ним, пока он спит. Он не может молиться; он может только извергать семяизвержение. У него нет реальной и живой связи с другими людьми доброй воли". Конечно, можно писать такие вещи, если захотеть. Но социальный реформатор знает, что его проблемы - это человеческие проблемы, решение которых зависит от чувства симпатии, просвещенного и направляемого разумом. Те, кто стремится к наступлению лучшего дня для человечества, объединяются так же естественно и преданно, как всегда это делали верующие во второе пришествие Христа.

Часто делается замечание о том, что современный мир стремится вернуться к греческому взгляду на жизнь. Если под греческим взглядом на жизнь понимать мировоззрение, характерное для греков классического периода — эпохи Платона, Перикла и Софокла, — то в этом суждении много правды. Человеческие ценности снова занимают первостепенное место в сознании людей. Эта жизнь - не пребывание в юдоли слез, а сцена попыток социально мыслящих, сознательных организмов достичь умеренного и достаточно счастливого существования. Но прошедшие столетия не прошли бесследно; нравственный горизонт человека был как углублен, так и расширен. С тех безмятежных дней человек вкушал от древа добра и зла, он сражался с призрачными чудовищами и годами блуждал в пустыне беспомощности и пессимизма, он поклонялся в святилище чужим богам и падал ниц перед ужасами собственного воображения. Постепенно он научился выпрямляться, оглядываться по сторонам и видеть мир и самого себя такими, какие они есть на самом деле. Знание стало его самым надежным инструментом, а демократическое сочувствие к человеческой жизни - его самым дорогим проводником. С таким проводником и с таким инструментом он вскоре приступит к построению своей жизни в соответствии с теми более мягкими идеалами, которые выросли в его сердце за время его долгого паломничества. Наконец-то человек становится взрослым, способным твердо стоять на ногах и зорко смотреть вокруг, оценивая вещи такими, какие они есть. Разве он не будет работать ради сладких плодов тех человеческих ценностей, которые дороги самой его душе, — дома, детей, доброжелательного общения в обществе,

работы, дающей самовыражение, искусства, знаний, удовлетворения, - всего того, что наполнено энергией здорового тела и спокойным ночным сном? Человек, несомненно, начнет сильно желать, великолепно достигать и жить мужественно.

Теперь, когда этическая деградация промышленной революции остановлена и общество отвернулось от грохота массового производства ради него самого, теперь, когда этическая рефлексия объединилась с разумом и наукой в здравом реализме, теперь, когда сочувствие распространилось по стране, теперь, когда демократия с ее концепцией человеческого братства распространяется по всему миру, этика обеспечила прочную основу для свободных устремлений свободных людей. Если благородный характер и рациональное поведение не могут сохраниться в таком обществе, то богослов может с полным правом сказать, что человек порочен от природы. Но настоящее - это время растущей приверженности общему благу и энергичного поиска эффективных средств для достижения этого в большей степени. Великие духовные приключения будущего, несомненно, будут человеческими.

ГЛАВА XIV

ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ—КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Даже беглый взгляд на институциональную историю христианства поучителен. Начавшись как по сути демократическое братство единоверцев, в котором делами руководили мудрость и опыт, а не авторитет, христианская община постепенно приняла политическую форму общества, в которой она оказалась. Сами имена церковных чиновников, о которых мы читаем в более поздних канонических посланиях, заимствованы у муниципальных властей того времени. Пресвитеры, или старейшины, были стариками, избранными по общему согласию членов общины в качестве своего рода консультативного совета. Это были члены комитета, обладающие большим опытом и способные разумно подходить к различным проблемам, которые, несомненно, время от времени возникали в социальной группе. Из числа этих старейшин избирались надзиратели, или епископы, которые выполняли административные функции неопределенного рода. Помимо этих должностных лиц, были дьяконы, пророки и учителя, люди, которые принимали более или менее заметное участие в жизни братства.

С течением времени христианские общины приобрели более формальную организацию, эволюция которой была вызвана напряжением проблем, которые невозможно было решить без более централизованной структуры. Постоянно возникали новые ереси, приводившие членов церкви в замешательство; постоянно возникали моральные расстройства, подобные тем,

против которых гневался Павел. Членам неорганизованных групп было слишком легко упустить то чувство общности взглядов, которое так важно и в то же время так трудно поддерживать в эпоху интеллектуальных и моральных потрясений. Эта ситуация была понята лидерами, у которых были собственные взгляды на то, каким доктринам следует обучать и какому образу жизни следовать. Под их руководством произошла централизация власти. Епископ стал главой общины, обладающим властью в вопросах доктрины и морали. Естественно, главы более важных общин, Рима, Антиохии, Александрии и Константинополя, обладали авторитетом, который придавал их мнениям различный вес. Вскоре для решения вопросов доктрины были созваны соборы епископов. Наступил период фиксированных вероучений. Как только это направление было выбрано, не потребовалось много времени для формирования церковной организации, сравнимой по сложности с Римской империей и столь же недемократичной по своему характеру. Такое развитие событий было самым естественным; и это было бы, действительно, удивительно, если бы этого не произошло. Институты всегда несут на себе отпечаток своей эпохи. Глупо, потому что неисторично, ожидать идеалов от своего времени.

Первобытное христианское объединение было больше, чем церковь в современном смысле этого слова. Это была лояльная группа единомышленников. Это было государство в государстве, социальная единица, доминирующая в основной части жизни своих членов, а не просто центр поклонения. Именно этот аспект ранних религиозных объединений я хочу подчеркнуть; ибо я хочу исследовать вопрос, существует ли еще эта фаза церкви, чтобы оправдать ее как институт.

В огромном одиночестве Римской империи люди чувствовали необходимость сплотиться, чтобы спастись от уныния жизни. Изобилующие интересы и глубокая лояльность старого города-государства исчезли, оставив людей застрявшими в космополитическом государстве, заказанном сверху, в котором они не принимали жизненно важного участия; оно было слишком огромным и формальным, чтобы затронуть их лично и разжечь тот энтузиазм, который поднимает людей над экономическими заботами. Быть римским гражданином было хорошо, но такой чести было недостаточно для более бытовых нужд повседневного существования. Во времена афинского величия личность терялась в гражданине; в Римской империи гражданин терялся в личности. Человек — общественное животное, если воспользоваться известным выражением Аристотеля, и жители разных стран стремились создать различного рода ассоциации, чтобы заполнить этот пробел, вызванный разрушением старых политических интересов. Другими словами, мужчины пытались соткать новую социальную ткань частного типа, чтобы удовлетворить свою жажду общения и возможности сделать что-то стоящее. Уберите из современной жизни деловые, художественные, политические, профсоюзные, литературные и социальные интересы в их нынешней свободной и разнообразной форме, и мы сможем получить некоторое представление о неудовлетворительности человеческой жизни при Империи для низших и беднейших классов. Какой бы монотонной ни была сегодняшняя деревенская жизнь, в ней кипит жизнь по сравнению с деревней или многоквартирным районом древних времен. У фермера есть его газета, у жены фермера — журнал, и пианино, и поездка в город. Неудивительно, что эти мужчины и женщины эллинистического и римского миров создавали клубы и ассоциации, в которых спасались от удручающего одиночества и чувствовали себя членами друг друга.

Но Империя попыталась искоренить эти братства, чтобы они могли быть единым целым и получать лояльность и привязанность, которые вызывали эти частные организации. Древнее

государство было неспособно постичь то разделение интересов на общественные и частные, которое является столь характерной чертой современной цивилизации. Как указывает Ренан, Империя "пыталась, из уважения к преувеличенной идее государства, изолировать индивида, разорвать все моральные узы между людьми, подавить законное желание бедных, желание прижаться друг к другу в своем маленьком уголке, чтобы согреть друг друга. Невыносимая печаль, неотделимая от такой жизни, казалась хуже смерти". Ассоциации, или клубы, в которых царило полное равенство, возникали со всех сторон, несмотря на законы, запрещающие объединение. Были установлены человеческие отношения самого доброго и интимного рода, которые подслащивали жизнь и делали смерть менее одинокой. Теперь христианские общины были именно такими объединениями; в то время как они добавляли религиозные эмоции и надежды к привлекательности дружеского общения. Они были социальными единицами скромного и спонтанного типа в формальной структуре Империи. Они оправдывали себя как по-человечески, так и сверхчеловечески. Адекватную психологию религии еще предстоит написать. Религия всегда имела ярко выраженную социальную сторону.

На фундаменте этой объединенной социальной и религиозной функции была возведена надстройка Церкви, подобно тому как на политической природе человека возник греческий город-государство. Вероучение и иерархия были неизбежными продуктами, появление которых можно было предсказать, но они выражали определенную растущую громоздкость и замедление мышления и действий массы людей. Отныне одной из их религиозных обязанностей было фанатично верить в то, что провозглашали епископы и соборы, и повиноваться советам своих начальников в вопросах поведения. Таким образом, христианство стало религией авторитета. Мы не должны чрезмерно идеализировать первых христиан — чтение посланий Павла помогло бы нам уберечься от этой тенденции, — но дух первобытных общин был, вне всякого сомнения, благороднее того, что характеризовало толпы Александрии и Византии. Например, чтение "*Ипатиу*" очень способно умерить чей-либо энтузиазм. Мы должны помнить, что барьеры для приема были снижены по мере того, как христианство становилось могущественным и популярным. Отбор, который является одной из наиболее привлекательных черт нового движения, больше не действовал. Именно в этот период христианство развило свой *культовый* аспект. Это стало религией воображения, чувственности, а также воли и интеллекта. Древнее искусство и литургия внесли свой вклад, и христианство переместилось из катакомб в базилику и кафедральный собор.

По мере примирения Церкви и государства был заполнен ранний разрыв между общественной и частной жизнью. Религиозные интересы и связанные с ними обязанности соединились с интересами светской жизни. Для массы людей, которые не отдавали себя религии так интенсивно, как это было свойственно духовенству, христианство просто навязало новую расстановку социальных отношений и ценностей. Идеалом была управляемая церковью цивилизация, в которой загробный мир затмевал этот. Что касается обычной жизни, однако, вскоре было достигнуто практическое приспособление. Жизнь была прожита достаточно обычным образом, и компромисс уравнивался действенностью таинств, совершаемых служителями авторитетной Церкви, продолжением воплощения на земле.

На хаотичном Западе, захваченном варварами, общество утратило свою древнюю форму и стало стратифицированным в соответствии с децентрализованным военным режимом. Сильно организованная интернациональная Церковь сохранила себя и увидела возможность реализовать свой идеал, цивилизацию или порядок, управляемый самой собой и послушный

религиозным ценностям. Разве наместник Бога не должен править на земле и сделать божественный закон законом народов? В конфликте между Римской церковью, реорганизованной Гильдебрандом, и Священной Римской империей мы имеем поразительный пример той постоянной борьбы между сверхъестественным и светским, столь характерной для христианского мира. Если бы императоры не обладали какой-либо религиозной санкцией для своих притязаний и авторитета, они были бы полностью отвергнуты папами. Именно рост снизу национальных и общечеловеческих интересов и более разнообразной и стимулирующей социальной жизни в конечном счете привел к поражению политических целей Церкви. Гуманизм всегда процветает, когда царят мир и довольство, а гуманизм - самый смертоносный враг, с которым приходится сталкиваться сверхъестественному. Таким образом, традиция Римской империи господствовала над светской властью до тех пор, пока возвышение сильных наций с особыми обычаями, языками и лояльностью не перестало делать имперские и теократические устремления Церкви практическими. Но мы никогда не должны забывать, что эти устремления средневековой Церкви были естественным следствием религиозного мировоззрения. Если человек всего лишь пришелец здесь, проходящий свои испытания для будущей жизни, кто может быть лучшим проводником во всех делах, чем божественный институт, установленный самим Богом? Центр тяжести жизни человека находится за пределами этого мира.

Но социальные тенденции и отношения всегда более сложны и неконтролируемы, чем теория или доктрина желает допустить. Человеческие ценности имеют свойство заявлять о себе самыми неожиданными способами. Сам акт жизни заставляет человека чувствовать и достигать, стремиться к тому или иному, вступать в теплые человеческие отношения, которые приводят к амбициям и желаниям. Таким образом, несмотря на официальное и общепринятое отрицание человеческих ценностей, они возникали при малейшем поощрении и расцветали в обычаях и искусстве. Таким образом, даже в средние века общественная деятельность имела свои особенности и изрядную долю внимания. Люди любили, и грешили, и сражались, и мечтали так же, как они делали в прежние времена и делают сейчас. Мысль о другом мире только смягчала моменты их размышлений и углубляла периоды раскаяния. Более того, есть веские основания полагать, что мужчины чередовали крайности настроения чаще, чем мы это делаем сегодня с нашим устоявшимся кругозором. Средневековое мировоззрение не благоприятствовало той спокойной умеренности, которой греки достигали в свои самые счастливые дни.

С ростом городов и национальных государств произошло возрождение образования и новый интерес ко всем сферам человеческой жизни. Полный контроль над человеческой жизнью со стороны сверхъестественной религии больше не был даже теоретически возможен. Жизнь стала интересна сама по себе, чем-то, чем можно откровенно наслаждаться. В мире снова появился гуманизм.

Но Церковь обладала широтой организации, которая выходила далеко за рамки чисто религиозных функций, которые протестантизм склонен связывать с этим институтом. Внутри этой социально гибкой организации возникли монашеские ордена, идеалы которых менялись от эпохи к эпохе. Основывать промышленность, расчищать землю, проповедовать благородство труда и развивать торговлю, ухаживать за больными, основывать школы и

университеты, раздавать милостыню, оказывать гостеприимство путникам, развивать искусство и литературу - вся эта деятельность выросла из инициативы благородных людей, которые сочли атмосферу или объединения организованного христианства благоприятными для их начинаний. Именно под покровительством религии проявлялись более тонкие аспекты морали. Светская жизнь не обладала стабильностью или органами, адекватными задачам социальной этики. Какое бы новое движение ни появлялось, оно естественным образом вступало в контакт с Церковью, даже если Церковь не была уверена, что с этим делать. Иногда эти жизненно важные движения, в которых проявлялся этический идеализм редкого типа, почти угрожали существованию иерархического органа, контролировавшего организацию, через которую они должны были работать. Такова была ситуация, сложившаяся в результате распространения идеалов нищенствующих орденов XIII века. Такой случай заставляет нас осознать, что общественная жизнь того времени была творческой, и что это творчество с трудом удавалось удерживать под контролем официальной Церкви; однако органы, которые были необходимы для применения этих идей и энтузиазма, формировались в соответствии с церковными институтами, потому что никакой другой модели под рукой не было. Светская жизнь была слишком узка, чтобы оказывать финансовую поддержку или предлагать рекомендации. Так долго было принято отводить моральное поле религиозным институтам.

Несмотря на скрытую критику мирского духовенства, которая обнаруживается историками позднего Средневековья, социальные движения, связанные с инкорпорированным христианством, были достаточно жизненно важными, чтобы оправдать существование Церкви. Он действовал как традиционный центр филантропии, и его огромное богатство сделало эту организацию реальной силой среди бедных. Но другие связанные с этим функции постепенно отделялись от своей первоначальной связи и пускали корни в светской жизни того времени. Вместо городов-соборов, сгруппированных вокруг собора и епископского дворца, торговые города выдвинулись вперед как по богатству, так и по значимости. Богатый торговец или банкир соперничал в богатстве с церковником. Искусство и литература перешли из рук Церкви к мирянам. Этот процесс был очень постепенным, но устойчивым и настойчивым. Ко времени реформации он был в самом разгаре. В рамках феодализма и средневековой Церкви формировалось новое общество, гораздо более сложное, чем старое, и полное потенциальных возможностей, которые мы только сейчас начинаем оценивать. Промышленность, торговля, географические открытия, национальная литература, гильдии, муниципальные органы управления, суды, наука, светское искусство, философия - все это присутствовало либо в зародыше, либо в полном расцвете. В плодородной и бесстрашной жизни, возникшей в результате взаимодействия этих тенденций и видов деятельности, родились новые идеи и ценности, которые вскоре нашли или создали соответствующие органы для их выражения помимо Церкви. Как бы Мать-Церковь ни старалась, она не могла прикрыть их своими крыльями. Многие из этих занятий были чужды ее гению, и по мере того, как они набирали силу и уверенность, она смело выходила на арену светской жизни.

Достаточно провести широкий обзор современного общества, чтобы понять, насколько полно светская жизнь нашла средства для выполнения функций, которые раньше выполняла Церковь. Сам контроль, который Церковь хотела осуществлять, отталкивал их и гнал в мир с его свободой и терпимостью. Свободные ассоциации, индивидуальная предприимчивость, творческий пыл гения, а позже и государственная политика сотворили чудеса в преодолении скудости светской жизни. Образование сейчас стало почти всеобщим, и поэтому массы живут жизнью, которая затрагивает мириады интересов, о которых они никогда не знали в другие дни. Искусство

расширило свои рамки и теперь волшебными пальцами касается всех сторон человеческой жизни, природа и человек благодаря ее творчеству поднимаются на более высокий духовный уровень. Наука проникла во все части природы и пролила преобразующий свет на все сущее. Философия оставила старые схоластические концепции и объединилась с наукой, чтобы объяснить мир, в котором мы живем. Благотворительность уступает место более широкой концепции социальной справедливости. Короче говоря, старое разделение жизни на две сферы, земную и духовную, больше не имеет своего прежнего значения. Духовное нашло пристанище в повседневной жизни человека, в его чтении, его искусстве, его мышлении и поступках. *Везде, где есть подлинные ценности, есть и духовное. Разве верность этим духовным ценностям человеческой жизни не становится единственным смыслом религии?* В силах ли учреждение, все еще находящееся во власти верований, враждебных этому откровенному гуманизму, лелеять духовную жизнь настоящего и направлять ее развитие? Это вопрос, который я задаю себе, когда размышляю о Церкви. Разве свободная жизнь современности не переросла какой-либо централизованный и институционализированный контроль?

Сегодня идеи и энтузиазм находят свое воплощение в изобилующем светском мире. Моральный идеализм чувствует себя как дома на земле в товариществах и привязанностях, в которых люди открывают большую часть смысла своего существования. Пульс общества бьется в такт песням его истинных поэтов и трепещет от призыва к битве за какое-нибудь благородное достижение, в то время как Церковь мечтает о прошлом и днях своего величия или нежно склоняется, чтобы утешить тех, кто цепляется за ее санкции и ее видение небесного царства, а не этого мира. Она сыграла свою роль, и сыграла великолепно — это мы должны признать, даже указывая на ее нынешнюю ограниченность, — но мир вышел из-под ее опеки и смело устремляется в те сферы, куда она не может заставить себя последовать. Так оно и есть, и так было всегда — институты и идеи имеют свой период полезности, когда они служат организующими центрами социальных тенденций; но неизбежно наступает время, когда они теряют свою творческую силу и перерастают ту жизнь, которая их создала и которая больше их. И все же надежда есть. Осознает ли свергнутый монарх неизбежность массовой революции, которая бушует вокруг него, и откажется ли от своих чрезмерных притязаний, добровольно согласившись играть меньшую роль в полной гармонии с духом времени? Это добровольное отречение еще не наступило. Но когда-нибудь в будущем новая приверженность, несомненно, проникнет в Церковь и подготовит ее к великой жертве, в которой она найдет свое спасительное служение. Модернизм может позволить себе терпеливо ждать, пока время будет на его стороне.

ГЛАВА XV

ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ—ПРОТЕСТАНТИЗМ

Подъем протестантизма был следствием многих факторов, которые временно объединились и работали в одном направлении. Есть те, кто утверждает, что это была несчастная случайность, отбросившая колеса прогресса назад на несколько сотен лет. Но те, кто оплакивает разделение христианской Церкви, забывают, что разделение - это признак несовместимых тенденций внутри тела, недостаточно гибкого, чтобы сдерживать их. Борьба иррациональна только тогда, когда мы перестаем быть реалистами. Появление протестантизма в шестнадцатом веке - лишь один из многих примеров неадекватности какого-либо одного института пониманию жизни своего времени. Если бы мы составили список ересей прошлого, имен, которые появились бы в этом списке, было бы гораздо больше, чем популярных исторических записей. Только потому, что христиане верили, что обладают истиной в последней инстанции, они были нетерпимы и подвергались преследованиям. Естественное желание организации сохранить себя и свои интересы в неприкосновенности усиливало эту прискорбную характеристику. Но трагедия ситуации заключалась в том, что эта окончательная истина не могла быть подтверждена апелляцией к опыту и разуму. Поэтому пришлось прибегнуть к насилию. Логика откровения - это логика *аутодафе*. Логика науки - это логика проверенного факта. Наука может надеяться на согласие; теологическая религия не имеет права на такую надежду.

Протестантизм имел свои этические, политические, экономические и доктринальные стороны. Это было не просто религиозное движение. Если бы это было так, то оно с большей готовностью могло бы развиваться как реформаторское движение в рамках институциональной жизни того времени. Если бы северные народы обладали большей властью на церковных соборах, вполне возможно, что перемены произошли бы без открытого разрыва. Но Церковь была слишком централизована и слишком богата, чтобы избежать конфликта с растущим национализмом. Однако для нашей нынешней цели это более широкое социальное окружение протестантизма не важно. Что мы хотим изучить, так это религиозные тенденции, охватываемые этим термином. Какой прогресс они содержали? В чем была слабость движения?

Установка протестантизма была полностью сверхъестественной. Что касается фундаментальных доктринальных допущений, то между католиками и протестантами практически нет разницы. Протестантизм представлял собой реформу, а не революцию. Или, выражаясь более глубоко, природа человека такова, что настоящие революции требуют столетий роста и приходят подобно вору в ночи. Современный научный взгляд на мир революционен в философском и истинном смысле этого термина, в то время как острый сектантский конфликт - это всего лишь битва из-за второстепенных вещей. Поскольку так часто предполагалось, что протестантская реформация представляла собой решительный разрыв с мировоззрением Средневековья и каким-то образом ознаменовала веку в интеллектуальном прогрессе человека, возможно, стоит задуматься, так ли это было на самом деле. Я уверен, что бескорыстное изучение реформации должно убедить изучающего, что кризис в Церкви был больше связан с вопросами теологической доктрины и церковного устройства, чем с идеями, лежащими в основе христианства. Это не внесло существенных изменений в унаследованную и прочно укоренившуюся историю прошлого. Поэт-пуританин Мильтон воспекает "первое непослушание человека" во многом так, как Св. Августин сделал бы это. Оружие великого наступления еще не было выковано. Мы - те, кто будет призван встретиться лицом к лицу с

видением Нового Духовного Мира и быть верными его требованиям к нашей лояльности и целостности. "Отход протестантов от Римско-католической церкви, - пишет профессор Робинсон, - не связан с каким-либо решительным интеллектуальным пересмотром. Представители обеих партий постоянно делали такой горячий акцент на различиях между протестантизмом и католицизмом, что близкое интеллектуальное сходство двух систем, более того, их идентичность в девяти частях из десяти, как правило, ускользала от нас. Ранние протестанты, конечно, принимали, как и католики, весь святоотеческий взгляд на мир; их историческая перспектива была схожей, их представления о происхождении человека, о Библии с ее прообразами, пророчествами и чудесами, о рае и аде, о демонах и ангелах - все они идентичны.... Ранний протестантизм, с интеллектуальной точки зрения, по сути, является этапом средневековой истории ".

Но когда мы смотрим на протестантизм как на социальное и религиозное движение, а не как на интеллектуальное движение, мы видим, что оно выступало за определенные относительно новые акценты, которые действительно указывали на разрыв со средневековьем. Многие искренние люди чувствовали потребность в более глубокой, более личной уверенности в спасении, чем та, которую дают традиционные, существенные таинства Церкви. Религия казалась им более личным делом, чем это было открыто. Посредством акта веры индивид надеялся установить новые отношения с Богом, в которых его грехи были прощены и достигнуто спасение. Таким образом, спасение стало более внутренним актом, чем это было раньше, и особенно таким, в котором церковный институт играл гораздо менее важную роль. Новая тенденция делала упор на индивидуальное, личностное, а не на институциональное и формальное. Католицизм унаследовал слишком много ритуальных и магических ловушек, чтобы полностью гармонизировать с острым этическим чувством молодых и простых людей, которые приближались к зрелости.

Новое движение занимает оборонительную позицию и, будучи слишком полностью отчужденным от институтов, реформу которых оно проводит, почти неизбежно становится узким и интенсивным. Итак, протестантизм, по сути, делал упор на спасение души путем удовлетворения определенных требований доктринального и этического характера, и поэтому он имел тенденцию отказываться от тех функций и отношений, которые Средневековая Церковь включала в свою сферу. Именно это явное усиление одного фактора и исключение других мы должны иметь в виду, когда сравниваем ранние протестантские секты с католической церковью средневековья.

Глубокое религиозное рвение легко приводит к ограниченности, особенно когда духовные ценности, считающиеся существенными, субъективны и довольно формальны. Поскольку конфессиональный протестантизм был таким же потусторонним, как и средневековая церковь, он оторвался от тех аспектов жизни, которые в противном случае могли бы смягчить его и уберечь от формализма и жесткости. Мы можем смеяться вместе со Свифтом над причудами Джека, над его суровостью и дикостью, над его натянутым толкованием Священных Писаний и отсутствием у него социального такта, но мы должны, если хотим быть справедливыми, всегда помнить о мировоззрении, которое унаследовал Джек.

Современный протестант обычно не осознает, насколько отличался протестантизм шестнадцатого и семнадцатого веков от того, что он видит вокруг себя. Протестантизм смягчил и впитал в себя ценности и интересы, которые он когда-то отверг бы как не имеющие отношения

к огромной драме спасения. Возьмите средневековый католицизм с его идеалом общества, управляемого Церковью, его доктринами греха и искупления, его верой в иной мир, затмевающий этот, его аскетизмом и устранив сакраментальную власть Церкви, и перед вами ранний протестантизм. Вместо того чтобы бежать от мира и его искушений, христианину было приказано жить в нем, как часовому на страже. Он не должен был сосредоточивать свое сердце на земных удобствах или чрезмерно любить вещи и интересы этой жизни, а скорее попирать их ногами, устремляя взор ввысь. Неудивительно, что ранние протестанты были суровыми людьми; они были сообществом светских монахов. Они испытывали радость единения с Богом и гарантировали искупление от греха, но этот мир не был их истинным домом. В то время как Средневековая церковь смягчала аскетизм исторического христианства различием между тем, что было навязано духовенству, и тем, что требовалось от мирян, протестантизм не смог продолжить это различие, потому что все верующие были священниками. Все должны были соответствовать одному и тому же высокому стандарту, иначе рисковали быть проклятыми. Эта экзальтация в значительной степени отошла от протестантизма, и мы, привыкшие к более мягкой идее спасения, склонны считать этот набор идеалов узким и даже болезненным. Мы забываем, что пуританство было выражением аскетического религиозного взгляда на мир.

Именно в сфере церковного управления протестантизм внес свои большие изменения, попытавшись вернуться к политике ранней ассоциативной формы христианства. Особенно более радикальные формы протестантизма положили начало движению в направлении того, что мы сейчас называем демократией. На самом деле не может быть никаких сомнений в том, что эти волны религиозного индивидуализма способствовали росту демократических и республиканских форм правления. Это влияние было незапланированным и относительно случайным, поскольку религиозный индивидуализм больше заботился о праве на отправление культа в соответствии с велениями совести, чем о политических правах. Но человек - это психологическое целое, и поэтому реформа в одном направлении неизбежно затронет другие сферы жизни.

Как мы уже указывали, изменения, внесенные в теологическую сферу, ни в коем случае не были революционными с интеллектуальной точки зрения. И все же дух и настроение религии претерпели глубокие изменения. Процесс спасения был понят по-другому, и это привело к мысли о более прямой связи между человеком и Богом, чем это допускалось в более старой Церкви. Считалось, что Бог гарантировал искупление тем, кто верил в Иисуса Христа как искупителя. Этот принцип привел к тому, что особое внимание уделялось Библии и личному опыту. Именно через изучение Библии люди приходили к этой личной вере, и Библия соответственно воспринималась как представитель Бога на земле. Что удивительного, что это было заменено Церковью и традицией как непогрешимым и неизменным авторитетом! Логика движения ясна. Один ученый указал, что протестантизм ввел доктрину непогрешимости раньше, чем это сделала Римско-католическая церковь. Кальвинизм выбрал августинские догмы об избрании и первородном грехе в качестве своей основы и использовал их таким образом, чтобы стать борющейся церковью, собранием избранных, бесстрашных и полагающихся на себя.

Вскоре библиопоклонство расцвело, и повсюду возникли секты, готовые подвергнуться преследованиям за свою особую интерпретацию отрывков. Теология превратилась в набор фанатично исповедуемых догм, подкрепленных обильными цитатами. Интеллектуальная атмосфера, в которой возникли эти догматические теории, была самой обычной и

ограниченной. Широта взглядов на жизнь была скорее исключением, чем правилом. Общее предположение о христианской схеме мироустройства оставалось неоспоримым, в то время как самые ожесточенные споры разгорались по поводу вопросов, которые современному образованному человеку кажутся совершенно неважными. Такого хода событий следовало ожидать, и его нельзя было предотвратить. Возможно, это принесло больше пользы, чем вреда, потому что поощряло независимость масс. Единственным лекарством от этого был не авторитет, а образование. А мир еще не был готов к всеобщему образованию. В определенные периоды огромная трата умственной и моральной энергии просто неизбежна: люди не могут не ходить по кругу одних и тех же идей с самой трогательной серьезностью. Условия для прогресса не всегда готовы. Воспользуйтесь знаниями духовенства. Она была ограничена классикой, патристикой, массивными томами по теологии, Библией в ее еврейском и греческом оригинале. Просветление должно было прийти не из этих областей. Истина заключается в том, что протестантизм медленно видоизменялся и смягчался, почти вопреки самому себе, под всепроникающим влиянием великой мировой цивилизации, которая выросла вокруг него и к которой он был более восприимчив, чем реорганизованная католическая церковь. Давайте рассмотрим этот момент более внимательно.

Реформация была не только причиной, но и следствием. Нации обретали самостоятельность в условиях более сложной социальной жизни, полной человеческих интересов и ценностей. Возникшие конфессиональные церкви не смогли утвердиться достаточно надежно, чтобы доминировать над гражданскими властями. Следствием этого стало то, что светская цивилизация освободилась от влияния религии и ее сверхъестественности. Правительство, наука, искусство, промышленность и литература процветали в условиях свободы, которую они редко испытывали раньше. Дезорганизация религиозных институтов позволила многим тенденциям, до сих пор державшимся на заднем плане человеческого сознания, выйти на передний план и раскрыть свою власть над человеческой душой. Разве мы не знаем, что многим великим средневековым врачам приходилось бороться со своей любовью к литературе и искусству? Можно сказать, что протестантизм был непреднамеренной причиной возникновения современного мира.

Протестантизм распался на множество сект и течений по мере того, как на него падала призма человеческого темперамента. Появились радикальные секты, такие как независимые, квакеры, баптисты, пиетисты и конгрегационалисты. Они были радикальны скорее в социальном, чем в интеллектуальном плане. Это были субъективные вариации унаследованных мотивов. В основном они представляли собой бунт против авторитаризма и подчеркивали внутренний свет или очень мягкую апелляцию к разуму. И все же мы должны называть их сектами только потому, что у них был почти одинаковый дух и предположения, и они преувеличивали то, что следует рассматривать как незначительные различия. Тем не менее, само их количество придавало религии более мягкое направление и делало идею терпимости более естественной. В количестве была безопасность. С интеллектуальной точки зрения унитарное движение заслуживает внимания за его помощь в свержении старой догматической структуры. Наряду с этими более субъективными и эмоциональными ответвлениями протестантизма возник философский идеализм, добавивший нотку смутного пантеизма и привкуса доброго мистицизма. Короче говоря, конфессиональный тип протестантизма смягчился под влиянием более рациональной социальной организации с ее более мягкой жизнью. Разум обретал конкретность и силу, а человеческие ценности - привлекательность. Ветхий Завет постепенно уступил место синоптическим евангелиям Нового времени, в то время как аскетизм спал, как

мантия. Я сам хорошо помню времена, когда религия была в значительной степени вопросом моральных табу. "Ты не должен" намного перевешивало предложение конкретных направлений позитивных усилий. Такой спиритуализм был скорее пассивным и подозрительным, чем активным и созидательным. За последние тридцать лет протестантизм незаметно превратился в мягкую религию духа, сентиментально относящуюся к жизни и пронизанную популярными представлениями о науке и философии. Проповедь пуританина касалась двух устройств; проповедь современного священника полна цитат из поэтов и свидетельствует о растущем влиянии социальных наук. Негативная нота едва слышна. Этот мир и его духовные проблемы находятся в центре внимания.

Современный протестантизм не слишком уверен в своем вероучении. На самом деле, она настолько неуверенна в доктринах, которые хочет отстаивать, что предпочитает обсуждать человеческие проблемы и растрачивать свой энтузиазм на продвижение мягкого этического кодекса, связанного с учением Иисуса из Назарета. В самом прямом смысле такое отношение делает ему честь, поскольку оно позитивно и по-настоящему духовно. Более того, это свидетельствует о сознании упадка сверхъестественной перспективы, которая доминировала и вводила в заблуждение мир на протяжении стольких веков. Дух и знания нынешнего века подорвали традиционные верования, и среднестатистический протестант слишком хорошо образован и слишком тесно связан с современными движениями, чтобы не знать об этой ситуации. Он не уверен, куда его ведут, и ему не так уж все равно; он довольствуется тем, что плывет по течению человеческого развития, уверенный в том, что мир становится лучше и шире в своих целях и возможностях. Вера и догмы отходят на задний план и вскоре будут отброшены, в то время как духовные ценности, которые вырастают из человеческой природы и жизни и выражают их, неуклонно выходят на передний план.

Церковь как институт - лишь один из многих. И далее следует помнить, что жизнь общества выходит за рамки институтов, подобно тому, как жизнь организма выходит за рамки привычек и структуры, которые он использует. Религиозные институты не создавали современный мир с его гигантскими достижениями в торговле, острым применением науки, утонченным искусством, смелыми жизненными авантюрами, смелой философией, высоким уровнем образования, экспериментами с новыми социальными формами. Без сомнения, они внесли свой вклад в эту работу, но на них воздействовали даже больше, чем они сами действовали. Из-за отсутствия внутреннего единства и антагонизма к власти протестантизм не мог создать эффективного барьера для роста нового мировоззрения. Часто подозрительный, он, тем не менее, боролся открыто. Испытание на прочность в конечном итоге обернулось против него, потому что его основа была неадекватной. Миф не может бороться с наукой и надеяться на победу. Вердикт упорного состязания становится очевидным как для победителя, так и для проигравшего. Будем надеяться, что проигравший мужественно воспримет свое поражение и постепенно приспособится к зарождающемуся Новому Миру. Тогда протестантские церкви могут стать группами добровольных ассоциаций, преисполненных высокой духовной цели и служащих развитию более совершенной социальной и экономической жизни. Главная необходимость состоит в том, чтобы найти функцию, которая является реальной и жизненно важной в суждениях и сознании того времени.

Нельзя отрицать, что различные церкви еще долго будут играть благотворную роль в социальной экономике, но вполне можно задать вопрос, не была бы эта роль более значительной и разумно созидательной, если бы были отброшены мешающие традиции и

верования прошлого. Ибо эти традиции являются убежищем интерпретаций и социальных привычек, которые плохо приспособлены к потребностям настоящего. Они замедляют энергию институтов и затуманивают их видение. Они побуждают самых искренних людей использовать инструменты, которые утратили свое преимущество. Например, разве гражданское и нравственное воспитание не является гораздо более эффективным, чем мелодраматические пробуждения, которые будоражат эмоции людей и оставляют их без карты и компаса перед проблемами их повседневной жизни? Церковь должна учиться профилактике; она должна пройти школу социальных и ментальных наук. Только так она победит тот дилетантизм, который сопутствует отсутствию методического разума.

Но церкви имеют право ответить, что они не единственные грешники в этом отношении. Институты всех видов демонстрируют одинаковую тенденцию к заторможенности, консерватизму, пустой трате энергии, убеждения и привычки прошлого тяжело цепляются за них как за препятствие. Редко случается, чтобы новая жизнь зарождалась в них достаточно быстро, чтобы сломать эту инертность. Возможно, все, о чем молодое поколение имеет право просить, - это о духе терпимости и даже уважения ко всем привязанностям, которые проявляются к вещам с хорошей репутацией, и о более католическом отнесении всех человеческих ценностей к классу духовных. Ученый работает ради духовных благ, как и художник, как и социальный реформатор, как и педагог, как и поденщик, выполняющий свою работу ради кого-то из близких.

Море веры, о котором пел Мэтью Арнольд, действительно на исходе; но в душе человека поднимается новое море веры, веры в человечество, в эту жизнь здесь и сейчас, веры в обычные вещи и обычных людей, веры в благородные поступки и их одаренных создателей, веры, основанной на сочувствии и душевной целостности и укоренившейся в жизненных реалиях. Это вера, основанная на высоком стремлении усвоить и нести дальше духовные ценности, которых человечество постепенно достигало в своих многовековых трудах. Не отказываться, но превзойти, не отрицать, но трансформировать: так будет завоеван новый день. Пусть духовные силы, выросшие вокруг религии, промышленности, науки, философии, гражданственности и искусства, проявят волю, чтобы принести более полную меру Царства, о котором так долго мечтали, на эту землю, которая была и навсегда останется единственным домом человека.

ГЛАВА XVI

РЕЛИГИЯ ГУМАНИСТА

На предыдущих страницах мы, без сомнения, часто страдаем - но нам нужно исцелять боль. Хороший хирург проводит глубокое исследование, чтобы ему не пришлось делать операцию снова. Даже незначительное количество оставшихся пораженных тканей может помешать возвращению энергичного и творческого здоровья. Таким образом, то, что тревожному пациенту может показаться ненужной жестокостью, может оказаться величайшей добротой. Сентиментальный компромисс никогда не приветствуется зрелым суждением храброго человека. И в этот день, когда так много людей добровольно отдали свои жизни ради человеческого идеала, справедливо ли дрогнуть в духовной войне, которая противостоит нашему поколению? Мы стремимся ни к чему иному, как к возрождению, в котором энергия людей будет мудро и преданно направлена на то, что является великим человеком. В таком служении мы должны стремиться быть строги к себе и к другим.

В прошлом религия слишком часто была формальной, негативной и стремилась убежать от мира. Она говорила жизни "нет", а не "да". Религия прошлого основывалась на ощущении человеком собственной беспомощности в мире, который он не понимал. Руководствуясь самым инстинктом самосохранения, он создал сверхъестественные силы, которые должны были быть на его стороне в той мрачной и неравной борьбе, в которую он был вовлечен. Но эта уловка, с помощью которой он думал победить, возымела свои коварные последствия, ибо она отвратила человека от понимания и овладения своим миром. Он стал здесь всего лишь паломником, стремящимся к небесным радостям и великолепию, которые погрузили этот мир во тьму. Что это были за радости и великолепие, он едва ли знал; и все же он прижимал мысль о них к своему сердцу и презирал все чисто человеческое. И если, как это часто бывало, мир давил на него все сильнее, его совесть терзалась. Он был человеком, разобщенным сам с собой, неспособным беззаветно отдаться какому-либо предприятию.

Но религия гуманиста - это религия того, кто говорит "да" жизни здесь и сейчас, того, кто уверен в себе и бесстрашен, умен и созидателен. Это религия воли к власти, религия того, кто суров к себе и в то же время радуется самому себе. Это религия мужества, целеустремленности и преобразующей энергии. Его девиз: "Чего только не сотворил человек?" Его цель - овладеть вещами, чтобы они могли стать слугами и инструментами духовного товарищества человека. Какой бы смесью магии, страха, ритуалов и обожания ни была религия на заре жизни человека, сейчас и впредь она должна быть тем, что касается благородства человека, его открытия и верности всеобъемлющим ценностям жизни. Религиозным человеком теперь будет тот, кто ищет причины, которым можно быть верным, социальные ошибки, которые нужно исправить, раны, которые нужно залечить, достижения, которым нужно способствовать. Он будет конструктивным, бесстрашным, верным, чувствительным к добру, где бы оно ни находилось, верующим в человечество, борцом за то, что стоит того.

Когда старые идеи ослабевают, они засоряют духовную систему. Условность, рутина и сентиментальность заменяют свежую энергию, которая всегда сопровождает глубокую убежденность. Евангелие не может быть наследием, которым наслаждаются: это должна быть заслуженная часть. И особенно сегодня существует острая потребность в смелой критике прошлых стандартов, за которой следует акт разумной воли, бесстрашно продвигающийся к

переформулировке и подтверждению ценностей. Поскольку старые религии не обладали такой силой, чтобы возвеличивать значимые человеческие идеалы, соответствующие меняющемуся кризису времени, нации скатились к материализму коммерциализма и милитаризма. И только религия, настаивающая на рациональном и мудром толковании путей жизни, сможет спасти их. Лозунги сами по себе, если они остаются расплывчатыми обобщениями, непереводаемыми в новые направления усилий, потерпят неудачу. Что необходимо, так это новая цель или же прагматичное развитие прошлых мечтаний в программы, пробуждающие лояльность и надежду. Но центр тяжести и устремлений такой религии будет находиться внутри общества. По сути, это будет религия гуманистов. Она спасет человеческие души, сделав их достойными спасения. Для него спасение не будет магическим фокусом-покусом, внешним по отношению к размаху и тембру личности человека: это будет его верный и разумный союз с теми ценностями и возможностями жизни, которые попали в его поле зрения. Обращение будет означать просвещение и перенаправление энергии души. И общество будет нуждаться в обращении так же остро, как рассеянные люди в трущобах и многоквартирных домах. Подчеркивает ли это сегодня самые важные вещи? Государство было слугой вещей такими, какие они есть, а не такими, какими они могли бы быть. Религия гуманиста не допускает хитрого разделения на то, что принадлежит Богу, и то, что принадлежит цезарю. Человеческие ценности столь же ревнивы, как Яхве Моисея. Согрешить против них - значит умереть духовно.

Распространенное мнение, что критическая работа всегда носит исключительно негативный характер, является большой ошибкой. Это сознательная ошибка догматизма, который чувствует себя неуверенно. Это ошибка духовного плана, который привык к легкости и ненавидит, когда его беспокоят. Рано или поздно критика приводит к чему-то позитивному, к новому видению и новой цели. Все, что нужно, - это терпение, основанное на вере, и готовность испытать все в твердой уверенности, что истина восторжествует. Более того, критика оказывает положительное психологическое воздействие, поскольку она привлекает внимание к реальной ситуации и направляет внимание на жизненные проблемы. Это тот стимул для души, который мешает ей заснуть. Без этого проблем скорее избегают, чем ищут. Кто может отрицать, что эта летаргия была удручающей чертой христианской церкви сейчас, когда каждая сфера жизни громко требует энергичного мышления? Несомненно, религия имеет отношение к чему-то большему, чем обычные жизненные приличия, какими бы важными они ни были. Его место в авангарде сражений; это связано с последними надеждами и мелькнувшими видениями, с тем, что должно произойти, так же как и с тем, что есть. Религия в самом напряженном ее проявлении имеет отношение к предельной лояльности. Привычки и традиции беспомощны в таких вопросах, на которые возлагаются надежды — на этой земле.

Но хватит о критической стороне. Мы говорили, что грядущая религия скажет "да" человеческой жизни. Однако она не будет утверждать это слепо и сентиментально. Это будет реалистично и целеустремленно. Все великие религии прошлого признавали трагические аспекты человеческой жизни, ее краткость, ее ничтожность, ее суетный эгоизм, ее недостаток видения, ее страдания; но они слишком часто были склонны презирать человечество, видя его на безграничном фоне небесного всемогущества и совершенств. Религия как верность человеческим ценностям ни на йоту не утратит этого трагического смысла, и все же пугающий

фон сверхъестественного исчезнет. Какая-то доля трагедии останется; но ее болезненность будет выделена и мужественно отвергнута. Социальные группы придут в упадок с желанием жить широко. Они будут стремиться к трепетному благополучию, сотканному из трех ценностей: истины, красоты и добродетели. Святой будет не пресмыкающимся грешником, а человеком зрелой мудрости. Он будет погружен в жизненные потоки и в то же время владеть собой. Он будет одновременно слугой конкретных и непреложных идеалов, их обладателем и наслаждающимся ими.

Тень Великой войны рассеется перед грядущим поколением вскоре после объявления мира. Затем наступит время подведения итогов и переоценки человеческих усилий. Человек должен более серьезно, чем когда-либо прежде, спросить себя, чего стоят те или иные вещи, и, исходя из этого, использовать свои политические и экономические инструменты для их продвижения. И здесь религия человеческих ценностей должна быть ведущей. Согласуется ли демократия с такой религией? Или она все еще слишком робкая, негативная, тонкая и необразованная? У Америки, например, есть душа; но это душа, которая нуждается в дисциплине, наставлениях, созерцании. Религии человеческих возможностей нужны пророки, которые захватят души людей своим описанием общества, в котором праведность, мудрость и красота будут царить вместе. Трудно сказать, какие мысли вызывает у нас такое общество. И все же не означает ли это, что эгоистическая роскошь будет презираться больше, чем сейчас, и все чаще, собственность будет подчинена благосостоянию, экономический страх будет уменьшен до предела, знания будут превозноситься без всякой зависти, а искусство будет призвано на службу? Верность такому идеалу, несомненно, составит сердце религии гуманиста.

Идеалы религии никогда не могут быть легкими. Пророки были суровыми критиками и жестокими надсмотрщиками; Иисус знал, что его истинные последователи не найдут свой путь простой тропой; средневековые святые были строги к себе и своим ученикам. Мы можем обобщить эту историю на будущее.

И все же в будущем религия принесет людям больше радости и удовлетворения, чем это было в прошлом. Из-за своего сверхъестественного характера и искажений религиозные требования часто были болезненными и полными ненужных трений. Религия стремилась помешать человеческой природе и подавить ее, а не направлять и выражать. Но религия человеческой преданности может быть как доброй, так и требовательной, любящей веселье, так и суровой.

Как никогда прежде, духовные ценности поют нам из жизни. Они поют нам о терпеливой любви родителя к ребенку, о покорении природы тренированным интеллектом, о спокойном труде квалифицированного рабочего, о неизменной лояльности в повседневной жизни, о добровольном сотрудничестве граждан, о сладости музыки, о планах большей социальной справедливости и о мире, свободном от войн. Духовные ценности повсюду вокруг нас, приглашая нас к служению. Тот, кто спрашивает, где они, подобен человеку, который просит воды, когда у него под ногами журчит источник. И все же мы были настолько ослеплены старым аскетическим сверхъестественным подходом, что не сразу осознали, что эти простые человеческие вещи благородно духовны. Пока существуют стоящие вещи, будут существовать и духовные ценности. Разве этого недостаточно позитивно? Должен ли тот, у кого есть неотъемлемое сокровище, бояться ограбления?

Проще говоря, религия должна быть отделена от потустороннего притяжения традиционных теологий и быть разумно обоснована с точки зрения современного знания. Нет необходимости в яростном антитеизме. Истина, скорее, в том, что человечество мягко и неуклонно перерастает теизм, пока он не перестанет иметь какое-либо ясное значение. Это трудное высказывание, требующее обоснования. Частично я привел обоснование на предыдущих страницах; частично я привел его в другом месте.^[1] Но дрейф среди мыслящих людей очевиден. С неизбежным решением проблемы разума и тела падет последний оплот старого сверхъестественного подхода. Мужчина будет вынужден признать, что он - дитя земли, чья драма имеет значение только на ее груди. Я твердо убежден, что ясное осознание этого факта побудит людей к озарениям и требованиям далеко идущего значения. Разве это не может устранить мертвый груз запретов, который удерживал человеческий дух в плену прошлых взглядов и методов? Больше не будет разделенных интересов и неопределенных горизонтов. Для многих это будет подобно погружению в холодную воду: но разве такое погружение не пойдет им на пользу, пробудив их от догматического сна?

Интерпретация физического мира, частью которого является человек, должна быть предоставлена совместной работе науки и философии. Они дадут нам проверенные и критически важные знания о процессах, происходящих вокруг нас, о дрейфе звезд в мировых пространствах, о спиральных движениях вещества туманностей, об эволюции элементов, об интеграции органических форм, о развитии исторической жизни. Вселенная такова: бессмысленно спрашивать, откуда она взялась, ибо она была всегда, а время - всего лишь термин для изменений, происходящих в ней.

Но, исследовав вселенную с помощью телескопа и микроскопа и придя таким образом к некоторому пониманию своего мира, человек должен снова вернуться к своим собственным насущным проблемам и возможностям, к своей потребности интерпретировать собственное благо, к своему желанию развивать и поддерживать те интересы и деятельность, в которых он находит самовыражение. Его собственная жизнь, как сфера привязанностей и действий, по праву должна быть для него значимым центром вселенной. Эти потребности, интересы, возможности, удовлетворение, лояльность неотъемлемо присущи человеку и имеют силу. Он не может игнорировать их так же, как не может игнорировать свой голод по пище и жажду воды. Ничто не может отнять у него ценности, которые он создал, и никто не может снять с него бремя мужественных усилий. Он хозяин своей судьбы и суфлер в своей собственной драме. В самые напряженные моменты физическое пространство вокруг его планеты будет лишь сдерживать "Бесконечное, глупое веселье звезд".

По мере того, как религия научится отказываться от теологии и принимать современный взгляд на мир, духовность, которую она взрастила, будет сочетаться с разумом. Разума самого по себе недостаточно; чувства самого по себе недостаточно. Чего ждет мир, так это разумного и доброго служения конкретному разуму благам человеческой жизни. Мышление и экспериментирование должны способствовать постепенному улучшению жизни. Эта идея не нова. Многие уже постигали ее полностью или частично; но условия не всегда были достаточно простыми. Конт подразумевал именно такой гуманизм в своей религии человечества, но он был

не в состоянии освободиться от своих ассоциаций с организованным христианством. Нет адекватного мотива для сохранения ритуализма и богослужения комизма, как нет и какой-либо веской причины для обожествления человечества. Человечество - это не сущность и не своего рода верховная личность, которой можно поклоняться. Религия будет означать ценение опыта и деятельности, стремление к их реализации, верность своему призванию. Взятая таким образом, религия согласится с целью, выраженной Хаксли, и одобрит ее: "Способствовать распространению естественных знаний и продвигать применение научных методов исследования ко всем проблемам жизни в меру своих возможностей, в убеждении, которое росло с моим ростом и укреплялось моей силой, что нет облегчения страданий человечества, кроме правдивости мыслей и действий и решительного взгляда на мир таким, каков он есть, когда сорвано одеяние притворства, под которым благочестивые руки скрывали его уродливые черты". Это мировоззрение было названо браком натурализма с филантропией; лучше говорить о нем как о браке натурализма с гуманизмом. Это вера в то, что рациональная духовность возможна, естественна для человека и, прежде всего, желательна.

Но если люди находят свое спасение в любви и верности ценностям различного рода, практическим вопросом становится вопрос о продвижении и поддержке этих ценностей. Каковы некоторые социальные условия благородной жизни? Конечно, образование, возможности и свободное общение. Больше не разрешается доверять пришествию сверхъестественной благодати, которая осветит жизнь. Такое субъективное озарение слишком часто отражает темперамент индивида и лишено той подготовки и широты интересов, которые могут дать только образование и возможность получить разнообразный опыт. Многие ценности, которые мы сегодня ценим наиболее высоко, нуждаются в почве культуры и сложной цивилизации, прежде чем они смогут расцвести. Их широкое распространение - самая заветная надежда демократии, которая выходит за рамки чисто политических аспектов социальных институтов. Но такое распределение - это цель, имеющая условия, которыми необходимо овладеть, поставив острый социальный интеллект на службу подлинному желанию продлить хорошо используемый досуг. Я имею в виду, что задачей современной демократии является обеспечение экономического благополучия и достаточной степени досуга для массы граждан, чтобы у них было время, энергия и возможность развиваться и совместно соприкасаться с приятной и творческой стороной жизни. Но я уже касался этих проблем социального метода и цели в другом томе.^[2]

Настало время обсудить вопрос, который, я не сомневаюсь, витал на заднем плане в сознании многих читателей. Оправданно ли сохранение термина "религия", когда его древняя основа была так полностью отброшена? Я сам много раз задавался этим вопросом. В течение многих лет я чувствовал, что было бы лучше полностью отказаться от этого слова, поскольку оно неразрывно связано с теми идеями и верованиями, которые современный тренированный ум перерастает. Но я не мог скрыть от себя тот факт, что сознание того времени начинало использовать это более свободным и конструктивным образом. Он ощутил элемент набожности и лояльности, который религия, несмотря на ее многочисленные недостатки, питала. Как часто встречается фраза о том, что человек сделал религию интересной! Говорят, что социалист превращает социализм в религию, социальный реформатор - в свою созидательную филантропию, художник - в свое искусство. Мы имеем в виду, что он всем сердцем посвятил себя какому-то из этих направлений. И, положительно, это означает, что он нашел то конкретное и живое спасение, которое всегда приносит человеку идеальное усилие. Он наполнен духом всепоглощающей верности тому, что он ценит. Он оставил позади простые

условности, круговорот использования и привычки и возвысил себя благодаря живой цели, которая освещает и концентрирует его существо. Я думаю, что этот дух и отношение начинают называть религиозными, независимо от того, с какими объектами они связаны. Нет ли у нас здесь знака идентичности, который оправдывает сохранение этого древнего слова? Мораль - слишком холодное слово для ушей большинства людей. Кроме того, моральные ценности - это лишь часть огромного множества оценок, на которые откликается человек. Необходим всеобъемлющий термин, способный охватить все те интересы и виды деятельности, которые придают жизни разнообразие и славу. Есть ли лучший термин, чем религия?

Но не должно быть никакой ошибки в новом значении термина; нельзя поощрять никакой казуистической двусмысленности. Мы должны быть тверды в нашем отрицании старого, а также конструктивны в нашем утверждении нового. Я пытался показать, что вера в сверхчеловеческих духов возникла в первобытные времена, когда человек мало знал о мире, в котором он оказался. Исследователи истории религии прослеживают шаги от полидемонизма к политеизму, а затем к генотеизму и монотеизму. Наряду с этой эволюцией, которая отражала изменения в социальной организации, происходила соответствующая моральная трансформация этих божественных существ. Тем не менее, мировоззрение было в основном таким же, как и в прежние дни. Предполагалось, что социальные отношения управляют Вселенной в целом. Природа признавала своего хозяина в Боге во многом так же, как подданные короля приветствовали его как своего господина. Он был могуществом, величием, властью и славой. Существует трогательный случай, связанный с Карлайлом, который имеет значение в этой связи. Мистер Фрауд сказал Карлайлу незадолго до смерти последнего, что он может верить только в Бога, который что-то сделал. С криком боли Карлайл ответил: "Он ничего не делает". Как мы можем согласовать этот крик с его прежней верой в Вечную Волю и Провиденциальное Правление миром? Это невозможно. Романтический спиритуализм должен уступить место гуманистическому натурализму, который ясно видит место человека в мире. Мораль, наука и искусство являются творением человека и его особым достоянием. Что ему нужно, так это стабильная, законопослушная среда для работы. У него это есть, и он в некоторой степени овладел этим. Следующий необходимый шаг - овладение собой и теми огромными институтами, которые выросли и теперь угрожают заставить его возвращаться по своим орбитам. Человеку еще предстоит сражаться.

Религия будущего будет все больше касаться двух вещей - добродетелей и ценностей. Греческие добродетели стали более нежными благодаря христианским добродетелям и более стойкими благодаря той тренировке воли и характера, которая ассоциируется у нас с пуританством. Опыт веков углубил и расширил человека, сделал его менее поспешным в суждениях, более осознающим свои ограничения, более реалистичным, более эффективным. В то же время он добавил тот оттенок пафоса, который одухотворяет красоту жизни. Мы также верим, что это подпитало то чувство нежности к домашней судьбе обычного человека, которое когда-нибудь найдет выражение в более полной демократии, чем та, что когда-либо существовала на земле.

Но, прежде всего, религия должна быть католической по своим ценностям. Где бы ни предпринимались лояльные усилия, они будут признавать присутствие духовного. Он будет чтить философа, нашедшего спасение в решении сложных интеллектуальных проблем, ученого, от всего сердца посвятившего себя изучению природы, миссионера, посвятившего себя распространению возвышенной концепции жизни, доброго врача, стремившегося облегчить

человеческие страдания, социального реформатора, посвятившего свою жизнь агитации за более разумное общественное устройство, художника, у которого было видение красоты и который трудился над тем, чтобы выразить его таким образом, чтобы все люди могли разделить его, мужчину и женщину, которые мужественно и милосердно справлялись с повседневными задачами. . И она будет стремиться к тому, чтобы эти ценности были ближе знакомы друг с другом, чем это было до сих пор. Руководство доброго и трезвомыслящего разума не будет воспринято с подозрением, ибо этой человеческой вере нечего будет бояться, потому что у нее нет шаткого вероучения, которое нужно поддерживать. Каким облегчением было бы избавиться от узкого сектантства, жестокого фанатизма, мракобесия сверхъестественного в религии! Эти неприятные черты духовной жизни человека коренились в недоверии к человеческой природе и человеческому разуму, в определенной раболепии души, сохранившемся с далеких дней человеческого невежества и страха. Они будут уменьшаться и исчезнут по мере роста знаний, по мере того, как свобода станет конкретной и значимой, по мере того, как в массе людей будет расти духовное мужество. И, по моему мнению, нет ничего более рассчитанного на ускорение роста этой жизнерадостности и морального мужества, чем большая мера социальной справедливости в обычных жизненных делах.

И в этой миссии согласования и служения различным жизненным ценностям разум будет иметь равного себе помощника. Несомненно, искусство будет все больше и больше занимать свое место в жизни, которая открывается перед нами! Душа человека будет жаждать благодатного окружения, гармонии хорошо построенных жилищ, умиротворения рассвета и цветов, возвышенности благородных зданий. Уродство и убожество будут ему отвратительны, ибо он будет знать их духовную цену. Но человек будет не только стремиться к здоровому и красивому окружению, он также будет стремиться интерпретировать для себя все фазы своей жизни. И в этом усилии интерпретации он преуспеет еще более полно в том, чтобы видеть различные стороны своей жизни как части единого целого. Искусство поставит перед собой задачу придать значимость и глубину природе, промышленности, дому, общественной жизни, науке. И когда искусство начнет выполнять эту миссию интерпретации, о нем перестанут думать как о простом украшении, игрушке богатых. Она будет задумана как средство выражения тех различных привязанностей, которые облагораживают и одухотворяют жизнь. По мере того, как человеческая раса будет становиться здоровее и счастливее, она будет в полной мере использовать этот дар из всех, которыми она обладает, - способность облекать вещи в изящные формы и придавать своим глубочайшим чувствам человеческий оттенок. Искусство станет верховным жрецом религии верности жизненным ценностям.

Для тех, кто привык к старой мифологической обстановке религии с ее отвлеченным взглядом на человеческую жизнь в целом, это пророчество лишь подтвердит их убежденность в революционном характере тезиса, который пыталась отстаивать эта книга. Но я уверен, что, если они позволят себе беспристрастное изучение фактов, они рано или поздно будут вынуждены признать неизбежность такого вывода. Если религии суждено выжить, она должна быть человеческой и социальной. Именно те, кто настаивает на сверхъестественном основании и объекте, являются ее врагами. Жизнь человека духовна сама по себе. До тех пор, пока он будет мечтать о красоте, добре и истине, в его жизни не будет недостатка в религии.

[1] Тех, кого интересует конструктивная философская позиция, соответствующая результатам современной науки, можно отсылать к двум моим книгам: "*Критический реализм*" и "*Основы философии*". Я там показал, что дуализм разума и тела возник из-за ложного подхода. Психология дает знания о функциональных возможностях нервной системы в дополнение к тем, которые дает физическая наука, и никоим образом не противоречит им, а сознание находится в мозге.

[2] См., в частности, *Следующий шаг в демократии*, гл. 5.

КОНЕЦ

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Следующие страницы содержат рекламу нескольких книг Макмиллана на схожие темы.

Издательство MACMILLAN COMPANY
— Пятая авеню , 64-66 , Нью —Йорк